

55380

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS DE ATTILA JÓZSEF NOMINATAE

DISSERTATIONES
SLAVICAE

SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ

SECTIO LINGUISTICA

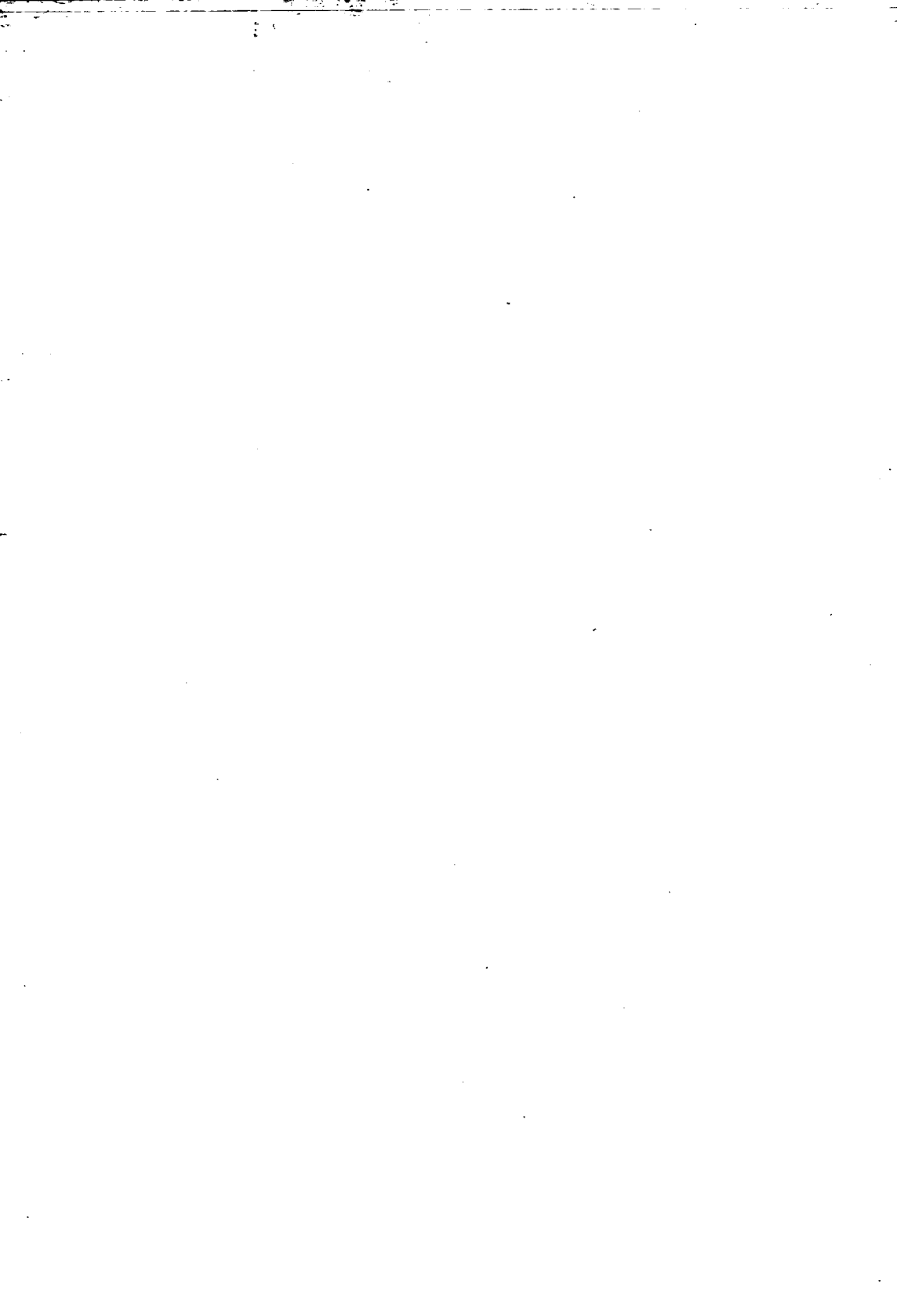
XV

SZEGED
1982

✓

НАСТОЯЩИЙ СБОРНИК ПОСВЯЩАЕТСЯ

IX МЕЖДУНАРОДНОМУ СЪЕЗДУ СЛАВИСТОВ В КИЕВЕ

HU ISSN 0324-6523 Acta Univ. Szeged
A. József Nom.

HU ISSN 0586-3737 Diss. Slav.

ОБЪЕКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РУССКОМ И ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКАХ

И. Пете

1. По мнению Н.Н. Арват, "семантический объект - это зависимый компонент семантической структуры предложения, обозначающий предмет, при помощи или при участии, посредничестве, наличии которого проявляется предикативный признак предмета"¹.

Это определение не отражает полностью сущности объектных отношений, поскольку объект, во-первых, может обозначать не только предмет, но и действие /Он любит читать - /ő/ szeret olvasni, во-вторых, при помощи объекта может проявляться и субъектный, и объектный, и обстоятельственный, и определительный признак предмета /Читать книги - полезно - Könyveket olvasni hasznos. Я застал ученика, читающим книгу - A tanulót könyv olvasása közben találtam. Ученик, читая письмо, идет по улице - A tanuló levelet olvasva megy az utcán, Ученик, читающий книгу, сидит за столом - A könyvet olvasó tanuló az asztalnál ül/, в-третьих, предикативные, субъектные, объектные, обстоятельственные и определительные признаки, появлению которых способствует объект, должны иметь значение д е й с т в и я, в-четвертых, разные обстоятельства также могут играть роль посредника при проявлении предикативного признака /Он пишет карандашом/, и поэтому отграничение объектных и обстоятельственных отношений представляет часто большие трудности.

Мы считаем, что объектные отношения выражают н.е.о.б.х.о.д.и.м.у.ю.н.а.п.р.а.в.л.е.н.н.о.с.т.ь действия на предмет или на другое действие. Направленность действия может быть

¹ Арват Нинель Николаевна, Семантическая структура безличных предложений в современном русском литературном языке. М., 1975, Автореферат докт. дисс., стр. 15.

объектной, объектно-адресатной, обстоятельственной и объектно-обстоятельственной. Ср.: Ученик читает книгу - Учитель дает книгу ученикам - Ученик слезает с крыши на землю - Ученик перешел улицу. Ученик обошел дом 'A tanuló körbejárta a házát'.

Объектная направленность - в отличие от обстоятельственной - является необходимым признаком проявления действия и не связана, как правило, с направленностью движения субъекта /производителя/ действия.

2. С п о с о б ы выражения объектных отношений в разных языках тесно связаны с категорией переходности глагола и с категорией залоговости предложения.

В действительных конструкциях русского и венгерского языков объектные отношения выражаются в глагольных и синонимичных им субстантивных, адъективных и предикативных наречных словосочетаниях в составе сказуемого или в составе подлежащего простого предложения дополнение либо дополнительной придаточной частью сложного предложения. По определению А.И. Смирницкого, "дополнение - это слово в предложении, которое обозначает некоторый предмет, которое в отличие от подлежащего обозначает не главный, а второстепенный предмет в данной ситуации"². Для дополнения и дополнительной придаточной части сложного придаточного предложения характерно сильное управление и сильное примыкание. Дополнение является обязательным членом простого предложения или обязательным компонентом сложного предложения.

Дополнение относится к глаголу, т.е. оно бывает приглагольным. Ср.: Он любит молоко - Он любит пить по утрам молоко - Он любит, если ему дают на завтрак молоко. Субстантивные и адъективные словосочетания, словосочетания со словами категории состояния /с предикативными наречиями/, по

² Смирницкий, А.И., Синтаксис английского языка. М., 1957, стр. 195.

нашему мнению, только в том случае выражают объектные отношения, если они имеют значение направленного /переходного/ действия, то есть главные члены таких словосочетаний имеют семантическую связь с переходными глаголами. Ср.:

<u>Чтение книг - полезно.</u>	--	<u>Читать книги - полезно.</u>
<u>Знание языков - очень важно.</u>	--	<u>Знать языки - очень важно.</u>
<u>Мать рада дочке.</u>	--	<u>Мать радуется дочке.</u>
<u>Он сердит на сына.</u>	--	<u>Он сердится на сына.</u>
<u>Мне жаль эту девушку.</u>	--	<u>Я жалею эту девушку.</u>

В русских отглагольных существительных со значением действия отсутствует - в отличие от венгерского языка - категория переходности/непереходности. Из этого следует, что словосочетания типа развитие промышленности в переходном значении /az ipar fejlődése - от развивать промышленность/ выражают объектные отношения, в непереходном значении /az ipar fejlődése - от промышленность развивается/ - определительные. Ср.: посещение знакомых - az ismerősök látogatása/ismerősök meg-látogatása. В.А. Суханова отмечает, что некоторые приглагольные дополнительные словосочетания могут быть преобразованы в субстантивные словосочетания двойко. Напр.: двинуть рукой - движение рукой, движение руки - Он судорожным движением правой руки все сдвигал шапку. /Горький/³.

Объектные и определительные значения в субстантивных словосочетаниях выражаются по-разному, если в соответствующих глагольных словосочетаниях дополнение обозначается не винительным падежом. Ср.:

<u>Руководство коммунистической</u>	-	<u>Руководство коммунистической</u>
<u>партией - это задача централь-</u>		<u>партии обеспечило по-</u>
<u>ного комитета - партией</u>		<u>беду революции /Ожегов/ -</u>
= дополнение,		<u>партии</u> = определение.

Словосочетания типа руководство партией и руководство партии

³ Суханова, В.А., Синтаксические особенности отглагольных существительных со значением действия. М., 1964, АКД, стр. 9.

переводятся на венгерский язык одинаково: a párt vezetése.

Пояснительные члены адъективных словосочетаний, обозначающие необходимый - но не направленный - для уточнения признака предмет, мы относим к ограничительным обстоятельственным отношениям. Напр.: Венгрия бедна полезными ископаемыми. /В русских грамматиках такие словосочетания считаются объектными/.

Во многих работах объем объектных отношений и дополнений совпадает. Ф.К. Гужва, напр., указывает, что "дополнением называется второстепенный член предложения, который обозначает объект действия, состояния или признака..."⁴. Дополнение и обозначение объекта, однако, не одно и то же. Объект не всегда обозначается дополнением, дополнение не всегда имеет объектное значение. В страдательных конструкциях объект обозначается подлежащим предложения. Ср.: Ученик читает книгу - Книга читается учеником. Во многих типах односоставных двухкомпонентных предложений дополнение обозначает субъект действия. Напр.: Мне хочется спать. Волной унесло лодку. У меня ничего не болит. Таких студентов только один. В предложениях типа Он имеет детей. Он обладает голосом дополнение выражает притяжательные отношения, в предложении Мне надо эту книгу /простореч./ - модальное отношение.

3. Со стороны формы в русском и венгерском языках различаются: 1. именное дополнение, 2. инфинитивное дополнение и 3. придаточное дополнение. Ср.:

<u>Брат попросил у меня совета</u>	- A fivérem tanácsot kért tőlem.
<u>Брат любит рисовать</u>	- A fivérem szeret rajzolni.
<u>Брат попросил меня купить ему сегодняшнюю газету</u>	- A fivérem megkért, hogy vegyek neki egy mai újságot.
<u>Брат попросил, чтобы я купил ему сегодняшнюю газету</u>	"

⁴ Гужва Ф.К., Современный русский литературный язык. Киев, 1971, стр. 91.

Брат спросил, купил ли я - A fivérem megkérdezte, hogy
ему сегодняшнюю газету. vettem-e neki mai ujságot.

3.1. Именное дополнение выражается именем существительным, именем числительным и любым субстантивированным словом, словосочетанием или цельным предложением в позиции дополнения. Напр.: Ты не купишь на эти деньги много. Раздели двадцать на четыре. Для себя же он связал это "вдруг решил" с полным отсутствием радиogramм Колыванову /Горбатов/. Все эти "охрана труда, ау, где ты?" ... надо сократить /М. Кольцов/⁵. Именное дополнение в русском языке может быть прямым и косвенным. В венгерском языке косвенное дополнение не выделяется. Русским косвенным дополнениям в венгерском языке обычно соответствует "прямое" дополнение, реже так называемое állandó határozó 'устойчивое обстоятельство', или állandó vonzat 'сильное управление'.

Прямое дополнение обозначается беспредложной формой вин. падежа или формой родительного падежа при отрицании, при обозначении части целого, при глаголах и словах категории состояния, которые параллельно могут сочетаться с винительным или родительным падежом. /К ним относятся слова искать, просить, требовать, хотеть, ждать, жаль, жалко/.

<u>Он пил молоко</u>	-	Tejet ivott.
<u>Он выпил молоко и вышел из дома</u>	-	Megitta a tejet és elment hazulról.
<u>Он не пил молоко/молока</u>	-	Nem ivott tejet.
<u>Он выпил /СВ/ молока</u>	-	Ivott tejet/Ivott a tejből.
<u>Отпей молока</u>	-	Igyál le a tejből.
<u>Я ищу место/места</u>	-	Keresem a helyem/helyet keresek.
<u>Он просил у меня книгу/совета</u>	-	Könyvet/tanácsot kért tőlem.

⁵ Последние два примера взяты из учебника Ф.К. Гужвы, стр. 92.

Я жду поезда/восьмичасовой поезд - Vonatot várok/a 8-órás vonatot várom.

Косвенное дополнение обозначается предложным, винительным падежом или другим косвенным падежом без предлога либо с предлогом. Ср.:

<u>Посмотри на себя в зеркало</u>	- Nézd meg magad/at a tükörben.
<u>Ветка коснулась моего плеча</u>	- Az ág megérintette a vállam.
<u>Он завидует мне</u>	- Irigyel engem/et.
<u>Он заведует кафедрой</u>	- Tanszéket vezet.
<u>От отказался от поездки</u>	- Lemondott az utazásról.
<u>Народы стремятся к свободе</u>	- A népek szabadságra vágyanak.
<u>Мы шефствуем над детским садом</u>	- Óvodát patronálunk.
<u>Он нуждается в помощи</u>	- Segítségre van szüksége.

В грамматиках русского языка часто указывается, что "в косвенном дополнении объектное значение проявляется не так четко, как в прямом", поскольку прямое дополнение "обозначает предмет, на который непосредственно направлено действие"⁶. Эта разница между прямым и косвенным дополнением, как нам кажется, проявляется только в том случае, если косвенное дополнение предложное или же оно является в предложении вторым дополнением. Ср.: Отец купил книгу сыну/для сына - Отец отдал книгу сыну, Он знает это - Он знает об этом. Однако, между прямым и косвенным дополнением в примерах типа водить машину - управлять машиной, возглавлять делегацию - руководить делегацией, изучать языки - учиться языкам трудно обнаружить в направленности действия какую-либо разницу. Характер направленности действия в разных языках также мыслится одинаково несмотря на то, что русским косвенным дополнениям в венгерском языке, например, в большинстве случаев соответст-

⁶ Р.Н. Попов, Д.П. Валькова, Л.Я. Маловицкий, А.К. Федоров, Современный русский язык. М., 1978, стр. 328.

вует 'прямое' дополнение. Ср.: Он заведует кафедрой - Tan-széket vezet, Она завидует подруге - Irigylei a barátónőjét. Переходные /прямо-переходные и косвенно-переходные/ глаголы в разных языках обычно совпадают по наличию признака переходности, но часто различаются по ф о р м а л ь н о м у характеру переходности. В венгерском языке, напр., именное дополнение имеет прилепу t или в отдельных редких случаях в качестве варианта нулевую прилепу. - Напр.: Irigylet engem/engemet 'Он завидует мне', Miként fogom szölitani Rég nem látott anyám /Petőfi/ 'Как я обращаюсь к матери, которую я давно не видел'. Определенное партитивное дополнение может иметь прилепу -ből/-ből /Ivott a tejből 'Он пил из молока' - в венгерском языке обычно употребляется глагол HCVI/. Отрицание в венгерском языке не влияет на форму дополнения. Замечание Ф.К. Гужвы также не отражает семантическую разницу между прямым и косвенным дополнением: "Строго говоря, прямым дополнением следует считать только объект, полностью охватываемый действием. С этой точки зрения родительный падеж может считаться прямым дополнением лишь условно, так как выражаемый им объект или совсем не подвергается действию /при глаголах с отрицанием/, или же подвергается частично"⁷. В примерах типа Он завидует мне, Он заведует кафедрой действие "полностью охватывает объект", но несмотря на это подобное дополнение во всех грамматиках русского языка считается косвенным. Д.Э. Розенталь и М.А. Теленкова форму родительного падежа при выражении частичного объекта относят к косвенному дополнению: выпить воды⁸. К прямому дополнению мы относим те случаи употребления род. падежа, когда формы родительного и винительного падежей могут употребляться параллельно, указывая при этом на некоторые смысловые различия между вариантными формами прямо-

⁷ Гужва Ф.К., Указ. работа, стр. 93.

⁸ Розенталь Д.Э. - Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976, стр. 101.

го дополнения. На этом основании мы считаем целесообразным отнести к прямому дополнению также формы род. падежа в словосочетаниях со словами искать, просить, требовать, хотеть, ждать, жаль, жалко. Однако, вряд ли возможно четко отграничить прямое дополнение от косвенного, поскольку их параллельное использование встречается и в других случаях. Так, напр., слабо дифференцировано, или дифференцировано разными значениями одного и того же глагола использование винительного и твор. падежей при глаголах двигать, швырять, кидать, вертеть, по/качать, мотать, трясти, по/шевелить, подергивать, болтать, развести⁹. Ср.: двигать стулья/стульями, вертеть трость/тростью, швырять камни/каменьями, по/качать головой/люльку, мотать головой/нити, трясти головой/дерево, шевелить ушами/сено, подергивать плечами/звонок, развести руками/гармонь. Винительный беспредложный может чередоваться с разными типами предложного дополнения: Посмотри эту книгу - Посмотри на себя в зеркало, наблюдать больного - наблюдать за детьми. На месте предложного падежа при некоторых глаголах возможно употребление винительного падежа. Ср.: сообщить последние известия - сообщить о прибытии поезда /Ожегов/. Мы полностью можем принять точку зрения Е.С. Скобликовой, которая подчеркивает, что "употребление дополнений в разных формах часто имеет лексически связанный характер. Оно определяется не потребностью разграничить разные типы объектов, а традиционными нормами языка, в соответствии с которыми даже при выражении однотипных объектов за небольшими группами слов, а подчас и за отдельными словами нередко закреплена своя форма дополнения"... "Смысловая специфика прямых и косвенных дополнений наиболее четко проявляется, когда при переходном глаголе устойчиво употребляются одновременно два дополнения"¹⁰.

⁹ См. Пете И., Глагольные словосочетания с названиями частей тела в русском языке. *Studia Slavica Hung.*, XIV. 1968, стр. 308.

¹⁰ Скобликова Е.С., Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. М., 1979, стр. 164-165.

3.2. В русском языке различается два типа инфинитивного дополнения: субъектное и объектное.

Субъектный инфинитив относится к тому же субъекту действия, что и подчиняющий глагол. В русских грамматиках субъектный инфинитив, имеющий объектное значение, считается обычно частью сложного глагольного сказуемого, в грамматиках венгерского языка - дополнением. Связи субъектного инфинитива с дополнением в обоих языках подтверждают справедливость точки зрения венгерских грамматистов. Ср.: Он любит охоту - Szereti a vadászatot - Он любит охотиться - Szeret vadászni, Он начал песню - Elkezdte a dalt - Он начал петь - Elkezdett énekelni.

От этого типа инфинитивного дополнения следует различать полупредикативный субъектный инфинитив, который имеет связь с дополнительным придаточным предложением. Эквивалентом таких субъектных инфинитивов русского языка в венгерском языке является придаточное дополнительное предложение. Ср.:

Он решил жениться на Еве. - Elhatározta, hogy feleségül veszi Évát.

Он решил, что женится на Еве.

В русских грамматиках субъектный инфинитив выступает в функции дополнения лишь тогда, когда он относится к инфинитиву переходного глагола. Ср.: Мы условились учиться плавать - Megállapodtunk, hogy uszni tanulunk.

Объектный инфинитив указывает на действие того лица, которое в предложении обозначается дополнением. Эквивалентом русского объектного инфинитива в венгерском языке является придаточное дополнительное предложение. Ср.: Я советую тебе переписать работу - Azt tanácsolom, hogy másold le a dolgozatot. Объектный инфинитив выполняет в предложении функцию дополнения.

Субъектный и объектный инфинитив в случае отрицания в обоих языках обычно употребляются в форме НСВ. В венгерском языке в утвердительных предложениях инфинитивы обычно также употребляются в форме несовершенного вида. Ср.:

<u>Я прошу тебя уехать/не уез-</u>	- Kérlek, hogy utazz el ma/ne
<u>жать сегодня</u>	utazz el ma.
<u>Я советую тебе переписать/</u>	- Tanácsolom, hogy másold le/
<u>не переписывать работу</u>	ne másold le a dolgot.

3.3. П р и д а т о ч н о е дополнительное предложение выполняет роль отсутствующего в главном предложении дополнения. Придаточные дополнительные предложения расширяют круг сочетаемости отдельных переходных глаголов. Ср.:

Я НЕ ЗНАЮ,	<u>что мы должны де-</u>	- NEM TU- DOM,	hogy mit kell csinál-
	<u>лать дальше</u>		nunk a továbbiakban.
	<u>кто вам будет по-</u>		ki fog segíteni nek-
	<u>могать</u>		tek.
	<u>чья это тетради</u>		kié ez a füzet.
	<u>где живет его друг</u>		hol lakik a barátja.
	<u>куда мы поедem ле-</u>		hová utazunk a nyáron.
	<u>том</u>		
	<u>когда мы кончим</u>		hogy mikor fejezzük be
	<u>эту работу</u>		ezt a munkát.
	<u>в какой библиотеке</u>		hogy melyik könyvtár-
	<u>можно взять эту книгу</u>		ban lehet megkapni ezt
			a könyvet.

В венгерском языке придаточные дополнительные предложения могут связываться с главным предложением при помощи союза hogy 'что' или без этого союза, если в предложении употребляются относительные местоимения в функции союзных слов. В русском языке союзы и относительные местоимения не могут употребляться совместно. Ср. Я знаю, что он читает - Tudom, hogy olvas - Я знаю, что он читает 'Tudom, hogy mit olvas'.

4. Объектные отношения связаны с категорией определенности/неопределенности, которая в венгерском языке четко проявляется: выражается в спрягаемых формах глагола и в употреблении определенного артикля. Как известно, спрягаемые формы глагола в венгерском языке могут обозначать не только отношение действия и его субъекта к говорящему лицу /субъектное, или безобъектное спряжение/, но и отношение определенного прямого объекта 3-го лица к подлежащему 1-го, 2-го и 3-го лица или же отношение прямого объекта 2-го лица к подлежащему 1-го лица¹¹. Ср.:

субъектное спряжение		объектное спряжение
Én olvasok egy könyvet 'я читаю одну книгу'	-	Én olvasom a könyvet 'Я читаю книгу'
Te olvasol egy könyvet	-	Te olvasod a könyvet.
Ő olvas egy könyvet	-	Ő olvassa a könyvet.
-----		-----
Én könyvet olvasok 'Я книгу читаю'	-	Én szeretlek tégedet/titeket 'Я люблю тебя/вас'
Te könyvet olvasol		
Ő könyvet olvas		

Категория определенности/неопределенности, которая в венгерском языке влияет на формы главного и пояснительного члена объектных словосочетаний, в русском языке иногда также проявляется при выражении объектных отношений. Эта категория в русском языке влияет на форму пояснительного члена, иногда и на видовую форму главного члена-глагола объектных словосочетаний. Ср.: Он пил молоко 'Tejet ivott' - Он вы-

¹¹ Sámson Edgár, Tárgyas igeragozásunkhoz. MNY, XLIX, 346. Tompa József, A tárgyas igeragozás használatának néhány kérdéséhez. MNY, LI, 283, Szemere Gyula, A tárgy. Mondattani elemzések. Bp., 1972, 54-60. Komlósy András, Az ágens és az objektum felszíni kifejezésének lehetséges rendszerei a természetes nyelvekben. ÁNYT, XI., 1976, 239-246.

пил молоко 'Megitta a tejet' - Он выпил молока 'Ivott tejet, Ivott a tejből' Отпей молока - Igyál le a tejből'. Венгерские эквиваленты показывают, что количественная неопределенность качественно может быть определенной или неопределенной. В русском языке количественная определенность/неопределенность связана с категорией сов. вида, точнее со значением результативности. Ср.: Он выпил стакан молока - Он выпил молока - Каждое утро он выпивал /глагол НСВ со значением результативности/ стакан молока. Определенная партитивная неопределенность в русском языке не выражается родительным чл. в сложных предложениях с придаточным дополнительным. Ср.: Ivott a tejből, amelyet otthagytam neki - нельзя сказать ⁺Он выпил молока, которое я оставил ему, правильно: он не выпил всего молока, которое я ему оставил.

Качественная определенность/неопределенность в русском языке не связана с категорией вида. Ср.: Он выпил какое-то молоко - Он выпил какого-то молока. Вершинин .. ощущал в себе что-то острое, колючее, обжигающее... /А. Патреев, Глухая рамень/. Качественная определенность/неопределенность в русском языке может быть выражена противопоставлением винительного и родительного падежей в функции прямого дополнения. Ср.: Он ищет свое место - Keresi a helyét - Он ищет места - Helyet keres, Он просит деньги, которые он дал мне - Kéri a pénzt, amelyet adott - Он просит денег у меня - Pénzt kér tőlem. Н.В. Коссяк указывает, что "выбор вин./род. падежа прямого дополнения при отрицании определяется прежде всего сферой отрицания в предложении"¹². Вин. падеж употребляется, когда отрицание захватывает смысл глагола. В таких предложениях объекты действий обычно определенны /в венгерском, немецком языках в этих случаях перед дополнением употребляется определенный артикль/. Род. падеж употребляется в тех случа-

¹² Н.В. Коссяк, Выбор вин./род.-ого падежа дополнения в зависимости от сферы действия отрицания. "Проблемы теории членов предложения", Кишинев, 1973, стр. 54-58.

ях, когда отрицается смысл глагола и самого объекта действия. Имя, обозначающее объект, часто лишено логического ударения и определенности. Ср.:

Он не читал газеты

Nem olvasta az ujságot
Er las die Zeitung nicht.

Он не читал газеты

Nem olvasott ujságot
Er las keine Zeitung.

Мы еще не теряли надежду
ее поразить /Н. Кожевников/

Még nem vesztettük el a
reményt, hogy meglepjük.

Теперь белых парусов
давно не шьют /Паус-
товский/

Ma már fehér vitorlá-
kat régen nem varrnak.

5. Изучению объектных отношений посвящено большое количество работ.¹³ Для русской лингвистической традиции характерно непомерное расширение этого типа синтаксических отношений. Между объектными и обстоятельственными отношениями особенно трудно провести границы. О. Винцелер подчеркивает, что "объ-

¹³ См., напр., В.К. Кудрна, О распространении переходных глаголов в совр. русском языке. М., 1962, АКД, Е. Томцель, Прямое дополнение в русском языке сопоставительно с эстонским. Таллин, 1962, АКД, Л.Н. Кондратова, Способы выражения объектных отношений в совр. русском языке. Минск, 1976, АКД, Е.И. Смольянинова, Глагольные словосочетания, выражающие объектные отношения в совр. русском языке. М., 1964, АКД, Д.В. Уткин, Синонимические конструкции в совр. русском языке, выражающие объектные отношения. М., 1960, АКД, Д.И. Буторин, Вин. и род. падежи прямого объекта в русском лит. языке XIX-XX вв. Л., 1958, АКД, В.Г. Байков, Факторы, определяющие использование морфолого-синтаксических типов для выражения объектных отношений /на материале русского и английского языков/. Симферополь, 1968, АКД, Г.А. Матлина, Конструкции, выражающие объектно-изъяснительные отношения в совр. русском языке и их семантико-синтаксическая соотносительность. Л., 1971, АКД.

ект нельзя рассматривать, как нечто резко отличающееся от обстоятельства..., между ними существует ряд переходных случаев". Он выявляет примерно 140 функций объектов в конструкциях с 38 предлогами¹⁴. Наиболее четкое разграничение объектных и обстоятельственных отношений встречается в работах В.М. Никитина, который различает 26 разрядов обстоятельств¹⁵. В основном мы принимаем концепцию В.М. Никитина, поскольку она в наибольшей степени соответствует разграничению дополнения и обстоятельства в венгерской грамматической традиции.

6. Семантические типы объектных отношений устанавливаются на основе типовых значений переходных глаголов, участвующих в образовании дополнительных словосочетаний, и на основе различных оттенков, которые добавляются к основному значению направленности действия на объект.

Н.Н. Арват различает следующие типы объектных отношений: 1. объект воздействия: Он заводит часы, 2. объект адресата: Я дал письмо товарищу, 3. объект делиберативный: Мы беседовали о выставке, 4. объект орудийный: Он отрезал хлеб ножом, 5. объект принадлежности: Он имеет дачу, 6. объект отношения: Он уважает старших, 7. объект восприятия: Мы слышим крики, 8. объект модальных отношений: Нам нужно книгу¹⁶. Основа дифференциации в этом разделении неоднородна: принимается во внимание то значение главного слова, то значение пояснительного члена. Наблюдается отождествление объектных и дополнительных отношений. Орудийные отношения мы относим к обстоятельственным, так как орудийное значение не является необходимым признаком семантики переходных глаголов: Отрежьте кусок хлеба.

¹⁴ О. Винцелер, Синонимика конструкций, выражающих объектные отношения. Сб. "Исследования по совр. русскому языку", МГУ, 1970, стр. 54-72, Глагольные предложные конструкции, выражающие объектные отношения в совр. русском языке. М., 1965, АКД.

¹⁵ В.М. Никитин, Обстоятельство как второстепенный член предложения в русском языке в его противопоставлении дополнению. Ученые записки Рязанского гос.пед.института, т. XXVII, Рязань, 1961.

¹⁶ Н.Н. Арват, Указ. работа, стр. 15.

Ф.К. Гужва различает: 1. объект физического действия: косить сено, 2. объект восприятия, чувства, мысли, речи: ненавидеть врага, видеть почти весь город, 3. пространственный объект: перейти дорогу, 4. объект максимального использования: наволочь еловых ветвей, 5. объект желания, ожидания: желаю вам добра, 6. объект, которого лишены, которого не хватает: тут опасаться нечего, 7. объект достижения, прикосновения: достичь середины реки, 8. объект, к которому направлено действие: Наташа начала быстро говорить Павлу, 9. объект состояния: ему нездоровится, 10. объект деятельности: руководить комсомольской организацией, 11. объект, на который распространяется действие: любоваться природой, 12. объект действующего лица: Комнаты наполнились гостями, 13. орудийный объект: На кухне стучали ножами, 14. объект, обозначающий материал, из которого что-либо изготовлено: строить дом из кирпича, 15. объект, служащий источником чего-либо: Лошади отвязались от дерева, 16. объект, от которого что-либо берут, требуют: Улыбка сошла с лица Лизы, 17. объект, которому что-н. принадлежит или от которого что-л. получают: У кого вы купили эту лошадь? 18. объект, для которого предназначается действие: петь песню для кого-н. и др.¹⁷

Ф.К. Гужва группирует объектные отношения по падежам, по значениям предлогов. При подобной классификации сходные семантические типы объектных отношений оказываются отделенными друг от друга и не достигается возможная степень грамматической абстракции.

Нами выделяются следующие типы объектных отношений:

1. результативные объектные отношения,
2. объектные отношения контактирования,
3. объектные отношения воздействия,
4. партитивные объектные отношения,
5. объектные отношения перемещения,

¹⁷ Ф.К. Гужва, Указ. работа, стр. 92-98.

6. аблативные объектные отношения,
7. объектные отношения восприятия,
8. делиберативные объектные отношения,
9. объектные отношения содержания,
10. объектные отношения адресованности,
11. объекты разных отношений.

Детальное описание всех типов объектных отношений в данной статье невозможно. Мы хотим обратить внимание читателей на возможность и целесообразность описания объектных отношений по их семантическим типам.

6.1. Результативные объектные отношения обозначают созидательную направленность действия на предмет, который является результатом данного действия. В словосочетаниях, обозначающих результативное дополнение, в качестве главного члена употребляются глаголы созидания¹⁸. Среди них выделяются следующие семантические группы:

6.1.1. Глаголы, обозначающие результаты 'рождения' людей, животных и растений, формирующие объектные отношения со значением 'создать потомство'. Ср.:

Анна ! родила сына - Anna fiut szült.
! дала жизнь сыну - Anna fiunak adott életet.
! произвела на свет сына /высок./ - Anna fiut hozott a világra.

Наседка ! высидела ! цыплят - A kotlós kiköltötte a csir-
! вывела ! яйца kéket, a tojásokat

Ласточка ! высидела ! птенцов - A fecske kiköltötte a fió-
! вывела яйца káit, a tojásokat

Наседка насиживает/наседела яйца - A kotlós költi/kiköltötte a tojásait

Яблоня уже приносит плоды - Az almafa már terem

Новый сорт риса дает большой урожай - Az új fajtájú rizsnek nagy a termése

¹⁸ См. Т.И. Новоселова. Лексико-семантические группы глаголов созидания в совр. русском языке. М., 1972, АКД., РЯШ, 1972/1, стр. 61-65. Об изучении тематических групп лексик. Анищева О.Н. Типология объектной лексической сочетаемости глаголов созидания и разрушения в русском языке, Воронеж, 1981, АКД.

! принесла бычка/телку - A tehén bikaborjut/űszűt
 Корова ! отелилась бычком/телкой ellett.
 ! родила бычка/телку
 /редко, в речи детей/

6.1.2. Глаголы, обозначающие создание предметов руч-
 ным способом. Глаголы созидания ручным способом могут иметь
 общее и специфическое значение, часто с разными стилисти-
 ческими оттенками. Ср.:

с/делать	! стол	Asztalt	! csinál
при/готовить	! стул	Széket	! készít
с/мастерить /разг./	! плот	Tutajt	! barkácsol, fabrikál,
соорудить /разг./			alkot, eszkábál

с/кроить платье	- ruhát szab
с/плести корзину, венок	- kosarat, koszorut fon
с/вить венок, гнездо	- koszorut, fészket fon
с/вязать чулки, варежки	- harisnyát, kesztyűt köt
с/варить суп, картошку	- levest főz.

6.1.3. Глаголы созидания, обозначающие производство
 предметов в промышленности. Ср.:

! делает	! сельско-	- Ez a gyár	! készít
Этот завод ! производит!	хозяйст-	mezőgazdasá-	! gyárt
! выпускает	! венные	gi gépeket	! bocsát ki
! строит	! машины		! gyárt

Глагол строить употребляется лишь по отношению к
 м а ш и н а м. Его венгерский эквивалент в таком значении
 не употребляется.

Глагол изготавливать/изготовить 'gyárt, készít, előál-
 lit' употребляется преимущественно по отношению к деталям
 машин, к предметам, изделиям чаще всего, если речь идет о
 работе о д н о г о человека: Павел изготовил за смену 18
шестерен. Мне поручили изготовить десяток втулок /Быков/.

6.1.4. Глаголы, обозначающие результаты сельскохозяй-
 ственной работы. Ср.:

выращивать/вырастить кукурузу - kukoricát termeszt, termel
 культивировать сою - szójababot termel
 разводить/развести кур, свиней - baromfit, disznót tenyészt.

6.1.5. Глаголы, обозначающие постройку, сооружение
 чего-н. Ср.:

по/строить	зда-	- házat épít
возводить/возвести	ние	- épületet emel
воздвигать/воздвигнуть		- épületet felhuz, emel.

построить	!	!	épít
установить	!	!	állít
возвести	!	!	emel
воздвигнуть	!	!	állít
соорудить	!	!	állít, emel
поставить	!	!	állít

выводить/вывести стены - felhuzza a falakat

6.1.6. Глаголы, обозначающие создание духовных ценностей, результаты творческого труда: а./ независимо от средств передачи, б./ с указанием на средства их передачи. Ср.:

создать/создавать новую жизнь - új életet teremt, létesít
 сочинять/сочинить музыку, драму, клевету на знакомого - zenét komponál, drámát ír, ismerőse ellen rágalmakat költ
 складывать/сложить песню, стихи - dalt szerez, verset ír

слагать/сложить стихи, песню - dalt szerez, verset ír
 'сочинять устно, составлять в уме'

придумывать/придумать отговорку - kibuvót, ürügyet eszel ki

изобретать/изобрести машину	-	feltalál egy gépet
на/писать роман	-	regényt ír
на/строчить письмо	-	levelet firkant
на/черкать /разг./ записку	-	gyorsan ír egy cédulát
на/печатать газету	-	ujtságot kinyomtat
на/рисовать картину	-	képet rajzol
на/малевать /разг., пренебр./	-	mázolmányt készít
на/чертить схему, таблицу, карту	-	ábrát, táblázatot, térképet rajzol.

6.1.7. Глаголы созидания со значением "давать существование чему-л.", имеющему общественный характер. Ср.:

создавать/создать государство, университет, музей, журнал, партию	- államot, egyetemet, muzeumot alapít, folyóiratot, pártot hoz létre
основывать/основать государство, университет, партию, город	- államot, egyetemet, pártot, várost alapít
организовывать/организовать соревнование, выставку, восстание	- versenyt, kiállítást, felkelést szervez
образовывать/образовать правительство, комиссию	- kormányt, bizottságot alakít
с/формировать правительство, армию	- kormányt alakít, hadsereget hoz létre
устраивать/устроить бал, спектакль, выставку	- bált, színházi előadást, kiállítást rendez
учреждать/учредить /книжн./ спортивные общества, ученое общество	- sportegyesületeket, tudományos társaságot alapít

6.2. Объектные отношения к о н т а к т и р о в а н и я выражают разные виды к а с а н и я предметов друг с другом: 1. соприкосновение одного предмета с другим, 2. столкновение предметов, 3. соединение предметов или их частей, 4. прикрепл¹⁹ение предметов.

6.2.1. С о п р и к о с н о в е н и е одного предмета с другим может быть намеренным или случайным.

При намеренном соприкосновении одного предмета с другим употребляются следующие конструкции:

1. Экспонаты трогать руками - A kiállított tárgyakhoz nyulni tilos.
2. Кто-то сзади дотронулся до плеча Миши - Valaki hátulról megérintette Misa vállát.

¹⁹ И. Пете. Способы выражения контактирования в русском языке в сопоставлении с венгерским языком. Dissertationes Slavicae. XI, 1976, стр. 79-101.

3. Чья-то рука притронулась к ее плечу - Valakinek a keze megérintette a vállát.
4. Чья-то рука коснулась ее плеча - Valakinek a keze a vállához ért.
5. Он взял ее за руку - Kézen fogta.
6. Он взял ее под руку - Karon fogta.
7. Он поцеловал ее в лоб - Homlokon csókolta.
8. Дождь стучит по крыше /но: стучит в окно/
погладить кого-н. по голове - Az eső veri a tetőt /az ablakot/.
megsimogatja vkinek a fejét
9. Он оперся на друга - Barátjára támaszkodott.
10. Он облокотился о край
стола и задумался - Az asztal szélére könyökölt és elgondolkodott.

С л у ч а й н о е соприкосновение одного предмета с другим обозначается при помощи следующих конструкций:

1. Ветка коснулась моего плеча - Az ág megérintette a vállamat.
2. Рукавом он задел стакан и опрокинул его - Kabátja ujjával megérintette a poharat és felborította.
3. Рукав зацепился за гвоздь - A kabát ujja beleakadt a szegbe.

6.2.2. Случайное с т о л к н о в е н и е движущегося предмета с неподвижным предметом обозначается при помощи следующих конструкций:

1. Самолет налетел на скалу - A repülőgép nekiment a sziklának.
2. Мяч ударился о штангу ворот - A labda a kapufához vágódott.
3. Не обожгись об утюг, он очень горячий - Meg ne égessen a vasaló, forró.

3. Я обожглась утюгом, ког- - Amikor vasaltam a ruhát, meg-
да гладила платье égettem magamat a vasalóval.

При столкновении д в и ж у щ и х с я предметов употребляются словосочетания с глаголом сталкиваться/столкнуться: Автомобиль столкнулся с трамваем.

Конструкция О + ВИН. ПАД. может употребляться с глаголами, обозначающими с о з н а т е л ь н о е действие. Пояснительные члены таких словосочетаний обычно обозначают вспомогательное средство, которое обычно используется не по назначению:

- Не вытирай руки о брюки - Ne töröld a kezed a nadrágba!
выбить пиджак о спинку стула - kiveri kabátját a széktámlán
Вытри ноги о решетку/о половик - Töröld meg a lábad a lábtörőrlőbel

6.2.3. Объектные отношения с о е д и н е н и я выражают, что предметы объединяются в одно целое. Отношения соединения обозначаются при помощи следующих конструкций:²⁰

1. спаивать/спаять концы проволоки - összeforrasztja a drótot
2. соединять/соединить теорию с практикой - egyesíti az elméletet a gyakorlattal
3. соединять мельницу и гидростанцию - összeköti a malmot és a vízierőművet
4. Тресты объединились в синдикат - A trösztök szindikátusba egyesültek
5. Простая случайность соединила этих людей между собой/друг с другом - Csupa véletlen hozta össze ezeket az embereket.

²⁰ А.Г. Полукарова. Сочетаемость глаголов соединения. Сб. "Синтаксис и интонация". Уфа, 1976, стр. 65-71.

6. связать веревку - предмет, - összeköti a madzagot
имеющий концы

6.2.4. При соединении предметы обычно взаимодействуют друг с другом, а при п р и к р е п л е н и и один предмет 'движется' в сторону другого, обычно неподвижного, с целью прикрепления. Прикрепление обозначается при помощи конструкций:

1. пришивать/пришить пугови-
ку к рубашке	- felvarrja a gombot az
ingre
2. вбивать/вбить гвоздь в
доску	- beveri a szeget a falba
вставлять/вставить стек-
ло в раму	- üveget tesz az ablakkeret-
be

6.3. Объектные отношения в о з д е й с т в и я обо-
значают разные и з м е н е н и я в предмете, происходя-
щие в результате направленности на него действия. Среди
них выделяются: 1. объектные отношения разрушения, 2. объ-
ектные отношения разъединения, 3. объектные отношения вну-
шения, 4. объектные отношения количественного и качествен-
ного изменения.

6.3.1. Объектные отношения р а з р у ш е н и я вы-
ражают уничтожение предметов в результате направленности
действия. О.Н. Анищева выделяет две группы глаголов разру-
шения²¹: глаголы с обобщенным значением разрушения и гла-
голы, указывающие на способ разрушения²¹.

а./ К глаголам с о б о б щ е н н ы м значением раз-
рушения относятся глаголы уничтожать/уничтожить, разрушать/
разрушить, истреблять/истребить, ликвидировать, убивать/

²¹ О.Н. Анищева. Типология объектной лексической сочетае-
мости глаголов созидания и разрушения в русском языке.
Воронеж, 1981. АКД.

убить, нарушать/нарушить, раз/громить, разбивать/разбить,
разорять/разорить, опустошать/опустошить, по/губить,
умерщвлять/умертвить. Ср.:

разрушать/разрушить мост, го-
род, дом, здоровье, счастье

- lerombolja a hidat, a vá-
rost, tönkreteszi egészsé-
gét, aláássa boldogságát

уничтожать/уничтожить урожай,
много лесов, противника, без-
работицу

- megsemmisíti a termést, sok
erdőt, az ellenséget, meg-
szünteti a munkanélküliséget

истреблять/истребить лес,
сорняки, тараканов, клопов,
грызунов

- kiirtja az erdőt, a dudvát,
svábbogarakat, poloskát,
rágcsálókat

ликвидировать кого-н., опас-
ность, неравенство, разно-
гласия, противоречия, отста-
вание, несправедливость,
недостатки, неграмотность

- likvidál vkit, elhárítja a
veszélyt, megszünteti az
egyenlőtlenséget, az ellen-
tétet, az elmaradottságot,
igazságtalanságot, az írás-
tudatlanságot

нарушать/нарушить тишину,
беседу, покой, молчание,
связь, движение

- megzavarja a csendet, a be-
szélgetést, a nyugalmat,
megtöri a hallgatást

раз/громить вражеские войска

- szétveri, szétzuzza az el-
lenséget

разбивать/разбить врага, на-
дежды, чье-л. счастье, дово-
ды противников

- szétveri az ellenséget, meg-
hiúsítja a reményeket, tönk-
reteszi vki boldogságát, meg-
cáfolja ellenségei érveit

разорять/разорить деревню,
гнездо

- anyagilag tönkreteszi a fa-
lut, szétrombolja a fészket

опустошать/опустошить край

- elpusztítja a vidéket

по/губить свое здоровье

- tönkreteszi egészségét

умерщвлять/умертвить нервы

- kiöli az ideget.

- Глагол разрушить означает 'уничтожить что-л. до ос-
нования'.

- Глагол уничтожать имеет значение 'прекратить существование кого-л./чего-л.'
- Глагол ликвидировать сочетается с существительными абстрактного значения. Исключение: ликвидировать человека 'расстрелять'
- Глагол истребить употребляется только с существительными, обозначающими множество растений, насекомых
- Глагол нарушить означает 'прервать что-л.' в большинстве случаев на время.

б./ К кл. глаголам, указывающим на способ разрушения, часто и на инструмент, которым производится разрушение, относятся:

- Глаголы, указывающие на способ убийства людей:

вешать/повесить кого-н.	- felakaszt vkit
за/душить кого-н.	- megfojt vkit
удушать/удушить /книжн./	- megfullaszt, megfojt vkit
кого-н.	
отравлять/отравить кого-н.	- megmérgez vkit
за/давать ребенка	- agyonnyomja a gyereket
придавливать/придавать	- agyonnyom
кого-н.	
Стеной задавило его	
пристукнуть /простор./	- agyönlüt, agyönlö
кого-н.	
казнить кого-н.	- kivégez vkit
расстреливать/расстрелять	- agyönlövi az árulót
предателя	
застрелять/застрелить нечаянно	- véletlenül agyönlö vkit
кого-н.	
избивать/избить кого-н.	- halálra ver vkit
до смерти/до полусмерти	
за/колоть кого-н.	- ledöf, leszur vkit
	- Глаголы, указывающие на способ убийства <u>животных</u> :
за/резать гусей, двух от-	- levág libákat, két hizót
кормленных свиней	

за/колоть свинью	- leszurja a disznót
забивать/забить /спец./ на бойне 20 голов скота	- levág a vágóhidon 20 db. mar- hát
затапывать/затоптать Лошадь затоптала щен- ка	- eltapos - A ló eltápost a kutyakölyköt.
раздавливать/раздавить ногой насекомое, жука	- széttapossa a rovar, egy bo- garat
прихлопывать/прихлопнуть муху, комара	- agyoncsap egy legyet, egy szu- nyogot
за/давать клопа	- szétnyom egy poloskát
удавливать/удавить Лиса удавила кур	- megfojt állatot
застрелять/застрелить волка	- lelő egy farkast
подстреливать/подстрелять на охоте льва	- vadászaton oroszlánt lő
убивать/убить на охоте зайцев	- nyulat lő

- Глаголы, указывающие на способ истребления растений:

срубить/срубить дерево	- ledönt egy fát
вырубить/вырубить лес	- kivágja az erdőt
по/валить дерево	- ledönti a fát
Ветер с/валил деревья	- A szél fákat döntött ki.

- Глаголы, указывающие на уничтожение предметов:

с/жечь бумагу, дрова	- elégeti a papirost, a tüzelőt
по/тушить лампу, пожар	- eloltja a lámpát, a tüzet
по/гасить свечу	- eloltja a gyertyát
по/ломать игрушки	- összetöri a játékok
сносить/снести дом	- lebontja a házat
раз/бомбить вокзал	- lebombázza a pályaudvart
подбивать/подбить танк	- kilő egy tankot
удалять/удалить грязь	
выводить/вывести пятно	- eltávolítja a sarat, a foltot
сводить/свести веснушки	- eltávolítja a szeplőket

отменять/отменить закон	- eltörli a törvényt
выбивать/выбить окно	- kiveri az ablakot
сбривать/сбрить бороду	- leborotválja a szakállát

6.3.2. Объектные отношения разъединения выражают разделение объекта на части в результате воздействия действия на предмет. Л.Ф. Клеопатрова различает следующие типы объектных отношений разъединения²²:

6.32.1 Отношения разъединения, указывающие на орудийное разделение предметов. Ср.:

разрезать/разрезать арбуз	- szétvágja a görögdinnyét
разрубать/разрубить дерево	- kettévágja a fát
распиливать/распилить доску	- szétfűrészeli a deszkát
рас/колоть дрова, орехи	- széthasítja a fát, széttöri a diót
раскусывать/раскусить корку	- szétharapja vminek a héját
разламывать/разломать палку	- széttöri a pálcát

6.32.2. Отношения разъединения, указывающие на разграничение объектов в пространстве. Ср.:

разгораживать/разгородить огород	- elkeríti a konyhakertet
размежевывать/размежевать землю для дачных участков	- felméri a földet telkek kialakítása céljából
перегораживать/перегородить комнату	- közfallal elválasztja a szobát

6.32.3. Отношения разъединения, указывающие на разделение целостного объекта на составные элементы:

разбирать/разобрать машину	- szétszedi a gépet/az autót
рас/пороть старую юбку	- szétfejtí a régi szoknyát

²² Л.Ф. Клеопатрова. Лексико-семантическая группа глаголов разъединения в современном русском языке. Воронеж, 1981, АКД.

развинчивать/развинтить части замка	- szétcsavaroz, szétszed egy zárat
--	---------------------------------------

6.32.4. Отношения разъединения, указывающие на
р а с п р е д е л е н и е объектов:

распределять/распределить детей по классам, часы занятий	- szétosztja a gyerekeket osz- tályok szerint, a tanítási időt
раздавать/раздать тетради ученикам	- kiosztja a füzeteket a tanu- lóknek
развешивать/развесить картины	- felaggatja a képeket
развешивать/развесить хлеб	- szétméri a kenyeret

6.32.5. Отношения разъединения, указывающие на разде-
ление предметов на части определенной формы. Ср.:

рас/полосовать железо	- rudakba huzza a vasat
раз/графить бумагу	- papirost megvonalaz
распеплять/расщепить доску	- széthasogatja a deszkát.

6.32.6. Отношения разъединения, указывающие на разобше-
ние кого-л. с кем-л. Ср.:

разобщать/разобщить дру- зей	- elidegeníti a barátokat
разнивать/разнять деру- щих	- szétválasztja a verekedőket
разводить/развести су- пругов	- házastársakat elválaszt

6.3.3. Объектные отношения в н у ш е н и я выражают
воздействие на волю, сознание, поведение, мысли, поступки
кого-н., развитие, положение, состояние кого-чего-н.:

воздействовать /СВ и НСВ/ на ребенка лаской	- becézéssel hat a gyerekre
--	-----------------------------

повлиять на кого-н./на что-н.	- hat vkire, vmire
по/действовать вредно на легкие	- károsan hat a tüdőre
воспитывать/воспитать детей	- gyerekeket nevel
болеть за кого-н.	- szurkol vkinek
дирижировать оркестром	- zenekart vezényel
руководить делегацией	- küldöttséget vezet.

6.3.4. Объектные отношения воздействия, выражающие количественные или качественные изменения в объекте действия.

- Объектные отношения количественного изменения выражают увеличение или уменьшение числа величин или степени интенсивности объекта воздействия²³. Ср.:

расширять/расширить русло реки	- bőviti a folyó medrét
повышать/повысить урожайность полей	- növeli a termés hozamot
уменьшать/уменьшить доходы кого-н.	- csökkenti vki jövedelmét
ускорять/ускорить шаги	- meggyorsítja lépteit
продлевать/продлить отпуск	- meghosszabbítja szabadságát
отращивать/отрастить бороду	- megnöveszti szakállát
снижать/снизить себестоимость	- csökkenti az önköltséget
сокращать/сократить число рабочих	- csökkenti a munkások számát

- Объектные отношения качественного изменения выражают улучшение или ухудшение качества объектов воздействия. Ср.:

улучшать/улучшить качество	- javítja a minőséget
ухудшать/ухудшить работы	- rontja a munka minőségét.

²³ См. И. Пете. Количественные отношения в русском и венгерском языках. Будапешт, 1981, стр. 264-272.

6.4. Партитивные объектные отношения обозначают направленность действия не на весь объект, а только на его часть. Партитивные объектные отношения в русском языке обозначаются обычно глаголами СВ и родительным падежом вещественных, редко собирательных и отвлеченных существительных. В венгерских эквивалентах таких конструкций обычно встречаются глаголы НСВ, существительные с прилепой -ból/-ből, или существительные в вин. падеже после глагола. Ср.: Он выпил молока - Ivott a tejből, Ivott tejet.

В.А. Богородицкий предполагает, что родительный партитивный возник "на почве таких выражений, как натекло много/мало воды, выпей сколько-нибудь вина и т.п., а затем род. падеж стал употребляться и при отсутствии слов количества"²⁴. При обозначении партитивных объектных отношений употребляются следующие типы глаголов:

1. Переходные глаголы, которые параллельно могут употребляться с винительным и родительным падежами. Ср.: Василий Иванович п р и н е с чайники, сахарного песку в блюдо и ситники /А.Н. Толстой, Пути культуры/.

К таким глаголам относятся купить, достать, дать, выпить, взять и др.

Глаголы с приставкой ПО- также могут присоединять к себе существительное в родительном и винительном падеже. По наблюдениям А.М. Пешковского "попить, поесть, почитать, послушать, посмотреть и и т.д. чаще чего чем что"²⁵. Такие глаголы часто употребляются при угощении: Поешь супу, попробуй этих пирожков. Заходи ко мне чайку попить /М. Горь-

²⁴ В.А. Богородицкий. Очерки по языковедению и русскому языку. М., 1939, стр. 213.

²⁵ А.М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1966, стр. 298.

кий/.

2. Глаголы, которые употребляются без количественных слов только с формами род. падежа в значении частичного объекта. К ним относятся:

- Глаголы с приставкой НА- с партитивно-кумулятивным значением: наколоть дров на зиму, накопить книг.

Образованные от приставочных глаголов глаголы с префиксом НА- означают "обилие, количественную полноту в проявлении действия" ²⁶: насбивать яблок, насобирать тряпок.

- Аффиксы НА + -СЯ придают исходному глаголу значение "полностью удовлетвориться действием" ²⁷ и обычно содержат "отрицательную оценку действия" ²⁸: наестся торта - *teleeszi magát tortával*, начитаться разных романов - *összeolvas különböző regényeket.*

- Глаголы, образованные посредством приставки ПО- от кумулятивных глаголов с приставкой НА-, имеют кумулятивно-дистрибутивное значение. Приставка ПО- вносит в значение исходного глагола значение "постепенно, в несколько приемов". Напр.: понастроить новых домов в деревне, понавезти на базар всяких овощей. Такие конструкции характерны для народной речи и дополнения в них обычно употребляются во мн. числе.

- Глаголы с приставкой ПОД- могут иметь значение "прибавления чего-л.": подкупить яблок, подмешать песку в цемент.

- Глаголы с приставкой ПРИ- могут иметь значение "дополнительного прибавления": прикинуть дров в

²⁶ Е.А. Земская. Типы одновидовых приставочных глаголов в современном русском языке. "Исследования по грамматике русского литературного языка". М., 1956, стр. 30.

²⁷ Н.С. Авилова. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976, стр. 306.

²⁸ А.В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Братислава, 1960, II, стр. 248.

печку.

Соответствующие глаголы НСВ вообще сочетаются только с вин. падежом, "даже при подразумеваемом оттенке частичного количества; в таких случаях сама длительность действия как бы устраняет необходимость подчеркивать количественную частичность в объекте" ²⁹. Так, напр., предложение Каждое утро он приносил дрова может иметь двоякое значение: оно может выражать, что он каждое утро приносил определенное количество дров /напр. две охапки дров/, но может означать и то, что он каждое утро приносил неопределенное количество дров, точнее 'он приносил из дров' ³⁰.

Глаголы НСВ могут выражать партитивное значение объекта с винительным падежом не только при повторяемости действия, но и в случае единичного действия. Однако, между винительным 'партитивного' с глаголом НСВ и родительным партитивного с глаголами СВ имеются некоторые различия. Вин. падеж выражает партитивность предмета, обращая внимание на процесс выделения части из массы вещества. Родительный партитивный же не обращает внимание на единичный факт выделения из массы вещества. Ср.:

- Господа, - произносит Софья Андреевна, - и рука ее дрожит, чуть-чуть отплескивая белое вино из стакана на пальцы. /Федин, Братья/

- Отплеснуть воды из кружки /Ожегов/

Я смотрел иногда, как она наливала чай, махала ногой или подносила ложку ко рту. /Л. Толстой. Крейцерова соната/

- .. налил себе в стакан коньяку /Куприн, Молох/.

²⁹ В.А. Богородицкий. Указанная работа, стр. 213.

³⁰ И. Пете. Родительный партитивный в современном русском языке. Scando Slavica, XI, 1965, стр. 186-187. Copenhagen.

При выражении одновременности действий употребляются глаголы НСВ: Они уже тогда избегали смотреть друг на друга, и только за ужином, когда он наливал ей воды, они взглянули друг на друга и чуть улыбнулись /Л. Толстой, Крейцерова соната/³¹.

6.5. Объектные отношения перемещения обозначают³²:

6.5.1. Помещение, доставку предмета куда-либо:

а./ помещение предмета в горизонтальном или вертикальном положении: Я поставил/положил книгу на полку. Повесьте пальто на вешалку.

б./ доставку кого-л./чего-л. к месту назначения тем или иным способом: Пароход доставил/привез нас в Астрахань. Он несет/везет приборы в лабораторию.

в./ доставку кого-л./чего-л. в место назначения в сопровождении кого-л.: сопровождать арестованных в милицию, проводить кого-н. на вокзал.

г./ доставку и оставление на время чего-л./кого-л. для определенной процедуры: отвезти/отвести сына в детский сад, отдать диссертацию в переплет/переплести, отдать статью перепечатать/в перепечатку, отдать чулки поднять петли, отдать часы в починку/починить, отдать обувь в ремонт/починить.

6.5.2. Извлечение, удаление предмета откуда-л.: Я взял книгу со стола. Он вынул из портфеля книгу.

³¹ М. Кони. Венгерские артикли в сопоставлении с некоторыми явлениями русского языка. Dissertationes Slavicae. Szeged, IV, 1966, стр. 26-27.

³² Г.И. Володина, М.Н. Найфельд, Е.А. Блинцовская. Учебник русского языка для иностранных учащихся средних специальных учебных заведений. М., 1976, стр. 50-61.

6.5.3. Передачу предметов от одного лица к другому:

а./ передачу что-л. во временное использование: Дай мне эту книгу почитать. Дай мне свой конспект подготовиться к экзамену.

б./ передачу что-л. другому лицу навсегда, без последующего возврата, в постоянное использование:

- Если речь идет о предметах мелких, незначительных, употребляется глагол дать/давать: Коля, дай мне сигарету. Эту марку мне дал Сережа. Отец дал дочке деньги на кино.

- Если речь идет о предметах более или менее значительных, употребляются глаголы отдавать/отдать, подарить: Отец отдал сыну почти все свои сбережения. Свой велосипед я отдал сыну.

6.5.4. Приведение в движение предметов и частей тела: заводить/завести часы, вертеть колесо, крутить кран, опустить голову, вскинуть голову, сдвинуть брови, поджимать/поджать ноги, хвост.

Названия частей тела сочетаются со многими глаголами - в отличие от венгерского языка - в форме твор. падежа.
Ср.:

Вместо ответа он <u>кивнул головой</u> .	- Válasz helyett a fejével bólintott.
НО: <u>пожимать/пожать плечами</u>	- vállat von
<u>подергивать/подергать плечами</u>	"
<u>поводить/повести плечами</u>	"
<u>передергивать/передергать плечами</u>	"
<u>встряхивать/встряхнуть головой</u>	- megrázza a fejét
<u>поникать/поникнуть головой</u>	- fejét lehorgasztja

мотать/мотнуть головой	- fejét rázza tagadás jeléül
моргать/моргнуть гла- зом	- pislog, kacsint
сверкнуть глазами	- felcsillan a szeme
блеснуть глазами	- "
двигать ушами	- mozgatja fülét
всплеснуть руками	- összezsapja a kezét
развести руками	- széttárja a kezét
чмокнуть губами	- cuppant ajkaival
провести ладонью по лицу	- végighuzza tenyerét az arcán
вздрагивать/вздрагнуть всем телом	- egész testében remeg
дрожать/дрогнуть всем телом	- "

6.6. Аблативные /отделительные/ объектные отношения выражают, что действие направлено на объект с оттенком опасения, лишения чего/кого-н., отделения от чего/кого-н., недовольство кем/чем-н. Аблативные отношения обозначаются при помощи следующих типов синтаксических конструкций:

1. бояться экзамена - fél a vizsgától
2. трепетать ! перед - reszket a tanár előtt
с/трусить ! учителем - fél a tanártól
3. брать/взять ! нож
отнимать/отнять ! у
отбирать/отобрать ! ребенка - elveszi a kést a gyerektől
узнавать/узнать что-н. у - vkitől megtud vmit
кого-н.
Если не знаете дорогу,
узнайте у милиционера =
спросите у него/
Он узнал подробности у -
друга /активным считается
субъект/

- получать/получить что-н. у кого-н. - vkitől kap vmit
Я пришел к другу и получил у него ответы на все вопросы /Я сам спросил его об этом/
4. узнавать/узнать что-л. у кого-н. - vki elmond vmit vkinek
Я узнал от него много нового /Он сам рассказал мне/
Он узнал подробности у друга
5. Вам следует с него 40 рублей - Negyven rubel jár Önnek tőle
взыскивать/взыскать подоходный налог с населения - jövedelemadót szed a lakosságtól
сбирать дань /уст./ с населения - adót szed a lakosságtól
6. сделать прививку против оспы - himlő elleni oltást ad
7. отговорить кого-н. поехать - lebeszél vkit az utról
Он боится спрашивать об этом /НСВ употребляется, если мы хотим подчеркнуть, что субъект не хочет производить данное действие/ - Fél ezt megkérdezni
Я боюсь проявлять фото- пленку сам /т.е. не хочу проявлять ее сам/ - Félek előhívni a filmtekercset
Я боюсь ему говорить об этом! /= не хочу говорить../ - Félek neki beszélni erről.
Я боюсь огорчить его этим известием /= Я могу огорчить его этим известием/ - Félek, hogy elkeseritem ezzel a hírrel
Я боюсь сказать ему об этом /может произойти что-л. нежелательное/ - Félek neki ezt megmondani
8. Я испугался, что потерял книгу - Megijedtem, hogy elvesztettem a könyvet
Он боится, что не решит задачу - Fél, hogy nem tudja megoldani a feladatot

Боясь, что он забыл о своем обещании	- Félek, hogy megfekedezett ígéretéről
Я боюсь не достать/что не достану билетов на этот концерт.	- Félek, hogy nem kapok jegyet a hangversenyre

6.7. Объектные отношения в о с п р и я т и я обозначают направленность действий органов чувств на разные предметы. Ср.:

1. Вчера я <u>услышал</u> его 2 раза	- Tegnap kétszer láttam őt
слушать музыку по радио	- zenét hallgat a rádióban
прослушивать/прослушать концерт	- végighallgatja a hangversenyt
по/нюхать сирень	- megszagolja az orgonát
ощупывать/ощупать опухоль	- megtapogatja a daganatot
2. <u>Посмотри на себя</u> в зеркало /одушевленный объект/	- Nézd meg magad a tükörben
3. <u>всматриваться/всмотреться</u> в картину	- figyelmesen nézi a képet
4. Я видел, что он ушел	- Láttam, hogy elment
Я слышал, что они говорили.	- Hallottam, hogy mit mondtak.

6.8. Д е л и б е р а т и в н ы е объектные отношения обозначают предмет речи и мысли. Предмет речи и мысли может быть реализован в следующих конструкциях:

- говорить правду	- igazat beszél
- говорить о правде	- az igazságról beszél
- говорить про правду	- " " " " " "
- говорить насчет денег	- pénzről beszél
- говорить касательно работы	- a munkáról beszél
- говорить относительно поездки	- az utazásról beszél
- намекать на правду	- célzást tesz az igazságra
- сомневаться в правде	- kételkedik az igazságban
- требовать правды	- igazságot követel
- Мы договорились встретиться	- Megbeszéltük, hogy találkozunk.
- Мы договорились, что встретимся	- " " " " " "
- Он требовал, чтобы сократили объем работы	- Követelte, hogy csökkentsék a munka mennyiségét.

З.П. Петрова³³ указывает, что предлог ПРО характерен для разговорной речи, употребляется с названием лица и с отвлеченными существительными: Мы говорили про тебя. Я не люблю говорить про искусство /А. Толстой/. Предлог про требует большей конкретности. "Большая конкретизация объекта речи с предлогом про достигается употреблением двух падежных форм или самостоятельных предложений": говорить про кого-то самое наилучшее/много похвального, но: говорить о ком-н. "Предпочтителен бывает предлог о, когда субъект рассказывает о событиях, фактах, участником которых он не был, воздействие на которые не оказывал. Стремление несколько приблизить эти события к себе вызывает употребление предлога про": Лена должна была подробно рассказывать про занятия, про студентов, про театр /Эренбург, Оттепель/.

На основании работ В.П. Бахтиной³⁴, Е.С. Скобликовой³⁵ и З.В. Ничман³⁶ нами выделяются следующие семантические группы глаголов устной или письменной речи и мысли:

6.8.1. Глаголы, обозначающие сам факт устной или письменной речи без дополнительной его характеристики: говорить, сказать, разговаривать, болтать /разг./, беседовать, рассказать, написать и др. Ср.:

Мне сказали о выходе книги - Mondták, hogy a könyv megjelent
из печати

Мне сказали: книга вышла " "
из печати

Мне сказали, что книга " "
вышла из печати

³³ З.П. Петрова. Синонимика словосочетаний, выражающих изъяснительные /делиберативные/ отношения в современном русском языке. М., 1965, АКД.

³⁴ В.П. Бахтина. К семантической характеристике глаголов речи в русском языке. "Материалы по русско-славянскому языкознанию". Воронеж, 1963, стр. 143-161.

³⁵ Е.С. Скобликова. Согласование и управление в русском языке. М., 1971, стр. 134-174.

³⁶ З.В. Ничман. Опыт классификации объектных глаголов речи в русском языке. Сб. "Вопросы морфологии и синтаксиса совр. русского языка". Новосибирск, 1966. Сб. "Вопросы морфологии синтаксиса современного русского языка".

6.8.2. Глаголы, обозначающие сообщение как официальный акт: сообщать/сообщить кому-н. о чем-н./что-н. кому-н., до-
кладывать/доложить кому-н. о чем-н., про/информировать ко-
го-н. о чем-н., извещать/известить кого-н. о чем-н., от/ра-
портовать о чем-н. кому-н.

6.8.3. Глаголы, обозначающие сообщение во всеуслыша-
ние: декларировать права народов России, провозглашать/про-
возгласить республику, оглашать/огласить /обычно устно/
проект резолюции, объявлять/объявить выговор кому-н.

Сюда можно отнести глаголы, имеющие значение 'сделать известным то, что не следует сообщать, что держится в тайне': разбалтывать/разболтать секрет, разглашать секретные сведения.

6.8.4. Глаголы, обозначающие повторяемость сообщения: повторить/повторять вопрос, твердить о чем-н., утверждать, что поэма имеет три редакции.

6.8.5. Глаголы, имеющие значение 'сказать что-л. мимоходом': касаться/коснуться какой-л. проблемы, замечать/за-
метить.

6.8.6. Глаголы, обозначающие акт наименования: Его зо-
вут Борисом/Борис, Что называется химией? /только тв. пад./.
Как называется этот прибор? Этот прибор называется магнито-
фоном. При обозначении названия книги, рассказа и т.п. пос-
ле глагола называться употребляется им. падеж: Эта книга на-
зывается "Война и мир". НО: Такая книга называется справоч-
ником /с местоимением такой чаще употребляется тв. пад./.

6.8.7. Глаголы, обозначающие общение в форме "вопрос -
ответ": спрашивать/спросить кого-н. о чем-н./что-н. у кого-
н., расспрашивать/расспросить кого-н. обо всем, возражать/
возразить кому-н.

6.8.8. Глаголы, выражающие побудительную направленность речи: просить, рекомендовать, советовать, убеждать, прика-

зять, требовать, настаивать, хотеть, желать, умолять, уговаривать.

6.8.9. Глаголы, обозначающие соглашение: договариваться/договориться, условливаться/условиться, соглашаться/согласиться, сговариваться/сговориться и др.³⁷ Ср.:

Мы условились о совместной поездке в Москву - Megbeszéljük, hogy együtt megyünk Moszkvába

Мы условились поехать в Москву вместе "

Мы условились: поедем в Москву вместе "

Мы условились, что поедем в Москву вместе "

6.8.10. Глаголы мысли, познания, наблюдения, выражающие мыслительную деятельность³⁸: по/думать над чем-н., задумываться/задуматься над чем-н., работать над чем-н., раздумываться/раздуматься о чем-н., помнить кого/о ком-н. Как вы мыслите себе это?

6.9. Объектные отношения содержания развертывают значение переходного действия. Существительное, обозначающее дополнение внутреннего действия, обычно лексически совпадает с управляющим глаголом.

Такие дополнения часто имеют при себе определение. Венгерскому 'прямому' дополнению в русском языке могут соответствовать косвенные дополнения. Ср.:

петь песню - éneket énekel, dalt dalol
шутить шутки - tréfálgozik
играть в интересную игру - érdekes játékot játszik

³⁷ Е.И. Воинова, В.М. Матвеева, Г.Н. Аверьянова, Б.В. Бра-
тусь. Учебник русского языка для иностранных студентов-
филологов, Основной курс, Второй год обучения. М., 1982,
стр. 33-60.

³⁸ Е.М. Путятин. Синонимическая группа глаголов, объеди-
ненных значением думать в английском и русском языках.
Л., 1972. АКД, Л.М. Васильева. Семантические классы гла-
голов чувства, мысли и речи. "Очерки по семантике русско-
го глагола". Уфа, 1971.

умереть смертью героев/ храбрых	- hősi halált hal
танцевать новый танец	- új táncot táncol
плясать русскую пляску	- orosz táncot táncol
Он прожил долгую жизнь/ он жил долго	- hosszú életet élt
думать думу свою	- gondolataiba mélyed
горе горевать	- buslakodik
рассказывать сказки 'вн- думывать'	- mesét sző

6.10. Объектные отношения адресованности выражают адресат разных действий. Дополнения, обозначающие адресат направленных действий, являются часто вторым дополнением в предложении. Такое дополнение в русском и венгерском языках чаще всего обозначается формой дательного падежа. Другие падежные формы встречаются реже. Ср.:

1. отдать рукопись кому-н. на - kéziratot bírálatra odaad
рецензию vkinek
купить кому-н. книгу - könyvet vesz vkinek
2. Он попросил у меня совета - Tanácsot kért tőlem.
3. Он попросил меня подо- - Kért, hogy várjam meg.
ждать его
4. Он обратился ко мне с - Kéréssel, kérdéssel fordult
просьбой, с вопросом; за hozzám. Tanácsért, segítsé-
советом, за помощью gért fordult hozzám.

6.11. Объекты разных отношений выражаются при помощи следующих конструкций:

1. Я обрадовался ! 'этой но- - Megörültem ennek a hírnek.
Я рад ! вости
- я завидую ! его трудо-- Irigyelem munkaszeretetét.
я удивляюсь ! люблю и Csodálkozom munkaszeretetén.
я изумляюсь ! умению ор- Bámulom munkaszeretetét.
я поражаюсь ! ганизовать Meglepődöm szervezőkészsé-
работу гэн.

2. Курение вредит здоровью - A dohányzás árt az egészségnek.
 восхищаться/восхититься !поведением - lelkesül a zenéért
 возмущаться/возмутиться !кого-н. - felháborítja vki
 !музыкой magatartása
3. любить ! своего учителя - szereti a tanárát
4. рас/сердиться на кого-н. - megharagszik vkire
 обижаться/обидеться на - megsértődik vkire
 кого-н.
 надеяться на помощь ко- - bízik vkiben
 го-н.
5. скучать по родным краям - vágyódik a honi tájak után
 соскучиться по тебе - vágyódik utánad
 тосковать по родине - honvágya van
 вздыхать по какой-н. де- - sóhajtozik egy leány után
 вушке
 горевать ! по дочке - buslakodik "
 тужить ! "
 рыдать по погибшему сыну - siratja elesett fiát
 носить траур по мужу - gyászolja férjét
6. привыкать/привыкнуть к - hozzászokik az éghajlathoz
 климату
 стремиться к знаниям - ismeretek szerzésére törekszik
 приступить к работе - munkához lát
 придираться/придраться к - pikkel vkire
 кому-н.
7. вздыхать о прошедшей мо- - elmúlt ifjúsága miatt busla-
 лодости kodik
 по/горевать ! о смерти - barátja halála miatt busla-
 по/сетовать ! друга kodik
 скорбеть !
 тужить о молодости - bánkodik az ifjúság múlása miatt
 по/жалеть о потерянном - sajnálja az elvesztett időt
 времени
 плакать по сыну/о сыне - siratja fiát
8. Я люблю играть в шахматы - Szeretek sakkozni.
9. Я интересуюсь тем, что - Érdekel, amit csinál.
 он делает
 Мы восхищаемся тем, как - Érdekel, hogyan játszik.
 он играет

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ВЕНГЕРСКИМ

Э. Саламин

0. Одной из актуальных проблем современного языкознания является сопоставительное изучение языков, направленное как на решение различных теоретических проблем, так и на практические потребности изучения и преподавания иностранных языков. В настоящей статье поставлена в первую очередь теоретическая цель: определить характер и место модальности достоверности-недостоверности, т.н. эпистемической модальности в иерархии категории модальности, доказать ее нефакультативность, внутреннюю неоднородность. Это однако не исключает возможности практического использования некоторых наших теоретических выводов в преподавании русского языка в венгерской аудитории.

1. Характер категории модальности

1.1. Модальность трактуется нами широко, как комплексная функционально-семантическая категория, выражающая отношения между факторами коммуникативного акта. К факторам коммуникативной деятельности человека относятся не только говорящий, собеседник и внеязыковая действительность, но и само высказывание, отражающее, кроме определенного "кусочка действительности", также отношение к нему говорящего и отношение говорящего к собеседнику.

Смысловую основу категории модальности образует понятие оценки, представляющей собой проявление "вмешательства" говорящего в высказывание. Говорящий стоит в центре коммуникативной ситуации, важнейшим его свойством является акт речи. Известно, что акт речи организует пространственные и временные отношения вокруг говорящего субъекта, принятого за ориентир. В языковой организации понятия времени

это отражается в том, что ориентиром служит референтное соотношение с настоящим, с актом речи. В этой "субъективности" языка, организованной по принципу "я - здесь - сейчас", отчетливо сказывается "антропоцентрическая установка" человека, выявление которой как бы сконцентрировано в категории модальности.

Модальность неразрывно связана с другими функционально-семантическими категориями, реализующими отнесенность высказывания к действительности, с такими как темпоральность, персональность, временная локализованность-нелокализованность содержания высказывания и категория определенности-неопределенности. Категория модальности тесно связана со всей системой грамматических средств актуализации, со всей синтактико-семантической структурой предложения.

1.2. Наши исследования по русскому и венгерскому языкам привели к выводу о том, что в модальности могут быть выявлены следующие, связанные между собой аспекты: 1/ коммуникативная модальность: отношение говорящего к собеседнику; 2/ эпистемическая модальность: отношение говорящего к содержанию высказывания в плане достоверности-недостоверности знания говорящего; 3/ субъективная модальность: отношение говорящего к содержанию высказывания в широком оценочно-экспрессивном плане; 4/ объективная модальность: отношение содержания высказывания к действительности в плане реальности-потенциальности-ирреальности. За исключением субъективной модальности остальные три аспекта являются обязательным, конститутивным признаком предложения.

Факторы коммуникативной ситуации, а также их сложные соотношения взаимно и одновременно предполагают друг друга, отдельные факторы и соотношения не могут быть оторваны от системы данных соотношений, изолированный их анализ возможен лишь *in abstracto*.

Выявление названных аспектов было осуществлено с помощью вовлечения в анализ категории определенности-неопре-

деленности. Исследователями русского языка вскрыта тесная связь категории модальности с категорией определенности-неопределенности¹. Исследования показывают, что в предложениях, выражающих реальность осуществления действия, обычно неопределенные местоимения с аффиксами -то /не-/ и кое-, выражающими наименьшую степень неопределенности, реальное существование предмета, о котором идет речь. Семантика этих аффиксов противопоставлена семантике аффиксов -нибудь, -либо, выражающих полную неопределенность, соотносимую с потенциальностью и ирреальностью осуществления действия. В венгерском языке значение реальной модальности соответствует семантике неопределенных местоимений с префиксами vala-, lé-, неопределенного артикля egy и не соответствует семантике местоимений с обобщающим значением типа akárki, bárki. Функционирование неопределенных местоимений в русском языке оказалось пригодным для выявления модальных различий предложений глагольного строя.

2. Аспекты категории модальности

2.1. Коммуникативная модальность. С точки зрения плана содержания это отношение говорящего к собеседнику, имеющее активный, целенаправленный характер. Средства ее выражения - это повествовательные /невопросительные/ и вопросительные функциональные типы предложений, т.е. те суперсегментные, грамматические и лексические средства, которые необходимы для создания отдельных типов предложений.

2.2. Эпистемическая модальность. В плане содержания это отношение говорящего к содержанию высказывания с точки зрения достоверности-недостоверности знания говорящего.

¹ Л.Я. Маловицкий. Синтаксические условия функционирования неопределенных местоимений в современном русском языке. ФН, 1974, № 4.

Достоверность в простой форме выражения не эксплицитна, не опирается на специальную систему выразительных средств, выражение недостоверности однако эксплицитно, осуществляется лексико-грамматическими, грамматическими и лексическими средствами /реже фразеологизмами/. В настоящей статье мы сосредоточимся на лексико-грамматических средствах./

2.3. Субъективная модальность. Аспект категории модальности, называемый нами эпистемической модальностью, в специальной литературе, как правило, фигурирует под термином субъективной модальности. Следует, однако, отметить, что понятие субъективной модальности намного шире понятия эпистемической модальности. К кругу субъективно-модальных /модально-экспрессивных/ значений относятся окрашенные эмоциональной экспрессией значения акцентирования, оценки, удивления, предостережения и т.д. Более широкому кругу субъективно-модальных значений соответствует более широкая шкала средств выражения.

2.4. Объективная модальность. Она может быть противопоставлена первым трем аспектам на том основании, что она связывает содержание высказывания с действительностью. Объективная модальность, конечно, также определяется в речи говорящим, однако значение реальности, потенциальности и нереальности являются таковыми не по отношению к говорящему: он здесь не служит ориентиром. Из четырех аспектов с синтактико-семантической структурой предложения самым тесным образом связана объективная модальность. Для самого дифференцированного ее выражения дают возможность глагольные предложения, сообщающие о конкретных действиях, с помощью тройного противопоставления реальность-потенциальность-ирреальность. При анализе объективной модальности была рассмотрена ее соотношенность с категориями временной локализованности-нелокализованности и определенности-неопределенности. Совместный анализ функций временной локализованности и определен-

ности мы сочли возможным потому, что локализованность действия во времени может рассматриваться как одно из пересекающихся полей в рамках более широкой сферы детерминированности-индетерминированности.

В дальнейшем сосредоточимся на анализе эпистемической модальности в русско-венгерском сопоставительном плане /библиографию вопроса см. в кандидатской диссертации автора²./

3. Эпистемическая модальность

3.1. Как известно, одним из основных свойств человеческой психики является оценка, проявляющаяся в эпистемической модальности как выражение достоверности-недостоверности знания говорящего в отношении к содержанию высказывания. Между значениями достоверности и недостоверности в обоих языках может быть выявлено логическое и грамматическое различие, заключающееся в следующем: в то время как выражение достоверности знания говорящего является обязательным, конститутивным признаком высказывания, логически данным в его семантической структуре³, выражение недостоверности является факультативным признаком, возникающим в результате ограничения достоверности. Для наглядности возьмем несколько примеров: Брат приехал; Брат приехал?; Когда приехал брат?

Если воспроизвести - хотя бы в общих чертах - семантическую структуру приведенных выше предложений, то в ней должно отражаться сообщение знания-незнания о содержании высказывания, о диктуме /Д/. Напр.: Брат приехал - Я сообщаю тебе, что я знаю, что Д. Брат приехал? - Я сообщаю тебе, что я не знаю, что Д, ты знаешь, что Д и ты должен ска-

² Феер Денешне Саламин Эдит. Модальность достоверности-недостоверности в современном русском литературном языке в сопоставлении с венгерским. М., 1980.

³ О семантической структуре см. Т.Б. Алисова. Дополнительные отношения модуса и диктума. ВЯ, 1971, № 1.

зять мне, что Д . Когда приехал брат? - Я сообщаю тебе, что я знаю часть факта Д, ты знаешь другую часть факта Д, ты должен сообщить мне другую часть факта Д .

Знание-незнание о диктуме логически необходимо, иначе высказывания были бы не в состоянии выполнить свою не-вопросительную и вопросительную коммуникативную функцию. Эта логическая необходимость в конечном счете может быть связана с решающим значением языка в познавательном процессе человека .

Достоверность знания говорящего модифицируема в двух направлениях: становясь эксплицитной, она переходит в категорическую достоверность, ограничением же ее выражается недостоверность или проблематическая достоверность, предположительность, вероятность и т.п. Напр.: Брат непременно/безусловно/несомненно и др. приехал; Брат может быть/кажется/вероятно и др. приехал. В отличие от высказывания Брат приехал, выражающего простую достоверность, приведенные выше примеры передают категорическую и проблематическую достоверность .

3.2. Из взаимообусловленности отдельных аспектов модальности вытекает, что модифицируемость достоверности знания говорящего не произвольна, а зависит от определенных условий. Известно, напр., что задавая частные вопросы типа Когда приехал брат?, говорящий /спрашивающий/ исходит из предпосылки, по которой брат приехал когда-то, т.е. фактуальность действия, выражаемого в вопросе, спрашивающим не ставится под вопрос, напротив, само действие признается "абсолютным" фактом. Если в семантическую структуру высказывания входит описанный тип пресуппозиции, то высказывание не может быть модифицировано в рамках эпистемической модальности. Этим, на наш взгляд, объясняется тот факт, что нет предложений типа *Когда безусловно/вероятно и др. приехал брат? Если этот тип пресуппозиции в семантическую структуру

высказывания не входит, то достоверность знания говорящего может быть модифицирована в упомянутых двух направлениях в зависимости от коммуникативной модальности /см. примеры выше/.

3.3. Симптоматичен тот факт, что выражения, оценивающие содержание высказывания в плане достоверности-недостоверности, фигурируют во всех работах, трактующих в специальной литературе т.н. субъективную модальность /и в связи с этим модальные слова/ как широко, так и узко: в логическом смысле. Это, по-видимому, объясняется тем, что названный аспект модальности действительно является обязательным, конститутивным фактором данной категории, таким образом, выделение его в отдельный, эпистемический аспект модальности можно считать оправданным⁴.

4. Эпистемическая модальность в повествовательных /не-вопросительных/ предложениях

4.1. Если рассмотреть высказывания, содержащие оценку степени достоверности высказываемого с точки зрения говорящего, выраженную /вводными/ модальными словами в зеркале функционирования неопределенных местоимений, то можно прийти к следующему выводу: употребление неопределенных местоимений в предложениях с модальными словами, обозначающими категорическую достоверность, соответствует нашему основному выводу, сделанному в отношении предложений без модальных слов, выражающих простую достоверность. /См. пункт 1.2./
Напр.:

⁴ О субъективной модальности как о постоянном признаке предложения см. А.М. Скороварова. О логико-коммуникативной функции категории модальности, "Материалы второй межвузовской конференции по проблемам лингвистики и методики преподавания иностранных языков". Ростов-на-Дону, 1970.

... а сейчас кишен стал уже редкостью. У старика разве какого-нибудь хранился на память о прошлом. И вот надо же, наверняка, кто-то подсказал /Айтматов/.

... manapság ritkaságszámba megy már a béklyó. Egyik öreg tartotta meg mint a hajdani élet emlékét. Biztosan ajánlotta valaki.

И почему-то она думала, что в эту ночь должно непременно произойти что-то очень худое /Чехов/.

És Tyotka valahogy biztosra vette, hogy ezen az éjszakán valami rettenetes dolog fog történni.

В самом деле, высказывая мысль 'Звали на помощь'; 'Вечерело'... мы, несомненно, что-то утверждаем /Колшанский/.

Valóban, kimondva a "Segítséget hívták"; "Esteledett"... gondolatot, kétségtelenül állítuk valamit.

Если бы в этих предложениях были опущены модальные слова, выражающие категорическую достоверность /наверняка, непременно, несомненно/, то в них было бы выражено значение простой достоверности, и были бы употреблены те же самые неопределенные местоимения, поскольку модальное значение категорической достоверности не изменяет ни объективного, ни коммуникативного аспектов категории модальности. При этом следует подчеркнуть, что такие слова вводят в предложение модальный план категорической достоверности, эксплицитно квалифицируя высказывание с эпистемической точки зрения. Подобная квалификация невозможна, напр., в частных вопросах, содержащих пресуппозицию фактуальности ситуации, в то время как предложения без эксплицитной модальности трансформируемы в частные вопросы.

Модальные слова, обозначающие уверенность говорящего в том, о чем он сообщает, образуют как бы второй слой объективно-модального значения предложения, который является второстепенным и накладывается на основной грунт объективной модальности. Со сказуемыми, выраженными синтаксическим индикативом, в смысловом отношении взаимодействуют модальные слова, передающие подтверждение, категорическую достоверность.

Выражению категорической достоверности, в отличие от проблематической, в обоих языках служат в основном лексико-грамматические средства. На наш взгляд, и это различие является косвенным доказательством того, что в значениях категорической и проблематической достоверности есть грамматическое различие.

4.2. Рассмотрим высказывания с модальными словами, выражающими проблематическую достоверность. Употребление в них неопределенных местоимений очень часто не соответствует упомянутым выше основным правилам, установленным для предложений без модальных слов, имеющих значение простой достоверности. Напр.:

Может быть, я что-нибудь и не так говорю, и не нужно этого говорить, потому что вы сами все знаете /Горький/.

Meglehet, nem is úgy mondom valamit s nem is kell ezt mondani, mert maga is mindent tud.

... я не знаю вашего мнения обо мне, зато ваша тетюшка просто меня терпеть не может. Я ее тоже, должно быть, обидел каким-нибудь необдуманном глупым словом /Тургенев/.

maga meg... különben nem tudom, mi a véleménye rólam; viszont a nénikéje egyszerűen ki nem állhat. Őt is bizonyosan megbántottam valami meggondolatlan, ostoba szóval.

Недаром на нем эта кольчуга, - подумал я, он уж, верно, что-нибудь замысливает /Лермонтов/.

Nem ok nélkül lehet rajta a páncéling - gondoltam magamban, - valamit most bizonyosan forrai.

Наверное, ... с отцом что-нибудь случилось /Гайдар/.

Biztos... történt valami apámmal.

- Наверно ... это кто-нибудь с воли через забор кинул, да не попал куда надо, а к нам со старушкой вбросил /Лесков/.

Biztosan valaki... szándékosan hajította át a kerítést, de nem oda talált, ahová kellett volna, hanem hozzánk dobta be.

Его нет дома, вероятно, он
ушел куда-нибудь /разг.
речь/.

Nincs itthon, valószínűleg
elment valahová.

Отсутствие модального слова может быть в первом предложении повлекло за собой замену неопределенного местоимения что-нибудь местоимением что-то: Я что-то не так говорю, и не нужно этого говорить, потому что вы сами все знаете. Аналогичным образом, во всех остальных предложениях отсутствие модальных слов должно быть, верно, наверно, наверное, вероятно также повлекло бы за собой замену неопределенного местоимения с аффиксом -нибудь местоимением с аффиксом -то, выражающим низшую степень неопределенности, коррелирующим со значением реальной объективной модальности. Без названных модальных слов данные предложения передают простую достоверность, а с точки зрения объективной модальности выражают значение реальности. С введением данных модальных слов изменяется характер эпистемической модальности: простая достоверность переходит в проблематическую; при этом изменяется также значение объективной модальности: реальная модальность переходит в потенциальную.

На каком основании можно утверждать, что с введением названных модальных слов проблематической достоверности значение объективной модальности высказывания изменяется таким образом, что реальная модальность переходит в потенциальную? Изменения в употреблении неопределенных местоимений лишь отражают изменения в модальном значении высказывания, но не являются причиной этих изменений. Сами изменения в функционировании неопределенных местоимений являются лишь следствием изменений в модальной семантике высказывания. Напр., Книги нет на месте, кто-то случайно захватил ее с собой ---> Книжки нет на месте, наверное, кто-нибудь случайно захватил ее с собой.

Значение вероятности, введенное модальным словом наверное, в философском понимании представляет собой проявление

значения возможности: вероятность - это количественная характеристика возможности⁵. Характерными чертами возможности, как известно, являются идеальность, мыслимость, предположительность. Именно вследствие этой предположительности предложения с названными модальными словами недостоверности не могут иметь значения объективной реальности, несмотря на то, что сказуемые в них стоят в формах синтаксического индикатива. Выраженное ими объективно-модальное значение - это значение потенциальности.

Симптоматично, что в литературе, посвященной вводным модальным словам, наряду с определениями типа 'вводные модальные слова выражают отношение говорящего к содержанию высказывания в плане уверенности-неуверенности'⁶, бытуют и определения, согласно которым вводные модальные слова выражают отношение содержания высказывания к действительности⁷. Подобное двойное определение, очевидно, свидетельствует о сложном, комплексном характере категории модальности, о неразрывной связи разных ее аспектов, которые могут быть отделены друг от друга лишь *in abstracto*.

4.3. Если рассмотреть венгерские соответствия русским предложениям с модальными словами и частицами, выражающими проблематическую достоверность, то можно сделать общий вывод о меньшей употребительности лексико-грамматических средств в венгерском языке по сравнению с русским. Меньшая употребительность лексико-грамматических средств компенсируется большей употребительностью средств грамматических. К таким грамматическим средствам относится: 1/ суффикс потенциального значения для выражения предположительности,

⁵ Fodor J.: *Dinamikus és statisztikus törvények*. Magyar Filozófiai Szemle. 1966. 3.

⁶ Г.А. Золотова. О модальности предложения в русском языке. ФН, 1962, № 4.

⁷ В.М. Никитин. Вводные слова в русском языке, их специфика и типы. Рязанский гос. пединститут. Уч. записки, № 8, Рязань, 1949.

недостовренности сообщаемого -hat, -het; 2/ употребление со-
слагательного наклонения /в общих вопросах/ для выражения
оттенка сомнения; 3/ союз mintha в функции модальной части-
цы в самостоятельных простых предложениях совместно с со-
слагательным наклонением с имплицитным главным предложением
типа ugy tűnik /fel/, ugy tetszik, ugy rémlik. Напр.,

1/ Всю ночь, <u>наверно</u> , прыгал, всю ночь шел /иноходец/. Один, под звон цепей, как беглый каторжник /Айтма-
тов/. | Egész éjszaka botorkálhatott. A láncsörgés hangjára, egye-
dül, akár egy szökött fegyenc. |
|--|--|

... а сейчас кишен стал уже редкостью. У старика <u>разве</u> какого-нибудь хра- нился на память о прош- лом. ...наверняка кто-то подсказал /Айтматов/.	... manapság ritkaságszámba megy már a béklyó. Egyik öreg tarthatta meg mint a hajdani élet emlékét.
---	--

2/ <u>Разве</u> же так велено нам хозяйствовать? - Посмот-
ри, в каком рваньё мы ходим! /Айтматов/.	Ez lenne az utasítás, hogy így kell gazdálkodnunk? Nézd, micsoda rongyokban járunk.

Вдруг свет появился в од- ном из окон нижнего эта- жа, перешел в другое, в третье... Кто-то шел со свечкой по комнатам. "Неужели Лиза? Не может быть!..." /Тургенев/.	Egyszerre világosság jelent meg az egyik földszinti ablak- ban, átment a másikba, har- madikba... Valaki gyertyával járt a szobákban. "Liza <u>vol-</u> na? Lehetetlen..."
---	---

3/ - <u>Что-то</u> ты часто стал выяснять факты. Смотри /Айтматов/.	- <u>Mintha</u> az utóbbi időben gyakran akarnál tisztázni bizonyos tényeket.

4.4. Отдельно следует рассказать о специфичном для вен-
герского языка средстве выражения эпистемической модальнос-
ти, которое выявляется в использовании соотносительных слов
в определенном типе сложноподчиненных предложений изъясни-
тельного характера. В глагольных конструкциях с т.н. внешней

семантической связью в употреблении соотносительных слов действуют определенные ограничения: при употреблении соотносительного слова ugy выражается значение недостоверности, при использовании же соотносительного слова az или без соотносительных слов передается достоверность, уверенность говорящего в сообщаемом: Ugy vettem észre, hogy nem örült, /de lehet, hogy tévedek/ ≠ Észrevettem azt /a tényt/, hogy ... = Észrevettem ∅ /a tényt/, hogy ...⁸

5. Эпистемическая модальность в вопросительных предложениях

5.1. В функционировании модальных слов и частиц в вопросительных предложениях могут быть выявлены иные тенденции, в некоторой степени как раз противоположные тем тенденциям, которые характерны для повествовательных предложений. Как известно, модальные слова выступают лишь в вопросительных предложениях без вопросительных слов, в т.н. общих вопросах. В монографии П. Рестана подробно описываются все типы общевопросительных предложений, среди них и общие вопросы, содержащие модальные слова, выражающие отношение спрашивающего к достоверности высказывания⁹. В отличие от чисто информативных вопросов, вопросительные предложения этого типа автор называет презумптивными.

"Вопрос Ты ее, верно, знаешь? не равносителен вопросу Ты

⁸ Придаточное предложение описывает некоторое явление объективной действительности, а в главном предложении описывается отношение к нему действующего субъекта или дается некоторая характеристика данного явления, существующего независимо от этого отношения или характеристики. Напр.: Sajnálja, hogy... /Он жалеет, что.../; Érdekes, hogy... /Интересно, что.../. См.: Molnár I.: The Semantic Structure of Complex Sentences Containing the Conjunction hogy 'that' in Hungarian, Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungariae 29, 1979.

⁹ П. Рестан. Синтаксис вопросительного предложения /Общий вопрос/, Oslo-Bergen-Tromsø, 1972.

ее знаешь? /'Ты ее знаешь или нет'?. Общевопросительные предложения чисто информативного типа отличаются тем, что утвердительный и отрицательный ответ на них представляется для спрашивающего одинаково возможным. Это не может быть отнесено к вопросу Ты ее, верно, знаешь?¹⁰: посредством слова верно говорящий выражает свое отношение к достоверности самого высказывания, считая утвердительный ответ более вероятным, чем отрицательный.

Несколько иначе обстоит дело в вопросе Может быть, ты ее знаешь? /'Я считаю возможным, что ты ее знаешь. Верно это?'. Но опять-таки перед нами не чисто информативный вопрос, поскольку модальное слово может быть содержит в себе некоторое предположение. Вопрос Значит, ты ее знаешь? выражает очень высокую степень предположения: спрашивающий почти уверен в истинности высказывания и ждет от собеседника утвердительного ответа. /Сильное предположение в вопросах соответствует категорической достоверности в повествовательных предложениях./

Таким образом, между знанием и незнанием разворачивается своего рода модальная шкала, на которой распределяются вопросительные предложения, построенные с помощью модальных слов. Напр.:

- Ты что же, в партию, быть может, ловчишься? - Нужно будет для дела, пойду в партию /А. Толстой/.

- Talán a pártba is bekerülsz, ha ügyes vagy.

Дернулся Гульсары, попробовал оборвать привязь. Нет, крепко привязали его ... Может, услышат свои? Гульсары гулко и протяжно заржал. /Айтматов/.

Megrándult Gülszári, megpróbálta a kötőféket elszakítani. De nem lehet: jó erősen kikötötték kettős láncsal. Talán a hangja eljut az övéihez.

- Здравствуй, здравствуй, брат, - проговорил Лаврец-

- Jó napot, bátya, jó napot - szólalt meg Lavreckij. Ugy

¹⁰ П. Рестан. Указ. соч., стр. 181.

кий, - тебя, кажется,
Антоном зовут? Ты жив
еще /Тургенев/

tetszik, Antonnak hívnak. Élsz
még?

- А ты никуда не по-
ехала; тебе, верно,
скучно было? - сказал
он /Л. Толстой/.

- Hát te nem voltál sehol? Biz-
tosan unatkoztál?

Мама говорит, если бы
она не работала, то
все время читала бы.
Вы, вероятно, никогда
не работаете? /Федин/.

A mama azt mondja, hogy ha nem
dolgozna, mindig olvasna. Maga
biztos nem dolgozik sose.

- Кто это выдумал?
Глеб, наверное?
- Нет... /Паустовский/.

- Ki találta ezt ki? Bizonyosan
megint Gleb! - Nem, nem ...

Шутишь, должно быть?
/Островский/

Biztos viccelsz.

Вы, вероятно, знаете
это? /Горький/

Őn valószínűleg tudja ezt.

"Стало быть, незачем
говорить. Да, слава
богу, и нечего гово-
рить," - сказала она
себе /Л. Толстой/.

"Tehát nincs miért szólni? Igen,
hála Istennek, nincs" - mondta
magában.

- Дома никого нет, ко-
нечно? Великий Могул
... ответила тонким
голосом, что барыни
действительно дома нет
... /А. Толстой/.

- Ugye senki sincs itthon? A Nagy-
mogul vékony hangon azt felelte,
hogy a nagyságos asszony csakugyan
nincs itthon...

По П. Рестану, презумптивные вопросы находятся в пери-
ферийной сфере вопросительности, или, точнее, "в сфере со-
прикосновения вопросительной и повествовательной модальнос-

ти"¹¹. В предложениях названного типа границы между констатацией и вопросом нередко шатки, расплывчаты.

5.2. Таким образом, вопросительные предложения с модальными словами распределяются "по модальной шкале между незнанием и знанием" и создают как бы переходные ступени от одного коммуникативного типа предложения к другому. Напр., предложения Сосед уже уехал и Сосед уже уехал? более резко противопоставлены друг другу, чем предложения Сосед уже, вероятно, уехал и Сосед уже, вероятно, уехал? В первой паре предложений реальная объективная, повествовательная коммуникативная модальность /Сосед уже уехал/ противопоставлена потенциальной объективной, вопросительной коммуникативной модальности /Сосед уже уехал?/. Во второй же паре предложений потенциальная объективная и повествовательная коммуникативная модальность /Сосед уже, вероятно, уехал/ противопоставляются соответствующим модальным характеристикам лишь в одном отношении: по коммуникативной модальности; повествовательное предложение противостоит вопросительному /Сосед уже, вероятно, уехал?/.

Если вышеупомянутые предложения распределить "по модальной шкале между знанием и незнанием", то получается следующий ряд: 1/ Сосед уже уехал? --> 2/ Сосед уже, вероятно, уехал? --> 3/ Сосед уже, вероятно, уехал --> 4/ Сосед уже уехал. На этой шкале, с одной стороны, наиболее резко противопоставлены друг другу предложения 1/ и 4/; с другой стороны, вопросительное предложение с модальным словом со значением предположительности /2/ лежит в сфере соприкосновения вопросительной и повествовательной коммуникативной модальности. Такие вопросительные предложения находятся на самой периферии интеррогативности.

¹¹ Указ. соч., стр. 191. О вопросах, носящих переходный характер от вопроса к сообщению, см. еще А.М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 394.

Не случайно поэтому русские вопросительные предложения с модальными словами в венгерском языке часто передаются повествовательными предложениями с соответствующими модальными словами. Ср. вышеприведенные примеры с модальными словами biztos, biztosan, bizonyára, bizonyosan, valószínűleg. В венгерском языке данные модальные слова не могут быть употреблены в вопросительных предложениях для выражения предположения спрашивающего.

5.3. Уместно поставить вопрос: действительно ли в венгерском языке в вопросах типа Valószínűleg összeházasodnak? /Вероятно, они поженятся?/ исключены модальные слова, обозначающие недостоверность. Несмотря на то, что в собранном нами материале подобных вопросов не оказалось, возможность их употребления принципиально не исключена. Их специфика, очевидно, заключается в том, что в них изменяется соотношение говорящего и модального субъекта: в повествовательном предложении Valószínűleg összeházasodnak - говорящий и модальный субъект, т.е. субъект, оценивающий сообщение с точки зрения достоверности, совпадают. Модальное слово valószínűleg выражает отношение говорящего /модального субъекта/ к высказываемому как бы в форме редуцированного предложения. Если это редуцированное предложение грамматически развернуть, то в нем появляется модальный субъект, указывающий на говорящего: 'Valószínűnek tartom /én/, hogy összeházasodnak' /Я считаю вероятным, что они поженятся/. В вопросительном же предложении модальный субъект, обозначаемый модальным словом, совпадает не с говорящим, а с собеседником: /'Valószínűnek tartod /te/, hogy összeházasodnak?'/ Ты считаешь вероятным, что они поженятся?/ - т.е. предложение как бы повторяет ранее выраженное отношение собеседника к высказываемому. Поэтому венгерский вопрос Valószínűleg összeházasodnak? и русский вопрос Вероятно, они поженятся?, в котором такого изменения не происходит, не эквивалентны.

Таким образом, в лексико-грамматическом оформлении презумптивных вопросов между русским и венгерским языками имеется типологическое различие. В венгерском языке совершенно невозможны вопросы типа Сони, тогда, по-моему, с тобой не было?, свободно употребляемые в русской речи.

5.4. Резюмируем сказанное. Проблематическая достоверность /недостоверность/ и категорическая достоверность эпистемической модальности не оставляют в нетронутом виде остальные два конститутивных аспекта категории модальности: коммуникативную и объективную модальность. Характер их влияния зависит от характера названных двух других аспектов: при повествовательной коммуникативной и реальной объективной модальности с введением модальных слов недостоверности реальная модальность переходит в потенциальную, а повествовательная модальность не изменяется. Модальные слова недостоверности здесь являются маркированным членом оппозиции, поскольку с введением модальных слов категорической достоверности не изменяется характер ни того, ни другого аспекта модальности.

В вопросительных же предложениях, в т.н. презумптивных вопросах, с введением модальных слов названных двух типов потенциальная /ирреальная/ объективная модальность не изменяется, но происходят изменения в оттенках коммуникативной модальности: вопрос приближается к констатации, т.е. вопросительная коммуникативная модальность приближается к повествовательной. В презумптивных вопросах маркированным членом оппозиции выступают, в отличие от повествовательных предложений, именно модальные слова категорической достоверности, значение которых дальше от основного коммуникативного значения вопроса, от незнания, и ближе к основному коммуникативному значению повествовательного предложения, к знанию, констатации. В плане выражения презумптивности между русским и венгерским языками имеется типологическое различие.

К ВОПРОСУ ОБ ОТГРАНИЧЕНИИ ЧАСТИЦЫ И ОТ СОЮЗА И

К. Фабриц

1. Отделение частиц от слов, к которым они восходят - одна из наиболее актуальных задач изучения частиц¹. Как известно, среди частей речи, мотивирующих частицы, наиболее продуктивными являются глагол, наречие и союз. Раскрытие сущности связи между частицами и их этимонами имеет большое значение для определения функции и семантики той или иной частицы.

В данной работе сделается попытка показать своеобразие соотношения союза и и частицы и, причем укажем на некоторые противоречивые моменты в определении языкового статуса слова и в качестве союза.

2. Наиболее полное описание слова и дается в толковых словарях русского языка /в первую очередь в ССРЛЯ и в СРЯ/². Система функций и значений слова и как союза представлена в них без указания на его связь с частицей и, в силу чего трудно обнаружить те критерии, которые легли в основу разграничения союза и и частицы и. Неясно, на основании каких критериев слово и в предложениях "Гость молчал. Молчал и хозяин." и "Мы сидели в тени; но и в тени было душно." /ССРЛЯ, стр. 9/ или "Все говорят: нет правды на земле. Но правды нет - и выше." /СРЯ, стр. 862/ выступает с пометой "частица", тогда как в предложениях "Вот это-то письмо я от вас и утаил." /СРЯ, стр. 861/ и "Этим разговор

¹ Подробно об основных задачах изучения частиц см.: И.М. Копыленко. О коммуникативных функциях частиц. АКД. Алма-Ата, 1981, стр. 10-11.

² ССРЛЯ = Словарь современного русского литературного языка. т. 5, М., 1956, стр. 8-10; СРЯ = Словарь русского языка. М., 1957, стр. 860-862.

и кончился." /ССРЛЯ, стр. 8/ и соответственно отмечено как "выделительный союз" и "результативный союз". Толковые словари Д.Н. Ушакова /т. 1, стр. 1125/ и С.И. Ожегова /стр. 218/ вообще не различают союз и и частицу и, и лишь ограничиваются формулировкой "союз в функции частицы" в таких предложениях как "Неужели ты и этого не знаешь?" и "И сам не рад."

Разнобой, существующий в отнесении слова и в различных его употреблении к той или иной части речи, объясняется, на наш взгляд, не столько размытостью границ между союзом и частицей, сколько недостаточной четкостью определения специфики самого союза.

3. Союз и - лексема многозначная. Об этом свидетельствует не только то, что при переводе союза и на ряд других языков ему, как правило, соответствует не один союз, а два /ср. англ. 'and' и 'too' или 'also', фр. 'et' и 'aussi', нем. 'und' и 'auch', венг. 'és' и 'is' и т.д./. Наиболее отчетливо функциональная и семантическая многогранность союза и проявляется в двойственности его употребления. С формальной точки зрения это сказывается в том, что союз и в зависимости от выполняемой им функции занимает то препозитивное, то интерпозитивное положение в предложении. В этом случае интерпозиция понимается как место между двумя связываемыми элементами /членами предложения или частями сложного предложения, а нередко - целыми предложениями/, напр.:

/1/ Доктор и следователь в сених стряхивали с себя снег...

/Чехов: По делам службы/

/2/ Было прохладно, и около сарая во все горло кричал петух, мешая спать.

/Чехов: Мужики/

- /3/ Врут даже кристально честные и правдивые люди, которым в нормальных атмосферных условиях и в го- лову не придет сказать неправду. И чем крепче мо- роз, тем крепче врут.

/Ильф и Петров: Собачий холод/

Связывание в виде интерпозиции основывается на функци- ональном, равноправии соединяемых единиц. Интерпозитивный со- юз и выполняет основную функцию с о е д и н е н и я , осу- ществляемого на базе п е р е ч и с л е н и я . При этом интерпозитивный союз и устанавливает собственно сочинитель- ные отношения³.

Однако союз и может использоваться не только интерпози- тивно, что свидетельствует о различиях в его функционирова- нии. Упомянутую препозицию можно обнаружить в тех случаях, когда союз и связывает две равноправные синтаксические еди- ницы на основе их смыслового сходства. В таких случаях союз и непосредственно опережает второй из соединяемых элементов. Напр.:

- /4/ ... ему семьдесят лет, живет он в монастыре, в шестнадцати верстах от города, живет и в городе, где придется.

/Чехов: Архиерей/

- /5/ Дурак будет тот, кто решит, что сумел раз и навсег- да определить свои дни. Когда-то и он, Кимраков, был именно таким дураком.

/Афанасьев: Свидание/

Для функционирования препозитивного союза и характерно выражение о т о ж д е с т в л е н и я при помощи п р и - с о е д и н е н и я второго из отождествляемых компонентов

³ Собственно сочинительные отношения, выражаемые с помощью интерпозитивного и, подробно описываются в "Русской грам- матике", т. 2, §§ 2074-2077, 3111-3120. М., 1980.

к первому. Это открывает возможность для выражения целого ряда смысловых отношений. В то время как интерпозитивный союз и устанавливает контактные связи между соединяемыми элементами, и к выражаемому им собственно сочинению могут прибавляться лишь такие смысловые отношения, как заканчивание перечислительного ряда или отношение следствия /которое проявляется в необратимости частей сложного предложения/, препозитивный же союз и обладает довольно богатым и разветвленным кругом употребления.

Во-первых, препозитивное и способно устанавливать не только контактные связи. Опираясь на одно из смысловых отношений, препозитивный союз и может значительно отдаляться от первого из сходных элементов, выступая, таким образом, в роли средства выражения связности текста. Так, в примере /6/ дистантная связь /охватывающая два абзаца/ выражена посредством градационного отношения, вносимого союзом и:

/6/ - Эй, ты косой, ты и волка не боишься?

/Мамин-Сибиряк: Сказка про храброго зайца/

Во-вторых, отождествление, как правило, строится на идентичности главного члена предложения, сказуемого. Следовательно, присоединение обычно связывает два члена предложения при неизменности сказуемого, ср.:

/7/ Улица была вся та же, какую он /Зайцев/ видел в последний раз. И тополя были такими же...

/Воронин: Проездом/

Идентичность сказуемого /ядро смысловой преемственности/ нередко выражается не на лексическом, а на содержательном уровне. Так, в примере /8/ одно сказуемое тождественно другому благодаря тому, что они выражают общее для них содержание "появление действующих лиц", ср.:

/8/ Потом постучалась Иванова - она усмотрела дым из
моей трубы, - следом приволокся и сам Матвеев...

/Твардовский: Печники/

Реже встречаются такие сочетания предложений, в которых присоединение основывается не на лексическом или смысловом тождестве двух сказуемых, а присоединяются целые предложения. Момент отождествления как неотъемлемый признак присоединения в таких случаях базируется на идентичности того или иного второстепенного члена предложения и соответствующего ему члена предложения предшествующего предложения:

/9/ Переехали мы в Тамбов, там и Сашка родился.

/А.Н. Васильева/⁴

/10/ С тех пор жил он в своей Симбирской деревне, где
и женился на девице Авдотье Васильевне Ю.

/Пушкин: Капитанская дочка/⁵

В подобных предложениях функция и значение препозитивного союза и до некоторой степени отличается от его функционирования, представленного в примерах /4/ - /8/. Отличие в данном случае касается изменения характера прикрепленности второй части сложного предложения к первой в примерах /9/ и /10/. Здесь в качестве компонента идентичности во второй части выступает не главный элемент, т.е. сказуемое, а "только" обстоятельство. Иными словами, поверхность соприкосновения частей сложного предложения выражена второстепенным членом предложения. Дело в том, что в последних примерах выполнение основной функции присоединения и выражение момента идентичности /отождествление/ берет на себя

⁴ Пример взят из пособия А.Н. Васильевой: Particles in Colloquial Russian. Moscow, 1973 /?/, p. 140.

⁵ Пример взят из ССРЛЯ, стр. 8-9.

не союз и, а относительное слово /там и где/⁶. Лишенный своей основной синтаксической функции, союз и выступает лишь как средство выделения одностепенности, одновременности и т.д. действий, причем план значения идентичности заменяется другим семантическим планом: в этом случае выражается значение соответствия.

При ослаблении связи, устанавливаемой союзом, принято говорить о превращении слова в "полусоюз-получастицу". В данном случае такое определение статуса слова и оправдывается тем, что, с одной стороны, оно выполняет функцию выделения, которая характерна для частиц, а с другой стороны, функция выделения есть всего лишь модификация исходной функции присоединения: изъятие слова и из предложений /9/ и /10/ приводит к нарушению характера связи между частями предложений. В примере /9/ это проявляется в том, что трансформация "Переехали мы в Тамбов, там Сашка родился." не дает точных сведений о значимости очередности слов "там", "Сашка" и "родился", т.е. актуальное членение второй части предложения неоднозначно. /Ср. возможные варианты "там, а не в другом месте", "Сашка, а не другой сын" и даже "наконец-то" или "в конце концов родился", среди которых ни один не соответствует ни словопорядку "там Сашка родился" без особого интонационного выделения, ни исходному предложению /9/./

Встречаются и такие предложения, которые присоединяются к предыдущему предложению таким образом, что один из членов предложения служит средством продолжения изложения в последующем предложении, причем его функция также меняется. Так, в примерах /11/ и /12/ подлежащее первого пред-

⁶ Кроме изменения характера связи обращает на себя внимание также тот факт, что в таких примерах порядок следования компонентов /слова с относительным значением и остальной части/ строго установлен: конструкция, выражающая смысловую преемственность, обязательно стоит в абсолютном начале.

ложения превращается в конструкцию в функции обстоятельст-
ва второго предложения, ср.:

/11/ Во всех Ведерках оставалось только одно такое
дерево. Вот за этим-то деревом и пришел теперь
Антипыч.

/Пришвин: Корабельная чаща/

/12/ Была, конечно, и на Красных Гривах такая избуш-
ка. В ней-то и укрылись наши незадачливые охот-
ники.

/Пришвин: Корабельная чаща/

В этих примерах явно выражен оттенок соответствия, однако смысловое совпадение, тождество подлежащего первого предложения с обстоятельством второго поддерживается не только конструкциями "за этим деревом" и "в ней" и "полу-союзом-получастицей" и, а также и выделительной частицей -то в обоих примерах, и указательным словом вот в примере /11/. Такое употребление слова и, на наш взгляд, лежит как раз на границе, отделяющей союзное употребление слова и от его использования в качестве частицы.

4. В литературе о слове и имеются попытки разграниче-
ния союза и и частицы и. Так, А.Б. Шапиро в своей моногра-
фии выделяет три признака, на основе которых можно разгра-
ничить союзы и частицы. Первый признак - вспомогательная
роль частиц, третий - их неударяемость /проклитичность или
энклитичность/, а второй признак указывает на то, что час-
тицы "отличаются значительной подвижностью и занимают в
предложении место в зависимости от того, где стоит тот член
предложения, к которому они примыкают по смыслу, между тем
как союзы всегда помещаются в начале предложения"⁷. Из это-

⁷ См.: А.Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных
говоров. М., 1953, стр. 59-60.

го видно, почему препозитивный союз и, примыкающий к присоединяемому члену предложения независимо от его положения в предложении, в описательной грамматике традиционно рассматривается как частица. Присоединение как разновидность синтаксической связи остается вне поля зрения автора и в статье А.В. Знаменской, где присоединение и акцентирование, выполняемые "частицей" и, выступают как функции одного и того же синтаксического порядка⁸.

Нам представляется, что при отделении частицы и от союза и решающим опять-таки является вопрос позиции слова и. Рассмотрим несколько примеров использования слова и в функции частицы:

/13/ Знаете, есть тип людей сухощавых и легких, как бы летящих. Седые волосы подобием нимба поднимаются над черепом Ивана Матвеевича. Должно быть, от них и появляется в этом человеке что-то взлетающее.

/Якубовский: Земляника в снегу/

/14/ ... неужели тот смешной человек, который все сутелся, пытал его и стучал деревяшкой, - это и есть его кровь, его отец, его самое дорогое?

/Потанин: Лунные поляны/

Слово и в данных предложениях появляется непосредственно перед сказуемым, т.е. занимает позицию перед главным членом предложения. Примыкание к смысловому центру предложения способствует развитию новых функций и значения на основе прежних, свойственных союзу функций и значений. Следует отметить, что частица и, восходящая к

⁸ Ср.: А.В. Знаменская. Частица и в современном русском языке. В кн.: Вопросы русского языка и методики его преподавания. Курск, 1960, стр. 34-37.

препозитивному союзу и, продолжает передавать некоторые элементы функции и значения своего этимона. В то же время остальные функциональные и семантические элементы ею утрачиваются, уступают образованию новых характерных черт функционирования исходного слова. Чем же употребление слова и в примерах /13/ и /14/ отличается от его использования в предыдущих примерах?

С одной стороны, слово и в /13/ и /14/ хотя и продолжает функцию выделения, однако это выделение направлено не на целые предложения или части сложносочиненного предложения, а лишь на сказуемое. В целях отграничения выделения последнего типа мы назовем его у с и л е н и е м. В плане же семантики также наблюдается продолжение значения соответствия, которое осуществляется однако не на уровне членов предложения, а скорее как соответствие описания признака описываемому. Такое соответствие назовем п о д в о д я щ и м к у м о з а к л ю ч е н и ю. Указанное подведение к умозаключению в предложениях такого рода является как бы результатом анализа связи соответствия между явлением и соотносенным с ним объектом, другим явлением, признаком, действием /поступком/ и т.п. Так, в примере /15/ соответствие имеет характер логической связи между действиями и соответствующим поступком:

/15/ Узнал меня, принялся жалиться. А нам как раз требовался сторож на дачу. Я его и привез хозяину. Земляк, мол...

/Федин: Костер/

По-видимому, актуальное значение частицы до определенной степени обусловлено взаимодействием смысловых связей внутри контекста. Например, предложение /16/ отличается от примера /15/ тем, что в нем оттенок умозаключения дополняется ограничением, которое достигается благодаря сохранению некоторой доли функции выделения:

/16/ Медведь меряется, когда ложится, а Мануйло меряется, когда встает: тем он от медведя и отличается.

/Пришвин: Корабельная чаща/

Основным с точки зрения определения круга возможных функций и значений признаком необходимо считать тип сказуемого. Если частица и стоит перед глагольным сказуемым, то для конструкции характерно усиление с оттенком подведения к умозаключению, соответствия. Акцентирование связи между предложениями восходит к присоединению и отождествлению, которые наглядно выражены в примере /17/:

/17/ - России мы присягали, а не Керенскому!
- А мы и есть Россия! - кричали красногвардейцы.
- Соображать надо!

/Паустовский: Начало неведомого века/

Слово и в функции частицы также может быть расположено перед предикативной основой, выраженной существительным⁹. При этом наблюдается некоторый семантический сдвиг в значении частицы, так как ее использование привносит в предложение оттенок быстрого достижения цели. В примере /18/ частица и не может быть заменена союзом тоже, так как она в данном случае соединяет слова "вода" и "песок" не просто как совместно появляющиеся объекты: слово "вода" указывает на некую цель, а слово "песок" соотносится с ним как нечто обуславливающее его появление. Частица и в нижеследующем предложении близка по значению к наречию уже, ср.:

/18/ Вот еще кубометру вынем, пойдет песок. А там и вода.

/Федин: Костер/

⁹ Понятие предикативной основы номинативных предложений подробно описано в "Русской грамматике". М., 1980. т. 2, §§ 2522-2559.

Важно подчеркнуть, что частица и перед предикативной основой лишь близка по значению к уже, но не заменяема им. Об этом свидетельствует их совместное употребление в примере /19/:

/19/ - Далеко? - спросил я старика с редкой бородой.
- Да какое там далеко! Три версты, а там уже и немец. Поехали!

/Паустовский: Начало неведомого века/

Известная экономия в языке не допускает употребления двух слов для выражения одного и того же содержания. Поэтому противопоставление конструкций с тем или иным словом также может способствовать выяснению специфики функционирования частицы и. Преобразование "Три версты, а там уже немец" подчеркивает предел, отделяющий "три версты без немцев" от "появления немцев", причем между синтагмами имеется отношение противопоставления. Поэтому преобразование "Три версты, а там уже немец" близко по значению к трансформе "Еще три версты, а там немец", в которой также выражен отенок определенной преграды. Если исходное предложение перестроить следующим образом: "Три версты, а там и немец", то слово "немец" приобретает значение цели, а "три версты" указывает на расстояние незначительное, ср.: "Всего три версты, а там немец". Различие в значении конструкций можно продемонстрировать таким расширением: "Три версты можно пройти, а там уже немец" и "Три версты надо пройти, а там и немец". Изменение в отношении между синтагмами отражено также в изменении функции союза а: в первом преобразовании он играет роль противительного союза, а во втором - соединительного.

Итак, в исходном предложении "Три версты, а там уже и немец" союз а выполняет функцию соединения, наречие уже указывает на незначительность расстояния, а частица и вы-

ражает достижение некой цели.

Чаще быстрое достижение цели /возникновения чего-либо/ передается сложной частицей вот и:

/20/ Тот актер хорош, этот нехорош - вот и спор. И могут этак полдня языками молоть, даром что воскресенье.

/Трифонов: Старик/

Нам представляется, что выявление множества различных смысловых оттенков, вносимых в конструкцию появлением частицы и, возможно лишь при учете переплетения смысловых связей между компонентами предложения, а нередко - сложного синтаксического целого. Несмотря на семантическую гибкость частицы и, исходным пунктом в ее описании может послужить лишь различие ее использования при глагольном сказуемом или при предикативной основе, выраженной именем.

5. Итак, результаты анализа соотношения союза и и частицы и можно подытожить следующим образом.

Препозитивный союз и может присоединять как члены предложения, так и предложения к единицам соответствующего порядка. Если он присоединяет один член предложения к другому, то присоединение осуществляется на основе тождества соотносимых компонентов, выражаемого сказуемым. В случае же присоединения одного предложения к другому союз и занимает позицию перед присоединяемым предложением, однако его опережает слово, подчеркивающее идентичный момент /смысловую преемственность/ в соотносимых предложениях.

Когда слово и принимает участие в связывании предложений таким образом, что оно занимает позицию непосредственно перед сказуемым присоединяемого посредством относительного слова предложения, целесообразно причислять его к разряду полусоюзов-получастиц, поскольку слово и в подобных случаях /ср. /11/ и /12// не столько указывает на связь между предложениями /эту задачу берет на себя частица -то/, сколь-

ко привлекает последнее предложение в ткань предыдущего повествования. Одновременно слово и сигнализирует законченность отклонения от главного хода изложения, т.е. обозначает возвращение к предыдущей нити повествования. Поэтому основной функцией слова и как полусююза-получастицы следует признать текстобразующую функцию. С формальной точки зрения полусююз-получастица отличается от союза и тем, что для первого характерна позиция непосредственно перед сказуемым.

Как об этом уже говорилось, место перед сказуемым типично для частицы и. Это, с одной стороны, сближает ее с полусююзом-получастицей, но в то же время и помогает их разграничению. Дело в том, что позиция полусююза-получастицы и зафиксирована не только сказуемым, но и местом компонентов, раскрывающих непосредственную связь предложения с предшествующим предложением. Так, в примере /12/ позиция слова и установлена не только положением сказуемого "укрылись", но и обстоятельством "в ней-то". Изменение порядка следования компонентов как раз и превращает полусююз-получастицу в частицу с результативным значением: "В ней-то наши незадачливые охотники и укрылись".

Частица и, как модальные частицы вообще, употребляется для выражения отношения говорящего к высказываемому. Ее отличие от союза и проявляется на уровнях словопорядка, функции и семантики. Граница, отделяющая союз от частицы, сравнительно легко прослеживается при учете правил расположения слова и. Более трудным оказывается выяснение генетической связи между частицей и и ее этимологом.

На наш взгляд, общим в функционировании союза и и частицы и является выражение связи. Различие в их употреблении определяется характером выражаемой связи. Препозитивный союз и устанавливает связь между различными синтаксическими единицами /за исключением двух сказуемых/, а восходящая к нему частица и участвует в установлении смыс-

ловых связей типа умозаключения, соответствия, своевременности. Такое изменение в функционировании слова и обусловлено тем, что союз и связывает конкретно соотносимые единицы /т.е. члены предложения или предложения/ синтаксического построения, в то время как частица и соотносит единицы коммуникативного уровня.

ГЕЗА II И ИЗЯСЛАВ КИЕВСКИЙ

М. Фонт

Венгерский король, Геза II, правящий в период между 1141-1162 годами, женился на русской княгине — по всей вероятности, летом 1146 г. Русская княгиня, Евфросинья Мстиславна была дочерью Мстислава Великого, внучкой Владимира Мономаха¹. Во время бракосочетания братья Евфросиньи уже были правителями разных княжеских центров на Руси. Один из них, Изяслав Мстиславич был великим киевским князем в период между 1146-1154 гг., хотя с двумя небольшими перерывами, когда Юрий Долгорукий заставил его покинуть столицу. А начиная с 1151 г., он правил совместно со своим дядей, Вячеславом Владимировичем².

Брак Гезы II заложил основы династических и тем самым союзных отношений с Киевом, которые очень интенсивно проявляются в последующие годы. Впоследствии Геза II шесть раз поддерживал своего зятя в междоусобных войнах, а именно: весной 1148 г., под рождество 1149 г., осенью 1150 г., в начале весны и в июне 1151 г., последний раз в первой половине 1152 г. О событиях русско-венгерских походов очень подробно сообщают русские летописи, в первую очередь киевская³. Упоминания об этих походах встречаются и в работах византийских авторов: Киннама и Хониата; а также в хронике Генриха

¹ Полное собрание русских летописей. /в дальнейшем ПСРЛ/. т. II, М., 1962, стр. 384., К.Я. Грот. Из истории Угрии и славянства в XII в. /1141-1173/. /в дальнейшем Грот 1889/ Варшава, 1889. Emericus Szentpétery. Scriptores rerum Hungaricarum. / в дальнейшем SRH/ I. Bp., 1973, стр.460. Wertner Mór. Az Árpádok családi története. Nagybecskerekén 1892, стр. 311-315.

² Об Изяславе Мстиславиче см. О.М. Рапов. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977, стр. 145-146. П.П. Толочко. Нашадки Мономаха. Київ 1972 /в дальнейшем Толочко 1972/.

³ ПСРЛ. т. 1/2. М., 1963. т. II, т. XXV. М., 1965.

Мюгельна⁴. К сожалению, в Иллюстрированной хронике⁵ известны лишь два похода, которыми руководил сам король. Подробные сообщения русских летописей делают возможным проследить события шести походов Гезы II, и установить, какую роль играли венгерские войска в походах великого князя.

Весной 1148 г.⁶ Изяслав Мстиславич собрал войска против черниговских князей и по словам летописи "нз Оугоръ приведе полкъ в помощь съѣ". Ожидая нападения три дня стоял Изяслав под Черниговом, где скрывались Изяслав Ольгович, Владимир и Изяслав Давыдовичи. После этого Изяслав Мстиславич направился к Любечу, куда и Черниговцы последовали за ним. Предстоящей битве препятствовала погода: лед на Днепре тронулся. Многие из венгров пытались перейти реку, но утонули. Поскольку на этот раз вооруженных столкновений не было, венгерская помощь ограничивалась лишь присутствием войск.

Под 1149 г.⁷ в киевской летописи содержатся и слова Изяслава, с которыми он отправил своего посла к королю. Геза II ответил следующее: "ратенъ есмь цремъ, яже воудоу пороженъ, а самъ понау, а паны ли а полкы своя поущю". Но к Гезе II пришел и второй посол Изяслава со словами: "съ рожества Христова полъзѣте на кони". В ответ на это Геза II отправил десяти тысячное войско, и он сам стоял на другой стороне Карпат, чтобы предотвратить нападения галицкого князя. На этот раз Изяславу Мстиславичу оказали помощь велико-польский князь Мешко и чешский король Владислав II. Но собравшиеся полки

⁴ A. Meineke. Ioannis Cinnami Epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum. Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Bonnæ, 1835, стр. 101-103. J.A.V. Dieten. Nice-tae Choniatae Historia. Corpus fontium historiae Byzantinae XI/1. Series Berolinensis. Berolini et Novi Eborici. 1975, стр. 89-90; SRH II. Вр., 1938, стр. 197-203.

⁵ SRH I., стр. 217-505.

⁶ ПСРЛ II. стр. 360-362; о хронологических проблемах походов см. И.Г. Бережков. Хронология русского летописания. М., 1963, стр. 143-156.

⁷ Там же, стр. 384-385.

считали более целесообразным начать переговоры с Юрием Долгоруким и Вячеславом Владимировичем. Принимая условие Юрия Долгорукого, которое заключалось в том, что он готов договориться с Изяславом после ухода "чужих", они вернулись на родину.

Осенью 1150 г.⁸ из Владимира-Волынского Изяслав отправляет к Гезе II своего брата Владимира Мстиславича за помощью, чтобы предотвратить нападение со стороны галицкого Владимирко. Через небольшой промежуток времени венгры появились в Галиче под руководством самого короля. Венгры заняли городок Санок и разоряли окрестности Перемышля. Но галицкий князь Владимирко нашел сторонников среди венгерских феодалов, одни из которых были подкуплены его золотом. По всей вероятности, "аргументы" галицкого князя и нападение на Венгрию византийского императора привели к тому, что Геза II не используя победы, вернулся на родину⁹. Вместе с венгерскими войсками отправился в Венгрию Владимир Мстиславич /брат великого князя/, который готовился к женитьбе на дочери венгерского бана, Белуша, первосоветника венгерского короля. Владимир провел в Венгрии короткое время, но вскоре он опять оказывается при венгерском королевском дворе. Геза II был занят войной против Византии, поэтому он поручает Владимиру вести его полки к великому князю. Таким образом, ранней весной 1151 г., присоединившись к войскам Изяслава, венгры приняли участие в неожиданном захвате Киева. В летописи подробно описывается и пир и рыцарский турнир с участием венгров¹⁰.

Предположительно в начале июня этого же года Изяслав отправляет к королю старшего сына Мстислава Изяславича¹¹.

⁸ Там же, стр. 405-406.

⁹ Там же, стр. 407.

¹⁰ Там же, стр. 408-410, 413, 415-416, 420.

¹¹ Там же, стр. 420-421, 425, 434, 441-442.

Под его руководством новое венгерское войско перешло границу, но ночью Владимирко неожиданно напал на них. Мстиславу Изяславичу удалось бежать, но из венгров "многое множество" были убиты.

Последний раз в 1152 г. борется Геза II на Руси¹², также против Владимирко. Изяслав и Геза II на Сане под Перемышлем одержали полную победу. Владимирко, скрывшись в городе, через послов напомнил Гезе II о своих услугах, оказанных отцу Гезы /Беле II, в 1135 г./, и опять послал "подарки" феодалам. Ему опять удалось нарушить единство в венгерском лагере. Изяслав и его русские союзники хотели лишить Владимирко галицкого княжества, но Геза II и венгры довольствовались лишь приношением присяги Изяславу, т.е. признанием вассальной зависимости. Владимирко и на этот раз нарушил присягу. Геза II, уходя обещал Изяславу, что опять отправит помощь, если это будет необходимо - но это обещание не было реализовано.

Причины, вызвавшие тесный венгерско-русский союз, для двух правителей были разными. Изяслав Мстиславич, великий киевский князь продолжал непрерывную борьбу с княжескими группировками то за расширение и признание своей власти /напр., против Чернигова и Галича/; то за ее сохранение /напр., против Юрия Долгорукого/. В ходе междоусобных войн не только Изяслав, но и другие князья прибегали к помощи иностранцев, поэтому в это время присутствие на Руси чешских, польских, венгерских полков и полководцев было обычным явлением.

С точки зрения Венгрии объяснение не так просто: ведь длительные войны за границей в то время, когда Венгрии угрожала Византия, нельзя считать лишь проявлением династических отношений. Встает вопрос: не отправил ли Геза II свои войска

¹² Там же, стр. 446-454.

с целью захвата русских территорий? Но события противоречат этому предположению, как уже было показано и советскими историками /Пашуто, Шушарин/¹³. Как оцениваются в венгерской исторической литературе походы Гезы II на русской земле?

Цитируем некоторые предположения. Напр., Дьюла Паулер считает русские войны Гезы II "политикой семейных чувств"¹⁴, по мнению Йожефа Дера "эти войны носят династический, фамильный характер"¹⁵, а по Балинту Хоману, "войны подняли авторитет венгерского короля, не имели значения с точки зрения реальной политики"¹⁶. В вышедших в 60-е годы работах¹⁷ историков-марксистов Эмма Ледерер и Эрик Мольнар оценивали русские войны Гезы II как захватнические. Мы согласны с мнением Ференца Макка в характеристике цитированных мнений: "реальной оценке русско-венгерских войн при Гезе II мешают в одном случае преувеличение значения династических связей, а во втором случае акцентирование захватнических целей"¹⁸. Найти истинные причины шести походов можно лишь при изучении вен-

¹³ В.Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. /в дальнейшем Пашуто 1968/, стр. 169-174. История Венгрии I.М., 1971 /цитируется часть, написанная В.П. Шушариным; в дальнейшем Шушарин 1971/, стр. 142. Об анализе конкретных событий см. Font M.: A XII. századi orosz-magyar kapcsolatok kérdéséhez. Bölcsészdoktori disszertáció. /рукопись/. Szeged, 1979.

¹⁴ Pauler Gy. A magyar nemzet története az Árpád-házi királyok alatt. I. Bp., 1899., стр. 349.

¹⁵ Deér József. A magyar törzsszövetség és a patrimoniális királyság külpolitikája. Kaposvár, 1928. /в дальнейшем Дер 1928./, стр. 125.

¹⁶ Hóman Bálint - Szekfű Gyula. Magyar történet. I. Bp., 1935. /цитируется часть, написанная Б. Хоманом; в дальнейшем Хоман 1935/.

¹⁷ Magyarország története. I. /egyetemi tankönyv/ Bp., 1961. /цитируется часть, написанная Э. Ледерер/. Magyarország története. I. /szerk. Molnár Erik, Pamlényi Ervin, Székely György/ Bp., 1967. /цитируется часть, написанная Э. Мольнаром/.

¹⁸ Makk Ferenc. Magyar-bizánci kapcsolatok a XII. században. Kandidátusi értekezés. /рукопись/ Szeged, 1978. /в дальнейшем Макк 1978/.

герской внешней политики в целом, учитывая и международные отношения в Изяславской политике. Такую работу проделали из советских историков В.Т. Пашуто и В.П. Шушарин¹⁹, а из венгерских историков Д. Кришто и Ф. Макк²⁰.

Второй крестовый поход 1147 г. наложил отпечаток на международные отношения всего континента. В то время сложилась первая система союзов в Европе, к которой присоединилось большинство государств²¹. Основой системы явился так называемый "союз двух империй", который был подтвержден в 1146 г. браком византийского императора Мануила с немецкой принцессой, Бертой Зульцбах. Во время крестового похода глава Священной империи, Конрад III побывал в Византии, и в 1148 г. в Фессалониках он договорился с Мануилом о совместных походах в Италию против сицилийских норманнов. Почти одновременно Рожер II сицилийский правитель встретил герцога Вельфа VI, который руководил внутренней оппозицией Конрада III. Рожер II и Вельф VI заключили союз против двух императоров. Византийского Мануила и немецкого Конрада поддерживала Венгрия, которая приложила все усилия для того, чтобы препятствовать расширению влияния норманнов на Адриатике. Французский король, Людовик VII стоял на стороне норманнов, поскольку он обвинял Византию в неудаче крестового похода.

¹⁹ Пашуто 1968, стр. 163-183. Шушарин 1971, стр. 142-144.

²⁰ Makk 1978; Kristó Gyula. Magyarország története 1116-1242 /рукопись/ Szeged, 1978. /в дальнейшем Кришто 1978/.

²¹ См. В.Г. Василевский. Из истории Византии в XII в. /союз двух империй 1148-1155/ В кн.: Труды, т. IV. Ленинград, 1930, стр. 43-44. Грот 1889, стр. 181. сноска 3. Дер 1928, стр. 123. Хоман 1935, стр. 373. Ostrogorsky G. Histoire de l'état byzantin. Paris, 1969. 2. стр. 405-406.

Римский папа и венгерский король тоже оказались в этом лагере, потому что планированное совместное выступление двух империй угрожало и их территориям. После того как в 1146 г. немецкие отряды неудачно пытались захватить западные районы Венгрии, Геза II установил политические связи с Вельфом VI и ежегодно посылал ему определенную сумму. Венеция и Венгрия были враждебно настроены по отношению друг к другу из-за господства над далматскими городами. Венгерско-византийские отношения тоже были напряженными из-за того, что в Византии нашел убежище Борис Кальманович, претендент на венгерский престол. Вышеупомянутые антагонизмы и дружеские отношения с Францией и Сербией определяли место Венгрии в системе союзов.

Принадлежность к противоположным лагерям проявляется и на Руси. Династические связи Изяслава с Венгрией и его анти-византийская направленность объясняют то, что он оказался в том же лагере, что и Венгрия. Его антивизантийская направленность ярко выражена событием 1147 г., когда он, нарушая право византийского патриарха на назначение киевских митрополитов, назначил киевским митрополитом своего вставленника, Климента /Клима/²². Противники Изяслава были и династически связаны с греками: напр., сестра галицкого Владимирко была замужем за Андроником, родственником самого императора; а Юрий Долгорукий второй раз женился на гречанке²³.

Геза II и киевский Изяслав не только династически были связаны друг с другом, но и своими политическими позициями. Их союз оказался взаимно выгодным - как подчеркивается в работах Пашуто и Шушарина²⁴. К близкому по смыслу выводу пришли и Д. Кришто и Ф. Макк, хотя с некоторыми из их выво-

²² Б.А. Рыбаков. Боярин-летописец XII в. История СССР 1959/5, стр. 70-72. Пашуто 1968, стр. 188-189. Толочко 1972, стр. 61-64.

²³ ПСРЛ II, стр. 521. Пашуто 1968, стр. 422.

²⁴ Пашуто 1968, стр. 169. Шушарин 1971, стр. 142.

дов мы не согласны. Напр., по мнению Д. Кришто, походы Гезы "не могли устойчиво укрепить Изяслава на великокняжеском престоле"²⁵. В работе Ф. Макка мы встречаемся с мнением о том, что "без поддержки Гезы II Изяслав не мог бы удержать Киев"²⁶. По нашему мнению, анализ событий не позволяет сделать таких категорических выводов. В 1148 г. Изяслав уже занимает великокняжеский престол, и хочет заставить черниговских князей признать его власть. Второй раз в 1149 г. он попросил помощи из Волыни против Юрия Долгорукого, но венгерские отряды включились лишь в переговоры. В это время целью Изяслава было сохранение за собой Волыни, а не вступление на киевский престол, которого он был лишен. Летом 1150 г. без венгерских полков он и занял и потерял Киев. Осенью 1150 г. Изяслав как волынский князь выступил против Галича и в этом ему помогали Венгры. Весной 1151 г. венгры принимают участие в занятии Киева, который на этот раз их враги сами покидают, напуганные при виде "множества воинов" Изяслава. Летом 1151 г. Владимирко уже по пути в Киев уничтожил отправленные с Мстиславом Изяславичем отряды, и Изяслав без них одержал полную победу над Юрием Долгоруким. В 1151 г. Изяслав - в результате соглашений между князьями - крепко держался в Киеве, и хотел расширить свою великокняжескую власть и на галицкую землю.

Можно установить, что венгерские отряды только два раза принимали участие в удачных военных действиях в 1150 и 1152 гг., когда войсками руководил сам король. Во всех остальных случаях присутствием венгров увеличивается военная мощь Изяслава. Наверно, венгерский союзник, который всегда был готов отправить помощь, намного увеличил чувство уверен-

²⁵ Кришто 1978, стр. 190.

²⁶ Макк 1978, стр. 83.

ности у Изяслава. Так как благодаря венграм удалось ему продемонстрировать - хотя и временно - военное превосходство. А со стороны Гезы II оказанная Изяславу поддержка подчеркивала антивизантийскую направленность венгерской политики.

Однако мы должны учитывать тот факт, что Геза II только на упомянутые 1148-1152 годы обязывался Изяславу. Несмотря на обещание²⁷, после 1152 г. он не отправлял войска на Русь. Через два года /1154/ Изяслав умер, но его брат еще обращался к Гезе II: в 1155 г. Владимир Мстиславич отправил в Венгрию мать, которая вернулась с значительными денежными средствами²⁸, а в 1156 г. Владимир сам приехал за помощью - но на этот раз Геза II не помог²⁹. В 1148-1152 гг. оказанная Изяславу помощь не означает и резкий разрыв с бывшим союзником Галичем³⁰, в интересах которого Геза II выступил в 1144 г.³¹ Начало антигалицкой политики совпадает с принятием открытой конфронтации с Византией, т.е. его можно приурочить к концу 1149 г. Однако порыв с бывшим союзником не был резким поворотом, ведь в 1150 и 1152 гг. после крупных побед Геза II не хотел лишить Владимира его земель. Под влиянием венгерской стороны и Изяслав довольствовался вассальной присягой Владимирко. Противоречивые позиции венгерских феодалов указывают на то, что венгерский господствующий класс был намерен лишь "проучить" бывшего союзника.

²⁷ ПСРЛ II, стр. 452.

²⁸ Там же, стр. 482-483.

²⁹ Там же, стр. 483-485.

³⁰ Font M. II. Géza orosz politikája 1141-1152. Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. Acta Historica. LXVII. Szeged, 1980, стр. 33-39.

³¹ ПСРЛ II, стр. 315.

К ПРАВОПИСНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ДРЕВНЕБОЛГАРСКИХ
ПАМЯТНИКОВ

Боряна Велчева

/София/

За небольшой период со времени прихода учеников Кирилла и Мефодия из Паннонии в конце IX века письменность в Болгарии получает широкое распространение. Создаются многочисленные книжные центры, учатся тысячи учеников, которые в свою очередь становятся учителями новых учеников, старательно пишут, переводят, переписывают и украшают книги. Языковая простота древнеболгарской книги позволяет охватить грамотностью широкие для той поры слои народа. Сама демократичность книжного языка создает условия для постоянного проникновения в него особенностей народных говоров не только как отклонений от принятых языково-правописных норм, но и как отражение системно связанных черт самих норм. Правописное разнообразие древнеболгарских рукописей и эпиграфических памятников невероятно велико - почти каждый хорошо подготовленный книжник, каждый центр или скрипторий искал пути усовершенствования правописания. Из периода, предшествовавшего XII веку, до нас дошли разнообразные по правописанию памятники и каждый из них более или менее непоследователен в выборе орфографических средств.

Различные виды древнеболгарского правописания во многих отношениях близки к этимологическому состоянию языковых норм и в разной мере отражают особенности произношения данного места и в данное время. Создается впечатление, что это разнообразие считалось естественным, и в этом одно из своеобразных проявлений средневекового филологического творчества. Даже древнеболгарский писатель Черноризец Храбр говорил об изменениях, о "доустроении" письменности как о некоем естественном и нужном деле.

Древнеболгарское правописание можно изучать как явление культурной жизни и как характеристику книжных центров, с одной стороны, а с другой - как отражение народного языка в книжно-языковой норме. Изучение правописания связано с разработкой правописной классификации древнеболгарских письменных памятников.

Между глаголическими и кирилловскими памятниками в отношении правописания наблюдается ряд параллелизмов. Общие правописные особенности находятся, например, в глаголическом Зографском евангелии и кирилловской Супрасльской рукописи, в глаголическом сборнике Клоца и кирилловской Саввиной книге и др. Существуют, однако, некоторые характерные черты, требующие отдельного рассмотрения правописания в обеих группах памятников.

Кирилловские рукописи до XII века по своему правописанию делятся в основном на четыре группы:

1. Одноеровое правописание /с ѣ/, с двумя юсами ѧ и Ѩ /Ѩ/, употреблением букв ѣ и ѣ, отсутствием букв для йотированных гласных. Такое правописание встречается, например, в Ундольских листках XI века, в Эннинском апостоле X века, в некоторых древнеболгарских эпиграфических памятниках. Следы этого правописания можно наблюдать во многих среднеболгарских рукописях.

2. Одноеровое правописание /с ѣ/, с двумя юсами /ѧ и Ѩ/, ѣ вместо ѣ, появлением буквы для йотированного ѣ - ѣ, отсутствием буквы ѣ, непоследовательностью в употреблении ѣ. Такое правописание встречается в некоторых надписях IX-X веков в северо-восточной Болгарии, в т. наз. Македонском кирилловском листке, в приписке с ранней кириллицей на л. 386 в Ассеманиевом евангелии и др. Иван Гыльбов связывает появление этого правописания с Преславом и "кругом книжников, находящихся в теснейшей связи с царем Симеоном". Он также считает, что на основе такой правописной школы возникает старый сербский книж-

ный язык¹. Такое правописание или следы его встречаются и в древнерусских списках.

3. Двуровные кириллические рукописи и надписи с четырьмя юсами, употреблением буквы Ѧ. В характерных памятниках с этим правописанием /например, в Супрасльской рукописи/ нет буквы Ѣ, а вместо Ѣ употребляется шт. Это правописание стало известно в славистике рано благодаря хорошо известным данным Остромирова евангелия и обыкновенно считается "классическим кирилловским правописанием". Мы находим его в Супрасльской рукописи, в Саввиной книге, в Зографских и Хиландарских листках, во многих эпиграфических памятниках, во многих наиболее ранних русских списках с древнеболгарских оригиналов.

В этом правописании наблюдаются некоторые разновидности, а также переходы между типами. Важнейшими являются различия в употреблении Ѣ и буквы для заднеязычного носового гласного после этимологических сочетаний типа сонорный + ј и губной + ј, например, волѣ и волѦа, зѣмѣ и зѣмѦа /зѣмѣ и зѣмѦа/, волѣж и волѦ, зѣмѣж и зѣмѦж /зѣмѣж и зѣмѦж/. В этом разнообразии порядок устанавливается правописной реформой, носящей следы как кирилловской, так и глаголической древнеболгарской практики. Новое правописание, возникшее, по всей вероятности, в XI веке, известно как "среднеболгарское смешение /колебание в употреблении/ юсов".

4. Правописание со "смешанными юсами" характерно для болгарских рукописей XII, XIII и XIV веков. Еще в XII веке в него проникает несколько разновидностей. Общими для ранних рукописей со "смешанными юсами" являются одноеровое правописание с Ѧ, отсутствие буквы для йотированных юсов, наличие буквы Ѣ, употребление Ѧ после ш, ж и колебание между Ѧ и Ѧ после у и в

¹ Ив. Гълъбов. Старобългарски език с извод в славянското езикознание. София, 1980, стр. 32.

интервокальном положении /после гласного или в начале слова/, употребление ѣ и ѧ вместо Ѣа и Ѣѧ после букв для мягких сонорных и губных согласных, например, волѣ им.п., вола вин.п., земѣ /земѣ/, люба /люба/ 1 л. ед.ч. наст.вр. и пр. Как мы уже отмечали, в древнеболгарском языке в этом отношении наблюдается большое разнообразие. Например, в Супрасльской рукописи обнаруживаются формы волѣ и волѢа, волѢѧ и волѢ. Правописание со "смешением юсов", считающееся среднеболгарским, но, по всей вероятности, возникшее еще в древнеболгарском, приняло старые написания, которые характерны и для глаголических памятников: волѣ, воуѣ, земѣ и т.п. Написания типа вола, воуѣа /с ѧ/ соответствуют глаголическим написаниям с ѧ, старый глаголический йотированный юс произносился, как можно предполагать, как передний звук, близкий к назальному ѣ и переднему назальному гласному в некоторых болгарских говорах. Все это показывает, что "смешение юсов" представляет собой фактически позднюю нормализацию древнеболгарской правописной практики.

Употребление ѧ вместо ѧ и ѧ после шипящих согласных, например, жѧѧа, жѧѧѧа и т.п. отражает, в свою очередь, живую черту некоторых болгарских говоров XI, XII веков. Такое "смешение юсов" известно и сегодня в ряде болгарских диалектов, ср., например, формы жѧѧа, жѧѧѧ, жѧѧѧѧ в восточноболгарских диалектах балканского типа или формы жѧѧѧа, жѧѧѧѧ, жѧѧѧѧѧѧ в некоторых западных говорах.

Самыми ранними рукописями со "смешанными юсами" являются Охридский и Слѣпченский апостол XII века, Гоитолская триодь XII века, паремейник Григоровича XII века, Болонская псалтырь начала XIII века и др.

Из глаголических памятников, созданных до XII века, выделяются три основные группы согласно их правописанию:

1. Двуровное глаголическое правописание с употреблением букв для ѣ и [дз], употреблением "и десятиричного" после согласных, наличием трех букв для назальных гласных - ѧ, ѧ и ѧ

48. Буква ѐ означает назальный консонант. Это правописание восстанавливается по данным Синайской псалтыри, Киевских листков /без буквы для џ/ и Охридских листков. Различные его следы наблюдаются в остальных глаголических памятниках. Рукописи с таким правописанием характеризуются также "висящим" письмом и немного закругленной разрисовкой букв. По всей вероятности, этот тип глаголицы является наиболее ранним.

2. Двуеровое глаголическое правописание с отсутствием букв для џ и [дз], употреблением ѐ для нейотированного назального гласного переднего ряда. Новая буква для назального гласного создает противопоставление букв для назальных йотированных и нейотированных гласных. Это правописание восстанавливается по данным Зографского, Маринского и Ассеманиева евангелий, по сборнику Клоца, Синайскому требнику, Рильским глаголическим листкам и имеет параллелизмы с "классическим" кирилловским правописанием. В глаголических памятниках этого круга наблюдаются две разновидности при передаче назального гласного заднего ряда после букв для этимологически мягких сонорных и губных согласных, ср. примеры волѣ /вин.п. ед.ч./ в Синайском требнике, Ассеманиевом евангелии, Рильских листках, волѣ в сборнике Клоца, волѣ и волѣ в Зографском евангелии.

В употреблении некоторых букв, на отдельных страницах этих рукописей наблюдаются следы старого глаголического правописания.

Большее число глаголических памятников этого круга характеризуется "стоящим" письмом и закругленной разрисовкой букв. Некоторые параллелизмы с глаголицей эпиграфических памятников Северо-восточной Болгарии и Северного Добруджа дают основания предположить, что этот тип глаголицы возник в северо-восточном болгарском книжном центре, возможно, в Преславе, в конце IX века.

3. Одноеровая глаголица. Употребление одного ера / ѣ /² характерно для поздних болгарских глаголических рукописей конца XI-начала XIII века. Кроме одноерового правописания поздние глаголические памятники характеризуются смещением букв для йотированных и нейотированных юсов, например, употреблением буквы в начале слова и после гласного; употреблением буквы для щ, угловатым и некрасивым письмом в части памятников и т.д.

Памятники с поздней глаголицей представляют собой отдельные фрагменты, сохранившиеся ряды и страницы в палимпсестах, приписки и т.п. Такими памятниками являются, например, глаголический текст в Боянском палимпсесте, глаголический текст в Ленинградском палимпсесте, добавленная страница в Киевских листках, глаголица в Охридском апостоле XII века, поздняя глаголица в Зографском евангелии, поздняя глаголица в тексте и приписках Ассеманиева евангелия и др. Несмотря на то, что поздняя глаголица сохранилась лишь в коротких памятниках и фрагментах, она является важным, но пока недостаточно исследованным и оцененным явлением болгарской письменности. Появление позднего глаголического правописания свидетельствует о более продолжительной, чем предполагалось до сих пор, глаголической традиции в болгарских книжных центрах.

В развитии древнеболгарской письменности наблюдаются интересные глаголическо-кирилловские взаимодействия в правописании. Глаголическое влияние на развитие кирилловских систем правописания особенно явно в "классическом" кирилловском правописании и в правописании со "смешанными" юсами. С другой стороны, наблюдается бесспорное кирилловское влияние на глаголицу в изменениях правописания глаголических памятников с XI до начала XIII века.

² Одноеровое глаголическое правописание с ѣ встречается в позднем почерке лл. 29-30 в Ассеманиевом евангелии.

НЕКОТОРЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
РЕФОРМИРОВАННОГО БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV - НАЧАЛА XV ВЕКА

И. Харалампиев

Вторая половина XIV века в Болгарии характеризуется значительным культурным событием - реформой богослужбной литературы. Эта реформа, связанная с именем последнего средневекового болгарского патриарха Евфимия, была многоаспектной, и в настоящее время оценивается как широкое общекультурное преобразование, значение которого, однако, далеко выходит за пределы болгарского государства. Среди ученых разных стран наблюдается значительный интерес к вопросам, связанным с различными сторонами реформы. В Болгарии в 1971, 1976 и 1980 гг. были проведены три международных симпозиума, посвященных Търновской литературной школе¹. Подготавливается двадцатитомное издание произведений, связанных с Търновской литературной школой.

Одним из основных аспектов реформы является правописно-языковой. Долгое время внимание уделялось прежде всего реформе правописания, а вопросы языковой реформы стали изучаться активнее лишь после Первого симпозиума 1971 года и особенно после работы Д. Ивановой-Мирчевой "Евтимий Търновски, писателя-творец на литературния български език от късното средновековие"².

Вне внимания ученых до сих пор остаются фонетические черты реформированного литературного языка, и это мешает полной характеристике и объективной оценке языковой политики търновских книжников. Причины этого известны: убеждение, что

¹ Материалы первых двух симпозиумов напечатаны в следующих сборниках: Търновска книжовна школа, т. I, С., 1974; Търновска книжовна школа 2. Ученици и последователи на Евтимий Търновски, С., 1980.

² В сб. Търновска книжовна школа, т. I, стр. 197-210.

Евфимий искусственно архаизировал и усложнил правописание, неизбежно предполагает, что невозможно вникнуть в искусственные правила и сказать что-либо определенное о фонетических особенностях реформы. С другой стороны, этому мешает и многолетняя традиция, изучающая в средневековой болгарской письменности только такие орфографические отклонения, которые дают сведения о живых фонетических процессах, характеризовавших развитие живого разговорного языка³, хотя некоторые из старых, крайних точек зрения уже давно изжиты⁴. Однако, не следует забывать, что в данном случае мы имеем дело с литературным языком, а это значит, что и задачи языковедческого исследования более многогранны. Кроме того, книжный болгарский язык второй половины XIV - начала XV века возвысился до уровня классического славянского литературного языка, "единственно достойного, по господствующей тенденции той эпохи, быть выразителем высшей мудрости и красоты"⁵. Несомненно главной отрицательной чертой реформированного литера-

³ Исключение составляет исследование фонетических особенностей "Похвального слова Евфимия" от Григория Цамблака, опубликованное А. Давидовым. См. Преписи и издания на "Похвално слово за Евтимий" от Григорий Цамблак. В кн.: П. Русев. Ив. Гълъбов, А. Давидов, Г. Данчев. Похвално слово за Евтимий от Григорий Цамблак. С., 1971, стр. 93-101.

⁴ Сравни, например, следующую цитату у К. Мирчева: "Реформаторы типа патриарха Евфимия, которые стараются навести порядок в среднеболгарском письме, блуждают в безысходности в результате своего преклонения перед заветными старинной буквами и противоречия, в котором последние находятся с живым языком. /.../ О процессах, которые возникали в развитии языка, о свойствах старого языка, ради которого была приспособлена кириллица в X веке, они имели крайне смутное представление /Историческа граматика на българския език, изд. III, С., 1978, стр. 36-37/.

⁵ Д. Иванова-Мирчева. Проблеми на книжовния български език до възраждането. Български език, 1972, кн. 6, стр. 511.

турного языка явилось уклонение от живой разговорной речи, но и эту черту не следует абсолютизировать. Неоднократно отмечалось, что несмотря на все свои старания тырновские реформаторы не могли полностью противостоять изменениям, которые происходили в разговорной речи, а кое в чем вынуждены были пойти на компромисс⁶. Как известно, например, все произведения Евфимия Тырновского были предназначены для произнесения перед слушателями. Как справедливо отмечает Д. Иванова-Мирчева, "последний тырновский патриарх был прославленным и любимым народным пастырем. Он не мог работать над своим языком сознательно с целью, чтобы сделать его непонятным"⁷.

Из всего сказанного следует, что язык реформированной письменности и в отношении фонетики должен отражать в известной степени некоторые наиболее важные фонетические чер-

⁶ См., например, следующие работы: Д. Иванова-Мирчева. Евтимий Тырновски, писател-творец на литературния български език от късното средновековие, сб. Тырновска книжовна школа, т. I, С., 1974, стр. 197-210; Й. Русек. Промени в лексиката на българския език и отношението на патриарх Евтимий към тях, сб. Тырновска книжовна школа, т. I, стр. 179-196; Ив. Гълъбов. Цамблаковото слово за Евтимий и българският книжовен език в края на XIV век. В кн.: П. Русев, Ив. Гълъбов, А. Давидов, Г. Данчев. Похвално слово за Евтимий от Григорий Цамблак, С., 1971, стр. 78, 89; П. Русев. Реформата на Евтимий Тырновски /Характер, особености, разпространение/, сб. Тырновска книжовна школа, т. II, С., 1980, стр. 51; Ив. Харалампиев. Степенуване на наречията в езика на Евтимий Тырновски. Български език, 1977, кн. 6, стр. 461-465; Ив. Харалампиев. За основните принципи на езиково-правописната реформа на патриарх Евтимий Тырновски. Български език, 1979, кн. 1, стр. 22-30; Ив. Харалампиев. Евтимий Тырновски и членните форми в среднобългарските писмене паметници, сб. Тырновска книжовна школа, т. II, стр. 398-404.

⁷ Д. Иванова-Мирчева. Евтимий Тырновски, писател-творец..., стр. 209.

ты разговорного болгарского языка второй половины XIV в., несмотря на наличие в нем сложных и, как утверждают, часто искусственных орфографических правил. В данной статье делается попытка подкрепить сказанное примерами из языка двух наиболее видных представителей тырновской литературной школы - Евфимия Тырновского и Григория Цамблака⁸.

Недавно была сделана удачная попытка систематизации основных орфографических правил, введенных Евфимиевой реформой⁹. Создается впечатление, что правила эти различны по своему характеру. В одних случаях это правила чисто орфографического характера, не связанные с различием произношения /например, использование нескольких букв для обозначения и и о/, а в других - /например, правила употребления носовых и редуцированных и т.д./ эта связь очевидна. Именно орфографические правила второго типа могут быть успешно использованы для решения фонетических вопросов. Существует, разумеется, ряд трудностей. Как увидим в дальнейшем, невозможно, например, точно установить, как именно читались буквы, обозначавшие два носовых /ѣ и ѧ/ и гласный ѣ [ѣ], хотя в принципе и ясно, что орфографические правила, связанные с ними, соответствовали произношению. И все-таки в таких случаях можно считать, что правописание соответствовало живым фонетическим чертам, а это уже обязывает нас быть более внимательны-

⁸ Использован материал из Евфимиевских житий и похвальных слов, которые издал Е. Kaluzniacki. Werke des patriarchen von Bulgarien Euthymius /1375-1397/, Wien, 1901, p. 5-102. Привлечен и материал из двух Цамблаковых произведений: "Похвално слово за Евтимий" /П. Русев, Ив. Гълъбов, А. Давидов, Г. Данчев. Похвално слово за Евтимий от Григорий Цамблак, С., 1971, стр. 112-232/ и "Мъчение на Йоан Нови" /П. Русев, А. Давидов. Григорий Цамблак в Румъния и в старата румънска литература, С., 1966, стр. 99-122/.

⁹ В. Василев. Правописната реформа на Евтимий и отражението и в произведения на негови следовници и на българските дамаскинали, сб. Тырновска книжовна школа, т. II, стр. 405-418 /избранную литературу по вопросам Евфимиевой орфографической реформы см. на стр. 409/.

ми в своих крайних оценках характера реформы.

1. Как пишет В. Василев, "вопрос о произношении а и ѧ в эпоху Патриарха Евфимия остается открытым, хотя все данные подтверждают, что эти буквы не обозначали уже носовых гласных"¹⁰. Вопрос в самом деле открыт, поскольку все еще никому не удалось доказать, как точно читались буквы а и ѧ в письменных памятниках среднеболгарской эпохи /XII-XIV вв./. Часть орфографических правил, связанная с написанием носовых, по мнению В. Василева, была искусственна¹¹, но это утверждение не соответствует очевидному обстоятельству, что буквы, обозначающие носовые гласные, должны были как-либо читаться, а это уже означает, что правописание всюду соответствовало чтению. Напомним, что сказанное относится к написанию а в начале слова, ѧ после л', н', р' и написанию -ѧѧ, -ѧѧ или -ѧѧ в различных падежных формах. Важно, что сочетание -ѧѧ в вин. падеже ед.ч. имен с основой на -а встречается и в других памятниках XIV века, например, в "Троянской повести".

Факт, что реформа допускала взаимную замену носовых. Эта замена не является хаотичной, она подчиняется определенным правилам, которые достаточно точно сохранились в различных списках произведений Евфимия и Цамблака. Исследователи до сих пор не обратили внимания на один интересный факт. Несмотря на то, что в принципе списки сербской редакции заменяют а буквами оу, а ѧ буквой ѣ, это не механическая замена, она происходит в соответствии с этимологическими местами двух носовых гласных. Сербские переписчики избегали замены носовых в болгарском тексте, где замена носовых ни в коем случае не является только орфографическим моментом, она соответствовала определенному чтению болгарских книжников. Составим два отрывка, которые передают один и тот же текст из Евфимиева "Похвална слова Константину и Елене". Один из них - в болгарской редакции /из сборника Якова из Путны

¹⁰ В. Василев. Указ. статья, стр. 412.

¹¹ Там же, стр. 413.

/1474 г./, по изданию Г. Михаила¹²/, а другой текст - в сербской редакции /из Рильского сборника Владислава Грамматика от 1479, по изданию Е. Калужняцки¹³/.

Съраженію же овшнѣмъ вѣшнѣ
вранемъ, стра/х/ и трепеть
нападе на мѣунтелѣ и на сѣ-
ща сѣ нмѣ вѣа и вѣгоу сѣ
аь сѣ малѣмъ нѣкнмъ. Ве-
ликии же въ цре/х/ и вѣ/с/-
твѣншѣи Кшнстантѣнъ въ
слѣ/д/ его погнавъ, он же
вѣжѣ, въ своѣмъ вѣпаде сѣтъ,
аже въ стѣхъ Кшнстантѣноу
положилъ вѣше.

Съраженію же обонмъ вѣвшоу
вранемъ, страхъ и трепеть на-
паде на моуунтелѣа и на соушее
сѣ нмѣ во/е и вѣгоу сѣ /еь сѣ
малѣмъ нѣкнмъ, Великии же въ
царе/х/ и бож/ь/ствѣншѣи Кшн-
стантъ нѣ въ слѣдъ его пог-
навъ, онъ же вѣже, въ свою
вѣпаде сѣтъ, юже въ светыхъ
Кшнстантѣнѣ положилъ вѣше.

/Г. Михаила, стр. 289/

/И. Калужняцки, стр. 110/

Из приведенного сопоставления видно, что в отрывке сербской редакции оу и е последовательно пишутся в тех местах, где в староболгарском следовало бы ожидать ѣ и а, независимо от того, что в болгарском первоисточнике носовые писались в других местах. Бесспорно, следовательно, что правила написания носовых, введенные реформой, отвечали способу чтения, вероятно, соответственно с особенностями северо-восточного болгарского произношения того времени. Могут быть предложены различные толкования, но они будут опять-таки только вероятными, так как не известно ни одного примера, в котором ѣ и а были бы заменены буквами других гласных. В этом случае важно то, что правописание не противоречило произношению, а напротив - оно было с ним в максимальном соответствии. Кроме сильной традиции, фактором продолжительного сохранения в правописании букв ѣ и а выступало их неодинаковое звучание в

¹² G. Mihăilă. Cultură și literatură română veche în context european, București, 1979.

¹³ E. Kalužniacki. Указ. соч., стр. 103-146.

различных болгарских диалектах в XIV веке, а с другой стороны - неодинаковое звучание гласных в ударном и безударном положении даже в одном и том же диалекте.

2. Редуцированные гласные. Произведения Евфимия Тырновского и Григория Цамблака дают больше сведений и притом более достоверные сведения относительно редуцированных гласных и их обозначения в текстах. В. Василев с полным основанием видит в орфографических правилах известную уступку разговорной речи¹⁴. На первом месте следует отметить, что тырновские книжники знали только один редуцированный гласный звук, соответствующий современному болгарскому гласному ъ. Это явствует из четко выраженного стремления писать ъ только там, где гласный произносился, например, бъръжъ, аа мъртасть, тън'но-уастьнъ, прилѣпшъ, тъзоньнитонъ, тъмъжъ, стъкла, тъмъ и др. После у и и в корне лъст - последовательно писался редуцированный ъ. В остальных случаях ь не имеет фонетической ценности. Также не представляют фонетической ценности редуцированные в конце слов. Они обозначают только конец самостоятельных слов, и пропускаются в проклитиках, или же когда после слова следует энклитика: оудалѣхъ сѧ, шт радости, тъмъ же и др.

В староболгарских сочетаниях оъ/оь, лъ/ль пишется только ъ, что дает основание предполагать, что в этих местах звучал гласный ъ. Производит впечатление то обстоятельство, что в то время имело место широкое распространение падения слабых редуцированных. Речь идет о тех слабых редуцированных /за исключением конца слов/, которые в принципе могли утратиться. В болгарском языке этот процесс очень древний. Он берет свое начало еще от середины староболгарского периода /IX-XI вв./¹⁵. Вот несколько примеров: крѣтуѣиши, празд-

¹⁴ В. Василев. Указ. статья, стр. 408.

¹⁵ Ср. К. Мирчев. Историческа граматика на българския език, стр. 123.

ник, срѣтшоу, изнемогше, вѣрних, неоученнѣ, злостраданію и др. Есть случаи, когда слабые редуцированные пишутся. На первом месте следует отметить последовательное написание ера в приставке вѣ- и в формах местоимений вѣсь, вѣстнѣ, вѣсѣвѣсьнѣ. То же самое наблюдается относительно редуцированного ерового гласного в приставке сѣ- /из этого правила имеются отдельные исключения/. Сохранение слабого ера вне указанных выше условий носит характер исключения, оно наблюдается непоследовательно и в немногочисленных примерах.

Сильные редуцированные последовательно сохраняются и, следовательно, произносятся. Характерно, что весьма редко встречается прояснение ѣо, и то только в формах с традиционно проясненным ером типа црьновѣ и любовѣ. Прояснение ѣо является последовательным только в суффиксах -нѣ и -ѣѣ: срѣдѣѣ, конѣѣ, благоутробѣѣ, единоравѣѣ, старѣѣ, ноу - пѣѣ и др. Из сказанного можно сделать вывод, что в отношении написания редуцированных реформированный литературный язык второй половины XIV и начала XV века в большой степени отражал состояние разговорной речи Тырновской Болгарии, т.е. правописание и здесь не затрудняло чтения.

3. Гласный ѣ [ѣ]. Буква ѣ пишется последовательно, этимологически правильно и никогда не заменяется буквой ѧ или Ѧ. Это в значительной степени препятствует точному определению его звучания в языке Евфимия Тырновского и Григория Цамблака. Однако существовала одна важная орфографическая особенность, на которую при исследовании материала из произведений Цамблака обратил внимание А. Давидов¹⁶, а несколько лет тому назад мы отметили ее как характерную и для Евфимиевского правописания¹⁷. Речь идет о последовательном написа-

¹⁶ См. А. Давидов. Правопис на най-стария препис на "Мъчение на Йоан Нови". В кн.: П. Русев, А. Давидов. Григорий Цамблак в Румъния..., стр. 135; А. Давидов. Преписи и издания на "Похвално слово за Евтимий" от Григорий Цамблак. В кн.: П. Русев и др., Похвално слово за Евтимий от Григорий Цамблак, стр. 99.

¹⁷ Ив. Харалампиев. За основните принципи..., стр. 25.

нии ѣ на месте Іа после л', н' и р', например: земѣ /им.п. ед.ч./, царѣ, конѣ, сѣжителиѣ, сѣзидателиѣ, иужителиѣ /род.п. ед.ч./, обнавляѣтъ сѧ, проставляѣщаго, оумръплѣшии, изумѣнѣ-аша сѧ, сѣравнѣвати, прѣкланѣти и др. Указанная орфографическая особенность дает основание предполагать, что в языке тырновских книжников-реформаторов гласный ѣ уже не имел специфичного звучания, а произносился то как е, то как 'а, в зависимости от своей позиции в слове. Написание ѣ вместо Іа встречается очень часто в среднеболгарских письменных памятниках, и этот факт объясняется переходом Іа в широкое е¹⁸. Как бы то ни было, мы имеем дело с орфографическим компромиссом, который несомненно опирался на живые произносительные особенности.

4. Ассимиляционные изменения согласных. Вопрос об ассимиляционных изменениях согласных в языке тырновских книжников является весьма интересным, так как в этих изменениях отражается, с одной стороны, "сопротивление" правописания, а с другой - естественная свобода в произношении, т.е. и здесь орфографические правила не противоречат чтению.

Известно, что ассимиляционные изменения согласных являются следствием ранней утраты редуцированных гласных в слабой позиции. Выше мы отметили, что тырновская орфографическая реформа избегала обозначения слабых редуцированных внутри слова, что является, несомненно, отступлением в пользу живой речи. Следовательно, с уверенностью можно утверждать, что в таких словах, как прѣтѣча, штгнаша, пришеаше, оустрѣмивше са, сладнаа, роуководствоуѣа, прѣставши и др. подчеркнутые согласные должны были произноситься как соответствующие им звонкие или глухие согласные, независимо от последовательного правильного их написания.

Единственной орфографически нормированной является регрессивная ассимиляция $\{s\}$, и причем только тогда, когда со-

¹⁸ См. К. Мирчев. Историческа граматика..., стр. 121.

гласный находится в приставках бѣз-, вѣз-, нѣз-, и раз-.
Указанное ассимиляционное изменение обыкновенно отражается только в тех случаях, когда согласный звук, следующий за з приставки, является глухим шумным /без с и у/, например: въспитаніѣ, расточуи, нѣтшунци, испѣзнааа, исповѣдаашѣ, расхыщаашѣ, распыхаахъ са, въстроже, въскытити, исцѣленіа, бесконечныа и др.

Известная непоследовательность наблюдается в случае приставки бѣз-, которая может встречаться и без изменения согласного з перед согласным к: бѣзиршвынь, бѣзиваснаа, бѣзочечныа. В принципе в приставке бѣз- з может вести себя по-разному, особенно тогда, когда, как мы увидим в дальнейшем, следующий согласный - с или з.

В тех случаях, когда после з в приставках вѣз- и нѣз- стоит звонкий шумный согласный, с или у, з не изменяется: възавиже, възсплаашѣ са, невѣзвранно, нѣзглаголавъ, нѣвѣст-воваашѣ и др.

Больше свободы допускается в связи с приставками бѣз- и раз-. В них в определенной части случаев з постигает та же судьба, что и в приставках вѣз- и нѣз- в описанных выше условиях: вѣзунно, вѣзсточанѣ, вѣзсточанѣ, вѣзсэннш, раз-гласіѣ и др. Однако в отличие от положения в приставках вѣз- и нѣз-, в приставках бѣз- и раз- согласный з часто может пропускаться, когда после него стоит з или с, например: вѣсиръ/зъ/тѣ, вѣстрашѣшь, вѣзаншнѣн', вѣстрастѣ, расмотривъ, раскантельнѣ, расажденіѣ, раславленого, раста и др. Примеров этого типа весьма много, больше, чем тех, в которых согласный з не выпадает, так что невозможно считать их случайными ошибками.

з в приставках вѣз- и нѣз- никогда не выпадает при описанных выше условиях. Это вряд ли случайно. Можно предположить, что тут правописание, хотя и давало свободу произношению, но вмешивалось в те случаи, когда существовала опасность смешения приставок вѣз- и вѣ- и приставки нѣз- и союза

и. Такой опасности не существовало в случае приставок взз- и разз- и по этой причине в них наблюдается большая свобода в сохранении или выпадении з. Разумеется, это только одно из возможных объяснений, но оно необходимо, поскольку, как уже было показано, в описанном процессе не было исключений.

Прогрессивная ассимиляция весьма редкое явление, и она за немногим исключением не обозначается в исследуемом нами материале. Обыкновенно пишутся только заравъ, заравіе, зае вместо сзаравъ, сзаравіе, сзае.

5. Нет необходимости останавливаться на других фонетических вопросах, которые не дают сведений о чем-либо новом, об определенном отношении реформаторов к традициям или к вновь развившимся чертам. Повторяем, что для нас в данном случае не важны те орфографические особенности, которые не связаны непосредственно с чтением, которые не имели непосредственной связи с живым произношением. Показательно, что правописание и в этих случаях не противоречило чтению, несмотря на все его многообразие и искусственность в некоторых отношениях. В качестве примера можно привести регулярное написание и на месте начального и после приставок разз-, взз- и об-. Поскольку можно утверждать, что в произведениях Евфимия Тырновского и Григория Цамблака и только знак, который фонетически соответствует гласному и, то и здесь правописание не противоречило произношению, независимо от сохранения одного весьма старого орфографического правила, возникшего первоначально как отражение фонетического изменения в староболгарском языке.

х х х

Из всего сказанного выше следует, что в фонетическом отношении реформированный болгарский литературный язык второй половины XIV в. и начала XV века не стоит так далеко от разговорной болгарской речи того времени, как обыкновенно счи-

тают. Разумеется, мы должны учитывать то обстоятельство, что этот литературный язык имел свои специфичные функции, свою определенную аудиторию слушателей и читателей, следовательно, невозможно, да и не нужно искать в нем значительного отражения живых фонетических черт, которые с трудом проникали даже в демократические в языковом отношении средневековые памятники. Необходимость в строгом орфографическом единстве вызвала введение новых или узаконение старых, достаточно сложных орфографических правил, но, видимо, эти правила не затрудняли чтение, а, напротив, часто были с ним в соответствии, т.е. в отдельных случаях они шли на компромисс, на уступки в пользу разговорной речи. Следует отметить, что было бы очень легко ввести написание букв ж, а, ѣ, ѡ, и ѣ лишь в этимологически оправданных местах, если нововведения Евфимия сводились бы в самом деле к возвращению старых орфографических норм, характерных для староболгарского литературного языка IX-XI веков, т.е. к крайней архаизации правописания. Однако, как было показано, состояние языка в произведениях двух крупнейших представителей Тырновской литературной школы - Евфимия Тырновского и Григория Цамблака - во многом различно. Все сказанное о фонетических чертах реформированного литературного языка и об их отражении в правописании с полным правом можно отнести и к остальным языковым уровням - морфологическому, синтаксическому и лексическому.

ИКОНичНОСТЬ В ИСТОРИИ РУССКОГО СКЛОНЕНИЯ

Г. Балаж

Подавляющее большинство лингвистов нашего времени не сомневается в том, что язык является чрезвычайно сложной знаковой системой. Учение о знаковой природе человеческого языка, восходит, пожалуй, к весьма давним эпохам, ведь такие понятия, как "обозначающее" и "обозначаемое", встречаются уже в работах стоиков. Что же касается ученых девятнадцатого и двадцатого веков, здесь следует отметить прежде всего два имени.

Понимание языка как системы знаков в Европе неразрывно связано с основополагающей работой Ф. де Соссюра "Курс общей лингвистики": "Языковой знак связывает ... понятие и акустический образ... Языковой знак есть, таким образом, двусторонняя психическая сущность..."¹. Благодаря деятельности выдающегося женеvского лингвиста вскоре осознается необходимость рассмотрения языка как одной из возможных знаковых систем. Итак, в изучение языка включается новый аспект - семиотический. "Семиотика - это наука об общих свойствах знаков и знаковых систем. Но так как наиболее мощной и "выраженной" знаковой системой является естественный язык людей, то семиотика опирается на многие идеи и решения, полученные лингвистикой. Лингвистика входит в семиотику, а семиотика - в лингвистику. Какой-то круг лингвистических и семиотических задач переплетается."²

На американском континенте основоположником семиоти-

¹ Ф. Соссюр. Курс общей лингвистики. Труды по языкознанию. М., 1977, стр. 99.

² Ф.М. Березин, Б.Н. Головин. Общее языкознание. М., 1979, стр. 43.

ки - в ее современной трактовке - является видный мыслитель, современник Соссюра, Ч.С. Пирс /1839-1914/. По мнению Р. Якобсона, семиотические наблюдения Пирса отличаются эпохальной значительностью, однако тот факт, что его работы до 1930-х годов остались неопубликованными, долгое время препятствовал его международному признанию³.

Как Соссюр, так и Пирс резко отграничивают друг от друга две стороны знака - обозначающее и обозначаемое /signans; signifiant - signatum; signifié/. Однако толкование связи между двумя сторонами языка учеными осуществляется по-разному. Соссюр понимает эту связь следующим образом: "Связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна; поскольку под знаком мы понимаем целое, возникающее в результате ассоциации некоторого означающего с некоторым означаемым, то эту же мысль мы можем выразить проще: я з ы к о в о й з н а к п р о и з в о л е н."⁴

Пирс разделяет знаки на три основных класса, в зависимости от характера связи между обозначающим и обозначаемым⁵. Согласно такой классификации, знак может быть иконой, индексом или символом. Икона является таким знаком, который намекает на обозначаемый им предмет исключительно характерными для предмета свойствами. Таким образом, икона обязательно "похожа" на обозначаемое /например, рисунок данного предмета/. Индекс, в свою очередь, предполагает фактическую связь с обозначаемым предметом и, следовательно, без него не может существовать /напр., дым - огонь/. Символ, наконец, основывается на какой-либо условной, установленной связи между обозначающим и обозначаемым /напр., белый голубь - мир/.

³ R. Jakobson. A nyelv szemiotikai vizsgálata. Hang - jel - vers. /Szerk. Fónagy I. és Szépe Gy./ Budapest, 1969, стр. 95. В оригинале: Quest for the essence of language. Diogenes. 51: 21-37. 1965.

⁴ Ф. Соссюр. Указ. соч., стр. 100.

⁵ C.S. Peirce. A jelek felosztása. A jel tudománya. /Szerk. Horányi Ö. és Szépe Gy./ Budapest, 1975, стр. 19-45.

В истории языкознания оба мнения нашли сторонников: А. Мейе и Л. Блумфилд, с одной стороны, придерживались принципа произвольности языкового знака, а О. Есперсен и Э. Бенвенист, с другой стороны, возражали против такого понимания связи между обозначающим и обозначаемым⁶. С развитием семиотики, однако, все больше и больше лингвистов стали относиться к тезису Соссюра критически, многие под влиянием переосмысления и приспособления к лингвистике принципов Пирса Р. Jakobsonом⁷. В книге Ф.М. Березина и Б.Н. Головина "Общее языкознание" читаем следующее: "Тезис о немотивированности /произвольности/ знака заслуживает обсуждения, но не может быть принят безоговорочно. Знаковая теория Соссюра оторвала знаки языка /прежде всего, слова/ от обозначаемого ими мира людей... Знаки языка обладают реальными свойствами. По отношению к вещам знаки не мотивированы свойствами этих вещей, но мотивированы создавшей их системой; звуковая сторона знака по отношению к смысловой не мотивирована ее, смысловой стороны, свойствами, но мотивирована системой..."⁸ Еще конкретнее пишет о мотивированности знаков языка Jakobson, устанавливая, что как в синтаксисе, так и в морфологии связь между частями и единицами совпадает с дефиницией Пирса знака-икона, а морфология особенно богата примерами альтернативных знаков, которые демонстрируют иконическую связь между своими обозначающими и обозначаемыми. В качестве примера он приводит, например, степени сравнения прилагательных в различных индоевропейских языках, где наблюдается постепенное наращение в количестве фонем. Ср., например, англ.

⁶ Jakobson. Указ. соч., стр. 98.

⁷ M. Shapiro. Aspects of Russian Morphology. A Semiotic Investigation. Cambridge. Mass., 1969, p. 4: "Roman Jakobson's important adaptation of the semiotic of Charles Sanders Peirce has attenuated the force and altered the implications of Ferdinand de Saussure's dictum regarding the arbitrariness of the linguistic sign."

⁸ Березин - Головин. Указ. соч., стр. 121.

high - higher - highest; лат. altus - altior - altissimus. и т.д. Таким образом, обозначающие отражают, по его мнению, постепенность гаммы обозначаемых⁹. В упомянутой статье Якобсон указывает и на другие примеры, из которых один, с точки зрения настоящей работы, является очень важным. Говоря о склонении русских имен существительных, он обращает внимание на то, что реальные /т.е. не нулевые/ окончания данного падежа длиннее во множественном числе, чем в единственном¹⁰. Постановка такой проблемы для нас послужила толчком для конкретного лингво-семиотического анализа русских именных парадигм, причем не в дескриптивной форме, а в историческом освещении.

В современном русском литературном языке соотношение окончаний единственного и множественного числа в склонении существительных выглядит следующим образом:

Ед. ч.	Мн. ч.
И -∅/-о/-а	-и/-ы/-а
В -∅/-о/-а/-у	-и/-ы/-а/-∅/-ей/-ов/-ев
Р -а/-и/-ы/-у	-ов/-ев/-ей/-∅
Д -у/-е/-и	-ам/-ям
Т -ом/-ем/-ой/-ей/-ою/-ею	-ами/-ями
П -е/-и/-у	-ах/-ях

Из приведенных форм очевидно, что соотношенные морфемы во множественном числе являются более длинными, чем в единственном числе. Единичные исключения /им.п., вин.п. и род.п. некоторых существительных/ не мешают восприятию явных закономерностей системы как целого. В этом отношении мы можем сказать, что деклинационная система русского существительного отражает связь между обозначающим и обознача-

⁹ Jakobson. Указ. соч., стр. 103-104.

¹⁰ Jakobson. Указ. соч., стр. 104.

чаемым такого же характера, как и приведенный Якобсоном пример степеней сравнения имен прилагательных.

Известно, что современные окончания, однако, являются результатами многовекового развития морфологического строя русского языка. Особенно важно отметить это потому, что вышеуказанные соотношения между окончаниями единственного и множественного числа в древнерусском языке в иконичной форме существовали лишь спорадически, не только не характеризую систему парадигм в целом, но даже препятствуя проявлению иконичности в склонении существительных. Парадигмы разных типов склонения дают пеструю картину: самые продуктивные типы /основы на -о и -а/ демонстрируют наращение суффиксов множественного числа лишь в двух падежах /дат. и предл. пп./, существительные на -и в трех /им., род. и предл. пп./, существительные с основой на -я в четырех /им., род., дат. и предл. пп./, причем консонантные основы в им., вин., дат. и предл. падежах. Следует обратить внимание на то, что формы творительного падежа ни в одном случае не отражают иконичную связь между обозначающим и обозначаемым, но почти у всех основ окончания единственного числа являются более длинными, чем соответствующие окончания множественного числа.

Исходя из приведенных фактов, можно было бы предположить, что древнерусское склонение унаследовало данный облик от общеславянского, или даже общеиндоевропейского праязыка. Чтобы убедиться в ошибочности такого предположения, достаточно привести унифицированную в оформлении окончаний /и, таким образом, напоминающую не старое русское, а, скорее, современное склонение/ систему склонения имен общеиндоевропейского языка, которая, в свою очередь, была унаследована ранним общеславянским языком:¹¹

¹¹ О. Семереньи. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980, стр. 170.

	Ед. ч.	Мн. ч.
Ном.	-s, - \emptyset	-es
Вокат.	- \emptyset	-es
Акк.	-m/- \bar{m}	-ns/- $\bar{n}s$
Ген.	-es/-os/-s	-om/- $\bar{o}m$
Абл.	-es/-os/-s; -ed/- $\bar{o}d$	-bh/y/-os, -mos
Дат.	-ei	-bh/y/-os, -mos
Локат.	-i	-su
Инстр.	-e/-o, -bhi/-mi	-bhis/-mis, - $\bar{o}is$

Как видно, данная система весьма наглядно иллюстрирует иконичное соответствие между суффиксами единственного и множественного числа, напоминая и этим современный, "очищенный", а не старый облик русского склонения.

Чем же объясняется бросающееся в глаза отклонение от общей закономерности иконичности, наблюдаемой как в самый ранний период развития языка, так и в современном его проявлении? Известно, что в эпоху становления различных славянских языков действовали коренным образом изменившие общенаследованную морфологическую структуру фонематические и морфематические законы¹². В силу действия фонематических законов произошли следующие, чрезвычайно значительные изменения, характеризующие период развития общеславянского языка: опрощение дифтонгов, изменения в качестве и количестве гласных звуков, палатализации заднеязычных согласных, делабиализации лабиовелярных, утрата предыхательности и сонорности согласных, возникновение фонемы ch из индоевропейского s, законы открытого слога и слоговой гармонии. Вследствие таких тенденций, разумеется, возникали новые в фонологическом оформлении суффиксальные морфемы, ведь в окончаниях действовали такие же закономерности, как и в

¹² В. Георгиев. Основни проблеми на славянската диахронна морфология. София, 1969, стр. 161, 179.

других слогах слова¹³. Вышеуказанными явлениями объясняется, например, отпадение конечных согласных, появление носовых гласных, существование мягкой и твердой разновидности внутри некоторых типов склонения /бинарность/, наличие диалектальных различий, вызванных общеславянским сандхи. Кроме перечисленных здесь изменений происходили и такие - т.н. морфологические инновации -, которые трудно или невозможно объяснить фонематическими закономерностями¹⁴. Таким образом, функционирование приведенных выше закономерностей временно препятствовало действию семиотических факторов, присущих самой природе языка. В истории русского языка, в результате существенного переразложения и опрощения деklinационных и конъюгационных систем - на которых здесь не имеем возможности остановиться - сформировалась современная грамматическая система, восстанавливающая иконичность в окончаниях именного склонения. Принимая во внимание такую тенденцию, охватывающую, впрочем, целый грамматический строй русского и других славянских, и, вообще, индоевропейских языков - представляется возможным объяснение многочисленных явлений славянской диахронической морфологии. В качестве примера сошлемся только на несколько факторов: влияние малопродуктивных типов склонения на продуктивные /род.п. мн.ч. основ на -у и -и/, преобладание более длинных морфем во множественном числе над более короткими, вытеснение в дательном, творительном и предложном падежах множественного числа окончания всех типов склонения окончаниями основ на -а, унификация парадигм, появление продуктивного окончания именительного падежа множественного числа у существительных мужского рода, ударного -а, изменения

¹³ Георгиев. Указ. соч., стр. 37.

¹⁴ H. Tóth I. Bevezetés a szláv nyelvtudományba. Budapest, 1977, 83.o.

в месте ударения в литературном и разговорном языке¹⁵, возникновение категории одушевленности, утрата двойственного числа, усечение отдельных окончаний /напр., в творительном падеже единственного числа у существительных на -а, 2-ое лицо единственного числа у глаголов в настоящем времени/, вытеснение местоимения язъ формой 'я' и др. Примеры такого рода, конечно, можно привести и из других славянских языков, в том числе из болгарского: множественное число односложных существительных на -ове, распространение окончания -име /вместо -им, / -еме /вместо -ем/ в 1-ом лице множественного числа настоящего времени глаголов, множественное число на -та у группы существительных, местоимения 'ние' и 'вие' вместо ⁺ни и ⁺ви, и многие другие. Более подробное изучение, однако, не является целью настоящей работы, оно требует дальнейшего основательного исследования. Здесь мы ограничились кратким изложением функционирования иконичной связи между обозначающим и обозначаемым в рамках одной грамматической категории с диахронической точки зрения.

Завершая статью, попробуем подвести итоги изложенных выше наблюдений. Итак, современная система русского склонения отражает действие важной семиотической закономерности языка - иконичности окончаний. Как мы видели, данная тенденция была присуща всей истории славянского склонения, но не в одинаковой мере на разных этапах языкового развития. В древнерусскую эпоху действие иконичности осуществляется лишь спорадически, что объясняется, в первую очередь, значительными фонологическими инновациями. Однако, последующие изменения в деklinационной системе русского языка постепенно восстанавливают исходную связь между обозначаю-

¹⁵ Shapiro. Указ. соч., стр. 16-17, 53.

щими и обозначаемыми. Вышеуказанные факты подтверждают мнение Р. Якобсона о том, что исторические процессы, создавшие в отдельных славянских языках "диаграмму" /т.е. специфичный вид иконы/ соответственных форм множественного и единственного числа, наряду с многочисленными явлениями языкознания, противоречат тезису Соссюра о произвольности языкового знака¹⁶.

¹⁶ Jakobson. Указ. соч., стр. 104.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДЛОГОВ ДРЕВНЕРУССКОГО
ЯЗЫКА

/по материалам памятников XI-XII вв./

Э. Хоргоши

Мы поставили целью показать некоторые особенности предлогов древнерусского языка на основе памятников XI и самого начала XII веков. Мы черпали наш материал из следующих памятников древнерусского языка: Слуцкая псалтырь /по изданию М. Вейнгарта/¹, русская часть Саввиной книги², Туровские евангельские листки³, Житие Кондрата⁴, Житие Феклы⁵, Минеи Дубровского⁶, Бычковская псалтырь⁷, Евгениевская псалтырь⁸, Листок Викторова⁹, Реймское евангелие¹⁰. Эти памятники являются фрагментами, среди них находятся памятники от одно-

- ¹ Слуцкая псалтырь /Сл.Пс/: М. Weingart. Texty ke studiu jazyka a písemnictví staroslověnského, druhé, revidované vydání nově upravil. J. Kurz, V. Praze, 1949, pp. 100-105.
- ² Русские дополнения к Саввиной книге /СК/, рук. ЦГАДА, ф. 381, № 14. /с микрофильма/.
- ³ Туровские евангельские листки /ТЛ/. Описание и издание текста И.Х. Тот, Э. Хоргоши, Г. Хорват. Dissertationes Slavicae, XIII., Szeged, 1978, pp. 181-238, 1a-10b.
- ⁴ Житие Кондрата /ЖК/. Описание и издание текста И.Х. Тот. Studia Slavica /Hungarica/, XXI., 1975, pp. 237-275, 1a-2b.
- ⁵ Житие Феклы /ЖФ/. Описание и издание текста И.Х. Тот. Studia Slavica /Hungarica/, XXII., pp. 238-270, 1a-2b.
- ⁶ Минеи Дубровского /МД/, рук. ГПБ, Ф. п. 1.36 /с микрофильма/.
- ⁷ Бычковская псалтырь /БПс/. Описание и издание текста И.Х. Тот. Dissertationes Slavicae, VIII., Szeged, 1972, pp. 71-96, 1a-8b.
- ⁸ Евгениевская псалтырь /ЕПс/. Описание и издание текста В.В. Колесова, Dissertationes Slavicae, VIII., Szeged, 1972, pp. 58-69, 1a-20b.
- ⁹ Листок Викторова /ЛВ/. Описание и издание текста И.Х. Тот. Studia Slavica /Hungarica/, XXII., 1977, pp. 1-27, 1a-1b.
- ¹⁰ Реймское евангелие /РЕ/. Литографированная копия 1841 г. в ГПБ, I.56., Л.П. Жуковская, Реймское евангелие. История его изучения и текст, Предварительные публикации. Вып. 114, М., 1978.

го листа до двадцати, по языковому составу они являются памятниками русского извода древнеболгарского языка, а по жанровому составу они являются или отрывками канонических книг, или житиями, минеями. Весь словарный состав этих десяти памятников представляет собой более 2800 слов, немногим больше 20 тысяч словоформ, из них незначительное количество /приблизительно 1 %/ составляют предлоги. Точнее говоря, мы привлекли к изучению 31 предлог, что составляет приблизительно 1600 предложных сочетаний.

Предложное сочетание это соединение предлога "как синсемантического слова с падежной формой имени" /Ст.Геродец¹¹/. Предлоги - первоначально самостоятельные слова, позже утратившие возможность самостоятельного существования, ставшие средством выражения различных отношений имен существительных и таким образом начавшие выполнять функцию морфем. Это значит, по мнению многих лингвистов, что у существительного в падежной форме с предлогом имеются две морфемы: предлог и падежное окончание. Между ними установилась тесная взаимосвязь: предлог в одном значении употребляется с определенным падежом; падеж с предлогом выступает в синтаксические отношения в качестве целого. Это мнение выражается В.В. Виноградовым, когда он говорит о грамматикализации предлогов в сочетаниях *горевать, тосковать, плакать...* с предлогом *по* и предложным или дательным падежом имени существительного, в которых "предлог *по* является выражением чисто грамматического отношения падежной формы к глаголу: он лишен всякого лексического значения"¹². В русском языке /как и во всех славянских языках, кроме болгарского/ процесса перенесения синтаксической функции на предлог не произошло.

Предлоги в современном русском языке считаются служебны-

¹¹ Ст.Геродец. Старославянские предлоги. Исследования по синтаксису старославянского языка. Изд-во Чехословацкой Академии Наук, 1963, стр. 313-368.

¹² В.В. Виноградов. Русский язык. "Высшая школа". М., 1972, стр. 532.

ми словами, не могут употребляться самостоятельно, они всегда относятся к какому-нибудь существительному /или слову, употребляемому в функции существительного/. В древнерусском языке предлоги - лучше сказать предложные сочетания - представляют пеструю картину: с одной стороны, еще существуют беспредложные падежные конструкции, существует беспредложный местный падеж, а с другой стороны параллельно с первоначальными предлогами широко употребляются не только наречия, но и знаменательные слова в функции предлога. Все чаще появляются новые значения предлогов, вытекающие из первоначального пространственного значения. Историческое изучение предлогов стоит на грани морфологии и синтаксиса: описывается не только их внешняя /графическая/ форма, но и их значения и сочетаемость с падежными формами.

Состав древнерусских предлогов и предлогов-наречий по сравнению с составом современного русского языка namного изменился: постепенно вымирают некоторые древние предлоги /например: дѣльма, разъѣ и др./, с одними падежами они больше не сочетаются /например: противъ с дательным падежом/, образуются новые предложные сочетания, постепенно появляются новые тенденции, отражающие влияние живого русского языка. В наших памятниках употребляются следующие предлоги: въ /7/, близъ /2/, врьхоу /1/, въ /544/, въ...иѣсто /2/, въноуѣрь /1/, до /15/, дѣльма /1/, за /9/, изъ /33/, кроуѣ /1/, изъ /102/, межаж /1/, на /252/, надъ /8/, о, ов /92/, окръсть /4/, отъ /308/, по /74/, подъ /20/, по/срѣдѣ /8/, противъ /2/, прѣдъ /41/, прѣже /9/, прѣны /1/, при /6/, ради /29/, разъѣ /5/, снвоуѣ /1/, оу /6/.

Вместо подробного описания и анализа всех предлогов по вышеуказанным памятникам мы остановимся только на одном важном и характерном синтаксическом явлении древнерусского языка: это повторяемость /или повторение/ предлогов. О повторе-

нии предлогов писали много. Повторяемость предлогов объясняется отсутствием четких синтаксических связей в древнем языке или использованием в целях логического выделения в контексте каждого члена словосочетания. По наблюдениям В.Н. Борковского, в древнерусских памятниках "предлог повторяется тогда, когда определение /или приложение/ и определяемое слово имеют большой удельный вес в контексте"¹³. Можно считать доказанным исследователями древнерусского языка, что повторение предлога является характерным синтаксическим явлением народного языка и наблюдается преимущественно в памятниках деловой письменности, отражающих живую разговорную речь, в памятниках других жанров повторение предлогов встречается реже. Очень подробно занимается этим вопросом в своей монографии "Происхождение русского, украинского и белорусского языков" Ф.П. Филин¹⁴. Он цитирует А.А. Никольского /Очерки по синтаксису русской разговорной речи, Душанбе, 1964, стр. 10-28/, который установил, что повторение предлогов свойственно не только говорам, но и устной литературной речи. В дальнейшем Ф.П. Филин цитирует мнение Г.И. Климовской, по которой повторение предлогов - исконная особенность славянских языков. Г.И. Климовская полагает, что отсутствие этой особенности в старославянском языке - результат калькирования синтаксического строя греческого языка. Итак, по мнению Г.И. Климовской, в истории русской письменности представлены две группы памятников: "1/ памятники, написанные под воздействием старославянского языка книжным языком, 2/ памятники, в языке которых преобладает народная разговорная речь. В первой группе

¹³ В.Н. Борковский, П.С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка, стр. 450. В.Н. Борковский. В сб. "Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот". М., 1955, стр. 153.

¹⁴ Ф.П. Филин. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, стр. 510-514.

повторения предлогов нет или почти нет, тогда как в языке второй группы оно обычно". По поводу этой гипотезы Ф.П. Филин пишет следующее: "Мы не знаем, было ли повторение одних и тех же предлогов свойством древней славянской речи. Примеры, которые приводят исследователи повторения предлогов, в подавляющем своем большинстве приходится на письменные памятники XIV-XV и особенно XVI-XVII вв. Случаи повторения предлогов в оригинальной древнерусской письменности ранней поры /Русская Правда, древнейшие грамоты народного происхождения, статьи древнерусских летописей/ единичны и вообще мало характерны для языка этой письменности"¹⁵.

Основываясь на вышецитированном мнении акад. Ф.П. Филина, мы считаем важной особенностью исследованных нами памятников повторение предлогов. Важен жанровый состав этих памятников, важно также и раннее появление этого синтаксического явления. Нельзя сказать, что оно так часто или значительно, как и в последующих веках, но его появление в некоторых канонических памятниках бесспорно свидетельствует о влиянии живого русского языка /и, конечно, дает интересную дополнительную характеристику этих памятников вместе с фонетическими и морфологическими фактами!/.

Повторение предлогов наблюдается и перед однородными членами предложения, и перед определением и определяемым словом.

1/ Повторение предлога перед однородными членами предложения:

повторение предлога въ: ако видѣсте оуи мои/ спсєнїє твоѡ ѡже еси/ оуготовахъ прѣ лицѣ/мѣ всѣхъ людїи свѣтъ въ открывєнїє азъ/и азъ и въ славоу людїи/ ѡ твоихъ изъла Лк.2.32, РЕ 6 67-6 68. Этот параллельный текст в РЕ 15 а16-17 находится без

¹⁵ Ф.П. Филин. Указ. соч., стр. 510-511.

повторения предлога, как на подходящих местах АЕ, МЕ, ОЕ¹⁶
/РЕ: въ откривени/е азъи и славоу/.

Другие примеры: въ вифлеомѣ // и въ вѣсѣхъ прѣбавехъ
аг/о Мт. 2.16, РЕ 7 г20-8 а1 /здесь повторяется предлог и
в АЕ, МЕ, ОЕ1/; или: и н/снаста его въ рождѣ/ни и въ знани
Лк. 2.44, РЕ 9 65-6, /таким же образом в АЕ, МЕ и ОЕ, даже
как и в одном среднеболгарском памятнике: иснаста его в
сзроднищѣхъ и въ знаменъ Пражко ев.^{17/}.

Следующие наши примеры из ЕПС: Въ исповѣданнѣ и въ лѣ/
потоу обавѣса Пс. 103.1, ЕПС 10 аз /СинПС: вѣлѣ пота обавѣ-
веса одѣласа свѣто/мъ ѣно и рѣзо/хъ:-/; или въ ноши и въ денѣ
ЕПС 20 64; Въ гаслѣхъ и въ гласѣ /п'салмьскѣ Пс. 97.5, ЕПС
7 а8 /так и в СинПС./; или: Тако въ лж/зѣ бо въ драздѣ съ/
мрътѣн и дрѣни ма/сѣхъ Пс. 92.12 толк., ЕПС 3 67.

В следующем примере предлог въ повторяется также при
наличии соединительного союза между однородными членами
предложения: Тако бо апль рече въ/горахъ и въ пещера/хъ и въ
доупниахъ земьныхъ вѣсѣ/лати са стѣнъ Пс. 103.12 толк.,
ЕПС 12 а19-12 а20, 12 61.

Повторяются и предлоги на и о: си на колесницахъ си на коннхъ
Пс. 19.8, БПС 3 664 /СинПС.: въ оружъхъ и си на ко/н хъ:-^{18/};
и оужасахоу же са вси послушашн/и его о разоумѣ и/о швѣ-
тѣхъ его Лк. 2.47, РЕ 9 618-19 /так в АЕ и МЕ, но ОЕ: о ра-

¹⁶ АЕ: Evangeliař Assemanův, Kodex Vatikánský 3.slovansky, Díl II., Úvod, Text, v přepise cyriliském, poznámky, textové, seznamy čtení, Vydal Josef Kurz, Praha, 1955, Nakl. Česk. Akad. Věd.

МЕ: Маринское четвероевангелие с примечаниями и приложениями, труд И.В. Ягича, Akademische Druck-U. Verlagsanstalt, Graz, 1960 /Unveränderter Abdruck der 1883 bei Weidmann in Berlin erschienenen Ausgabe/.

ОЕ: Остромирово евангелие 1056-57 года, изданное А. Востоковым, СПб., в типографии Императорской Академии Наук, 1843.

¹⁷ Кирил Мирчев. Историческая граматика на българския език, "Наука и Изкуство", София, 1978, стр. 277.

¹⁸ СинПС.: Синайская Псалтырь глаголический памятник XI века, подготовил к печати Сергей Северьянов, 1954, Akademische Druck-U. Verlagsanstalt, Graz-Austria /Photomechanischer Nachdruck/.

зоумъ/ и отвѣтъхъ его!/.

2/ На повторение предлогов перед определением и определяемым словом мы нашли следующие примеры:

повторение предлога на: и ть при/ать е на роукоу на своеа Лк. 2.28, РЕ 6 а18, тот же стих в другом месте памятника наблюдается без повторения предлога: и приать на роукоу/своеа РЕ 15 а7, как без повторения в АЕ, МЕ и ОЕ.

повторение предлога въ: възи/ае же носифъ шгалигѣа/ш грааа
назарѣа въ жидо//въскоумъ въ грааъ аба/въ нже нарицається
в/ѣфлеомъ Лк. 2.4, РЕ 4 г20-5 а1 /в АЕ, МЕ и ОЕ: въ иоудеѣмъ
/въ грааааавъ, авъ, авъ/авъ/.

повторение предлога о: и бѣ/носифъ и мти его уа/ащася о глс-
м хъ о немъ Лк. 2.33, РЕ 15 а20-15 61, 6 610-6 611, /так и АЕ, МЕ и ОЕ!/.

повторение предлога къ: Ре гъ къ прихъащенихъ къ нѣмоу/ню-
авомъ Ио. 10.17, ТЛ 1 об8 /в АЕ и ОЕ так, в МЕ нет этого места/.

На основе перечисленного можно установить, что малочисленные примеры повторения предлогов характерны для РЕ и ЕПС, а спорадически наблюдаются в ТЛ и ВПС, но в других памятниках не обнаруживаются. Чаще всего повторяется предлог въ.

Заключение

1/ В исследуемых памятниках наблюдается еще много таких предложных конструкций, которые вышли из употребления с течением времени /аѣльа, окръста, развѣ/.

2/ Можно установить широкое употребление наречных предлогов, которые могут стоять самостоятельно и с падежным управлением /окръста, влииз, въроу, вноутрь, прѣже/, но они еще не стали служебными словами.

3/ Наблюдается пополнение предложной системы древнерусского языка новыми предлогами наречного и отыменного происхождения /ср. въ...мѣсто, посрѣае, въ слѣаъ, въ...прѣны/, они пока еще не являются предлогами. Это подтверждается та-

кими примерами: наблюдается выражение в/ь проаа мѣсто Мт. 2.22, РЕ 8 а20 /так оно в АЕ, МЕ и ОЕ/, но тот же оборот мы обнаруживаем и в ЕПс /13 б13/ аааааа бо и пиааааа в/ь ниаа мѣсто /Кн.Мойс. 32. гл. 38. толк./. Таким же образом этот оборот употребляется и в Псковской летописи /6979 г./: Яауш и плоти челоуѣва в/ь хлѣба мѣсто /по данным И.И. Срезневского¹⁹/. Употребление прѣкы единично: се лежить/ в/ь на-пааение и вьск/рсьение многымъ в/ь н/злн и в/ь знамение/ прѣкы глешо Лк. 2.14, РЕ 15 б6 /в АЕ, МЕ и ОЕ на этом месте стоит в/ь знамение прѣроуьно, как и в РЕ 6 б17/.

4/ Мы нашли в одном памятнике не зарегистрированную - спорную - форму предлога прѣ: еже еси/ оуготовавъ прѣ лиц/мъ вьсѣхъ лоуади Лк. 2.31, РЕ 6 б5 /в АЕ, МЕ и ОЕ прѣаъ или прѣаъ как и РЕ 15 а14/, но предыдущее место так читается Л.П. Жуковской²⁰, возможно, что это описка, но такую же 'описку' - также единичную - дает в своем словаре и Садник-Айцетмюллер²¹/.

5/ Наблюдаются предлоги и постпозитивно, или лучше сказать, существуют по данным наших памятников и послелогои: аѣльма и рааи. Послелогои стоят особняком в древнеболгарском и древнерусском памятниках. Р.М. Цейтлин пишет о них следующее: "Послелог рааи /охридское слово/ употребляется в двенадцати СП /= старославянских памятниках/ более 600 раз. Соответственно аѣла /преславское/ - только в двух кириллических - Сав. /3/, Супр. /24/. Вариант аѣльма - только в Супр. /83/

¹⁹ И.И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. т. II, СПб., Типография Императорской Академии Наук, 1895, стр. 973.

²⁰ См. сн. 10, Л.П. Жуковская. Указ. соч.

²¹ L. Sadnik-R. Aizetmüller. Handwörterbuch zu den Altkirchen-slawischen Texten. Carl-Winter-Universitätsverlag, 1955, p. 289: "Pre vor Adjektiven zum Ausdruck der elativen Steigerung, als Verbalpräfix: über-hin, durch, über-hinaus; als präp. nur Ps. 117b18, wohl statt predъ /706/". Heidelberg.

и Зогр. л. /1/, ср. ради в Сав. - 28 раз, в Супр. - 199 раз"²². Для нас важно и количество употребления этих предлогов-последлогов: дѣльма 1 раз: нѣ и насѣ дѣльма ЛВ. 1 а17, а ради 29 раз, но из 29 употреблений один раз мы нашли в форме настоящего предлога: Гъ/быхъ га моего ради/иса хса ЖК 2 б14.

6/ Часто конкурируют еще беспредложные и предложные конструкции /ср.: рече ꙗмоу и рече из ꙗмоу/.

7/ Отдельные предлоги с пространственно-временным значением постепенно получают способность выражать более сложные логико-смысловые отношения /причины, цели, следствия и пр./.

8/ Наблюдается повторение предлогов, представляющее одну из характерных черт древнерусского синтаксиса. Наши примеры дают возможность фиксации более раннего появления этой синтаксической особенности.

²² Р.М. Цейтлин. О лексических особенностях языка старославянских памятников. ВЯ, 1969, № 6, стр. 45.

УПОТРЕБЛЕНИЕ РОДИТЕЛЬНОГО-ВИНИТЕЛЬНОГО
ПАДЕЖА В САВВИНОЙ КНИГЕ¹

А. Кацiba

Общей характерной чертой славянских языков с синтетическим именным склонением является грамматическое противопоставление лица не-лицу, или живого существа неодушевленному предмету. Вопрос о том, какими средствами выражается категория лица или одушевленности, еще не решен, но употребление формы род. п. вместо вин.п. у имен со значением лица или живого существа всеми без исключения лингвистами считается самым характерным средством проявления данной категории. Род.-вин.п. встречается во всех разрядах имен: у существительных, прилагательных, причастий и местоимений - и встречается он /хотя еще непоследовательно/ очень рано, уже в языке древнейших славянских памятников, к числу которых относится и Саввина книга, памятник XI в. Изучая падежные отношения в Саввиной книге, А.С. Новикова обращает внимание на то, что "... в Саввиной книге встречаются чаще, чем в прочих кодексах, формы родительного вместо винительного, образованные от имен со значением лица"². Материал Саввиной книги дает возможность наблюдать проявление данной категории в относительно раннем периоде, когда эта категория уже отражается в системе склонения, хотя все еще находится в состоянии становления. Род.-вин.п. появляется у всех типов имен, однако его появление у личных, возвратного и относительных местоимений имеет иные условия, чем у остальных имен. В настоящей статье делается попытка на материале Саввиной книги показать употребление род.вин.п., указывая характерные черты условий его употребления в упомянутых группах местоимений, и

¹ В.Н. Щепкин. Саввина книга. Памятники старославянского языка. Т. I., вып. 2-й. Graz, 1959.

² А.С. Новикова. Падежные отношения в Саввиной книге. Изд. Московского университета, 1969, стр. 14.

ответить на вопрос, всегда ли посредством род.-вин.п. происходит грамматическое противопоставление лица не-лицу или живого существа неодушевленному предмету.

В вин.п. ед.ч. м.р. у 94,5 % имен со значением лица /существительных, прилагательных, причастий, местоименных прилагательных/ встречается окончание род.п. вместо вин.п. /род.-вин.п.: 271 случай; вин.: 15 случаев/. Те существительные со значением сверхъестественного существа, которые легко могут соотноситься с каким-либо лицом, также получают окончание род.п. /господь, богъ, анг'ель/, а существительные, которые не ассоциируются с лицом, сохраняют окончание вин.п. /доуѣзъ, вѣсѣ/.

Все без исключения собственные имена существительные м.р. стоят в род.-вин.п. /94 случая/. У имен нарицательных наблюдается всего 13 случаев употребления старого вин.п. /род.-вин.п. - 88/. У прилагательных, причастий и местоименных прилагательных встречается лишь два случая употребления вин.п., причем оба у причастий /род.-вин.п. - 59/. Имена существительные м.р., обозначающие названия животных, сохраняют окончание вин.п. /5 случаев/, за исключением одного примера:

л. 1256. видѣтъ вѣрна грааѣща τὸν λύκον ἐρξόμενον

Следует отметить, что окончание род.п. встречается не только у существительных м.р. со значением лица, но в некоторых случаях и у существительных ж.р. /дѣщерѣ - 3 раза, мѣтерѣ - 8 раз, при 4 мѣтерѣ/ а также и неодушевленных существительных /народа, мира, нѣзлѣ, тѣтла/. У слов мати и дѣщи появление род.-вин.п. объясняется, вероятно, окончанием этих слов в вин.п. на согласный + редуцированный переднего ряда, которое послужило основой для аналогии, т.е. склонения этих существительных по образцу существительных м.р. на редуцированный гласный переднего ряда со значением лица, у которых вин.п. был равен род.п. Такая аналогия в Саввиной книге подкреплялась и тем, что слова мати и дѣщи в большинстве случаев стоят в непосредственной

близости с род.-вин.п. существительных м.р., т.е. наблюдает-
ся своего рода их синхронное употребление, например:

л. 376. любаѣ оца ли мѣре паче мене³

Неодушевленные имена существительные могли употреблять-
ся в род.-вин.п., если имело место олицетворение⁴. Этим может
объясняться форма титла /л. 129/.

Имена существительные собирательного значения, обозначаю-
щие группы людей, иногда также употреблялись в род.-вин.п.⁵:

л. 366. видѣ... и народа мльваща τὸν ὄχλον Ἰερουζουλήμων

л. 127 тако бо бѣ възлюбѣи мира τὸν κόσμον

л. 139²⁶ иже оупасетъ люди моя и изъѣ τὸν Ἰσραήλ

л. 129 на крѣстѣ бѣ напсано ἵς назарѣнинъ црѣ иудеискъ.

сего титла мнози възшоа отъ иудеи τὸν τίτλον

Следует отметить, что во всех случаях, когда у существи-
тельных, обозначающих не лицо, встречаются окончания род.п.
вместо вин.п., в греческом тексте Нового Завета⁶ стоит опреде-
ленный артикль /о греческом определенном артикле см. ниже/.

Особого внимания заслуживают 13 примеров сохранения ста-
рой формы вин.п. у нарицательных имен существительных:

	вин.п.	род.-вин.п.
сѣинъ	8	16
рѣвѣ	1	8
младѣньць	2	-
прѣвѣньць	2	-
	<hr/> 13	<hr/> 24

³ В.И. Георгиев объясняет это явление аналогией с личными мес-
тоимениями мене, тебе, себе; по мнению же Ф.Ф. Fortunatova,
окончание - следует считать первоначальным окончанием вин.п.
См. В.И. Георгиев. Причините за възникването на родителен-ви-
нителен падеж в славянските езици, в кн. Славистичен сборник.
София, 1973, стр. 16. Ф.Ф. Fortunatov. Избранные труды, т. 2.
М., 1957, стр. 369.

⁴ А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952,
стр. 206.

⁵ Ср.: P. Diels. Altkirchenslavische Grammatik. Heidelberg,
1932, стр. 155.

⁶ Novum Testamentum Graece. Halle, 1787.

У слова *сѣи* вин.п. может объясняться принадлежностью этого слова к старой *ѣ*- основе.

Существует мнение, что окончание вин.п. дольше сохранялось у существительных, обозначающих лиц общественно неполноправных. Но, как подчеркивает Е.И. Кедайтене, "... нельзя согласиться с тем, что рассматриваемый языковой процесс был вызван характером общественных отношений"⁷, указывая при этом на необходимость искать ответа на данный вопрос в внутриязыковых факторах.

В специальной литературе предлагается несколько подходов к решению данной проблемы. Считается, что притяжательные местоимения, а также и предлоги способствовали сохранению старой формы вин.п. Логическое же выделение предмета при инверсии, определенный характер предмета /на что в греческом тексте указывает определенный артикль, а в славянских памятниках - сочетание существительных с глаголами совершенного вида/ способствовали распространению формы род.-вин.п.⁸

Мы проследили употребление вышеупомянутых четырех слов с этих точек зрения. Притяжательные местоимения, предлоги, как и порядок слов, оказались нерелевантными. Определенный артикль в греческом тексте не позволяет дать однозначного ответа на данный вопрос, хотя оказалось, что в большинстве случаев, когда эти слова стоят в род.-вин.п., в греческом тексте употребляется определенный артикль. /Из 24 случаев род.-вин.п. при 18 есть определенный артикль, при 3 нет артикля, в остальных 3 случаях в греческом тексте встречаются другие конструкции/. Следу-

⁷ Е.И. Кедайтене. Формы вин. и формы род.-вин.п. от названий лиц и одушевленных предметов по оригинальным памятникам восточнославянской письменности. М., 1958, стр. 5.

⁸ А. Meillet. Recherches sur l'emploi du génitif-accusativ eu vieux-slave. Paris, 1897, стр. 59. П.С. Кузнецов. Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961, стр. 96-97.
Е.И. Кедайтене. К вопросу о категории лица. Уч. зап. высших учебных заведений Литовской ССР. Языкознание. Вильнюс, 1963/6, стр. 229-239.

ет отметить, что в случаях, когда слова со значением не-лица стоят в род.-вин.п., в греческом тексте всегда находим определенный артикль.

Здесь целесообразно остановиться и на употреблении род.-вин.п. во мн.ч., поскольку в примерах мн.ч. связь между вин.п. и определенностью, в частности, с глагольным видом, является наиболее очевидной.

Нами обнаружены 5 случаев употребления род.-вин.п. во мн.ч. Общим во всех этих примерах является то, что в них употреблены субстантивированные причастия /4 случая/ и субстантивированное прилагательное /1 случай/, все они - местоименные формы /определенности!/, и в греческом тексте во всех 5 примерах стоит определенный артикль.

- /1/ л.346 остави мрътвыа пограти своиъ мрътвыиъ
τοὺς ἑαυτῶν νεκροὺς
/но: л. 57: мрътвыа своя/
/2/ л.30 бл҃гѣе клзѣншииъ васъ тоὺς κληρονομοῦντας
/3/ л.34 всеъхъ болашииъ ицѣли
πάντας τοὺς κακῶς ἔχοντας
/но:л.536 цѣлѣти болашаа тоὺς ἀσθενοῦντας,
л. 1336 болашаа цѣлѣте ἀσθενοῦντας/
/4/л.306 възлюбѣте любящииъ васъ
/но: л.486 любѣте любящаа васъ.
/5/ л.1106 что ѿа възпрашаши. възпроси слышавъшииъ
τοὺς ἀκηκοότας

В этих примерах очевидна роль приставочных глаголов совершенного вида, которые, по мнению П.С. Кузнецова⁹, выражают большую определенность¹⁰.

Славянский род.-вин.п. распространился на те имена со значением лица и живого существа, у которых им. и вин.п. в результате фонетических изменений совпали, причем этот процесс был

⁹ П.С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 97.

¹⁰ Ср. еще: И. Леков. "Славянский глаголен вид е произлязал от лексическата кореляция определеност-неопределеност". В кн. Общност и многообразие в граматическия строй на славянските езици. София, 1958, стр. 16.

длительным и не сразу охватил все эти имена. В распространении род.-вин.п. известную роль мог играть и определенный/неопределенный характер объекта. Об определенности мы можем говорить, с одной стороны, в связи с конкретными примерами /т.е. когда в предложении фигурирует конкретный, определенный объект - на конкретность может указывать греческий определенный артикль, приставочный глагол совершенного вида, смысл предложения, контекст и т.д./. С другой стороны - в связи со значением данных имен /насколько близки они по своему значению к собирательным именам существительным, обозначали ли они людей с индивидуальными чертами, или только представителей массы - солдат, рабов, крестьян, людей без ярких индивидуальных черт - детей/. В пользу этого предположения говорит материал Саввиной книги:

1. Все имена собственные /именно в них выражается высшая степень определенности/, выступая в качестве объекта, получают окончание род.п. вместо вин.п.

2. У большинства имен нарицательных также появляется новое окончание. Только у существительных сыны, рабы, младенцы, правнцы встречаются и старые формы вин.п. Эти слова характеризуются меньшей степенью индивидуальности, они, как подчеркивает Е.И. Кедайтэнэ, выражают "смысл обобщительно-собирательный, как бы несколько отвлеченный"¹¹; они близки к собирательным именам существительным.

3. В основе существительных, обозначающих группы людей, лежит ярко выраженный обобщительно-собирательный характер, и, как отмечает А.В. Исаев, "... понятие собирательности противоположно понятию частичности, с которым так или иначе связана форма род.п."¹². Но поскольку с этими собирательными именами

¹¹ Е.И. Кедайтэнэ. К вопросу о развитии форм род.-вин. падежа. В кн. Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. М., 1969, стр. 186.

¹² А.В. Исаев. Категория одушевленности в языке московского летописного свода конца XV века. Уч. зап. Ивановского педагогического института. т. 17, Филологические науки, вып. 5, ч. 3, стр. 51.

существительными тесно связано представление о человеке, то на переходном этапе, когда категория лица все еще находится в состоянии становления, спорадически встречается род.-вин.п. и от этих имен.

Возникновение род.-вин.п. лингвисты объясняют совпадением форм им. и вин. падежей у некоторых групп имен в результате фонетических изменений в общеславянском языке. Такая омонимия падежа субъекта и объекта могла привести к двусмысленности изречения, особенно если в роли и субъекта и объекта выступали имена со значением живого активного существа, прежде всего лица. Во избежание этой омонимии язык стремился к восстановлению состояния, имевшего место до фонетических изменений, а средством для этого служило употребление род.п. в значении вин.п. у имен со значением лиц м.р., у которых упомянутая омонимия встречалась чаще всего.

Подобное объяснение вполне применимо к именам существительным, прилагательным, причастиям, местоименным прилагательным, однако, что касается личных и возвратного местоимений, то здесь дело обстоит сложнее.

У личных местоимений 1. и 2. лица, кроме *вы*, не было омонимии форм им. и вин.п. /*аъ* - *иа*, *ты* - *та*, *мы* - *ны*/. Личные местоимения могли обозначать только лиц /реже - олицетворенные предметы/, следовательно, употребление род.п. вместо вин.п. и не могло выражать различия между лицами и не-лицами.

Возвратное местоимение не имеет формы им.п.; кроме того, оно указывает на отношение к действующему лицу, с которым оно чаще всего и употребляется в одном и том же предложении. Поэтому употребление род.п. вместо вин.п., как с точки зрения различия субъекта и объекта, так и с точки зрения категории лица, является безразличным.

Чем объясняется появление у этих местоимений форм род.п. в значении вин.п.?

По мнению многих лингвистов¹³, род.-вин.п. у личных и возвратного местоимений появился под влиянием вопросительного местоимения, у которого формы род. и вин.п. совпадали. Но объяснение широкого распространения род.-вин.п. одной единственной формой *кого* кажется недостаточным. А. Мейе¹⁴ в данном процессе подчеркивает роль указательных местоимений, у которых форма род.-отложительного п. и форма ударяемого вин.п. совпадали /того/. Под влиянием указательных местоимений и вопросительного местоимения *кого* новые формы вин.п., равные род. п., возникали у существительных со значением лица/живого существа. Позже эти новые формы распространились и на личные и возвратные местоимения. По мнению В.И. Георгиева, первоначальными формами вин.п. следует считать не только *кого* и *того*, но и *мене*, *тебе*, *себе*, появившиеся от **menen*, **teven*, **seven*, возникших в балтославянских языках под влиянием косвенных падежей и в результате фонетических изменений совпавшие с формами род.п.¹⁵. Следовательно, у этих местоимений не формы род.п. начали употребляться в значении вин.п. /как у существительных/, а было две формы вин.п.; т.е. формы род.-вин.п. у существительных и местоимений не одинакового происхождения: у первых они возникли в результате аналогии, а у последних уже издавна существовали как варианты морфемы.

Какое различие в значении или в функции способствовало сохранению этих вариантов? У личных и возвратного местоимений развилась та же оппозиция ударяемой и безударной формы вин.п., которая, по мнению А. Мейе и В.И. Георгиева¹⁶, уже издавна существовала у указательных местоимений. Полные, более выраженные формы вин.п. /*мене*, *тебе*, *себе*/, равные формам род.п., начали употребляться под логическим ударением, а у местоимений

¹³ W. Vondrák. Altkirchenslavische Grammatik. Berlin, 1900, стр. 153, 282. А.А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957, стр. 220. П.С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 93. Л.А. Булаховский. Грамматическая индукция в славянском склонении. ВЯ, 1956/4, стр. 21.

¹⁴ А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 348-349.

¹⁵ В.И. Георгиев. Указ. соч., стр. 10-13.

¹⁶ А. Мейе. Указ. соч., стр. 348-349. В.И. Георгиев. Указ. соч., стр. 10-13.

1. и 2. лица мн.ч., где не было вариантов в вин.п., появились формы род.п. в значении ударяемого вин.п. по аналогии с ед.ч. Краткие же формы начали употребляться в положениях, свойственных энклитикам. В памятниках старославянского языка краткие формы еще нельзя считать энклитиками, поскольку они встречаются в положении как под логическим ударением, так и без него. В Саввиной книге встречается 187 примеров употребления краткой формы, в том числе и под ударением. Например, под ударением:

л. 1106. что ѿа въпрашаешъ въпросъ слышавъшихъ

л. 110. аще ѿа въсте знали и оца моего знали въсте
и без ударения:

л. 91. въдѣхъ та мѧко жестокъ вси члвкъ

Формы род.-вин.п. встречаются в Саввиной книге 25 раз, т.е. всего 11,7 % всех примеров. Некоторые сведения по данной проблеме может дать нам употребление ударяемого или энклитического местоимения 1. лица ед.ч. в греческом тексте¹⁷:

В случае употребления ѿа в Саввиной книге, в греческом тексте 70 раз встречается энклитическое *με*, и 7 раз ударяемое *ѣмѣ*, а в случае употребления мене /9 раз/, в греческом тексте встречается только форма *ѣмѣ*. Во всех примерах с мене и конструкция предложения подчеркивает ударяемость: в этих предложениях налицо противопоставления или параллели, например:

л. 104. ненавида же мене /ѣмѣ / и оца моего ненавида

л. 376. а приеымаи мене /ѣмѣ / приеылетъ пославъшаго
ѿа /ме /

Если рассмотреть все формы род.-вин.п. с точки зрения того, несут ли они на себе логическое ударение, то видно, что в 19 примерах они находятся под ударением, однако встречается

¹⁷ В принципе - и 2. лица, но поскольку в разных изданиях Нового Завета существуют несовпадения в употреблении греческих знаков ударений, эти данные мы не можем принять во внимание.

и 6 примеров безударного употребления этих местоимений.

Типичным для энклитик положением является положение местоимения после глагола: из 187 случаев употребления в 126 случаях местоимения *ма, та, са, нь, въ* стоят непосредственно после глагола.

После предлогов встречаются исключительно только формы вин.п. /17 примеров/. М.А. Гадолина считает, что "Способность кратких форм вин. ед. к предложному употреблению, фиксируемая древнейшими памятниками славянской письменности, является весьма существенным аргументом против отнесения кратких форм вин. ед. в разряд энклитик"¹⁸. Материал Саввиной книги подтверждает вывод М.А. Гадолиной о том, что в данный период местоимения *ма, та, са, ны, въ* не могут считаться энклитиками, поскольку они встречаются и под логическим ударением и после предлогов. Но тот факт, что эти местоимения часто употребляются и без логического ударения и в позициях, характерных для энклитик, а формы род.-вин.п. обычно ударяемые и часто употребляются в противопоставлениях и параллелях, указывает на то, что процесс возникновения корреляции ударяемых и энклитических местоимений в данную эпоху находится уже в довольно продвинутой стадии.

Как известно, собственно личных местоимений 3. лица в старославянском языке не было, в этой роли в им.п. употреблялись указательные местоимения *онъ, тѣ, съ*, а в косвенных падежах - формы от местоимения *и*, поэтому у личных местоимений 3. л. и не могло быть омонимии форм им. и вин.п. Однако, если местоимение *и* входило в состав прилагательного, местоименного прилагательного или относительного местоимения, то оно имело форму им.п., которая совпадала с формой вин.п.

В Саввиной книге у местоимения 3. л. ед.ч. м.р. форма вин.п. встречается 183 раза, а форма род.-вин.п. 22 раза, т.е. в

¹⁸ М.А. Гадолина. История форм личных и возвратного местоимений в славянских языках. М., 1963, стр. 58.

10,7 % всех примеров. В сочетании с предлогами в большинстве случаев /16 раз/ употребляется форма вин.п., а форма род.-вин.п. - всего один раз:

л. 836. вѣроваша въ него

В функции объекта местоимение 3.л. очень редко заменяет названия предметов или понятий, в таких случаях всегда сохраняется форма вин.п. /4 примера/, названия животных заменяет 3 раза, и при этом один раз мы находим форму род.-вин.п.:

л. 62. аще котораго васа оузы ли волъ въ студеньць
впадетъ и абие истрыгнетъ его въ днь саботаны

Такое небольшое количество примеров не дает возможности сделать какие-либо определенные выводы.

Что касается относительных местоимений ед.ч. м.р., то материал Саввиной книги дает следующую картину:

Форма вин.п. относительно человека употребляется один раз /л. 1486. на нъже оузыриши/, относительно предметов, понятий - 3 раза, во всех 4 примерах после предлогов на и въ. Форма род.-вин.п. 17 раз употребляется относительно живых существ и один раз - относительно понятий:

л. 39. ако всанъ глѣзъ празднь егоже аще глѣзъ уѣци

Значительное различие в частоте употребления род.-вин.п. у личного местоимения 3.л. и у относительного местоимения объясняется тем, что у первого не было омонимии и вин.п., а у второго эта омонимия была налицо. Во избежание омонимии, по аналогии с другими указательными местоимениями, употребляется форма род.п.¹⁹, а старая форма вин.п. сохраняется лишь там, где предлог ясно указывает

¹⁹ Форму его А. Мейе считает ударным вин. падежом относительного местоимения. Указ. соч., стр. 348-349.

на падежную принадлежность данного местоимения.

Во мн.ч. личных местоимений 3.л. и относительных местоимений формы им. и вин.п. совпадают только в ср. и ж. роде /у небольшой с точки зрения частоты употребления группы местоимений/, а в м.р. нет вышеупомянутой омонимии. Во мн.ч. употребление род.-вин.п. редко, у местоимений 3.л. встречается один пример /вин.п.: 13 примеров/, у относительных местоимений 4 примера²⁰ /вин.п.: 42 примера/. Во всех этих примерах местоимения род.-вин.п. /причем беспредложного/ заменяют названия людей; относительно предметов и понятий употребляется только вин.п., но всегда в сочетании с предлогами.

По небольшому числу примеров Саввиной книги невозможно судить о том, соотносимо ли употребление род.-вин.п. личных местоимений 3.л. и относительных местоимений с возникновением категории лица или одушевленности. Но чисто формальное употребление падежной формы относительных местоимений ед.ч. /после предлогов - форма вин.п., без предлогов форма вин.п., независимо от значения/ и дальнейшая судьба славянских языков не свидетельствует в пользу такого предположения. По нашему мнению, с категорией лица или одушевленности могут соотноситься только существительные, прилагательные, местоименные прилагательные и причастия.

В заключении мы считаем целесообразным суммировать наши наблюдения.

1/ Изучая материал Саввиной книги, можно видеть, что в тех группах имен, в которых появление род.-вин.п. подкреплено омонимией им. и вин.п., широко распространено

- ²⁰
л. 26.	сѣнаѣхъ нѣмѣ твоѣ ѹбоиѣ нѣхъже дасть ми отъ
всего мира. твоѣ бѣша и мнѣ дасть а.
л. 266.	стѣи и сѣблюди нѣхъ о имени твоѣмѣ. еже дасть ми.
л. 326.	бѣ бо ѹбои нѣхъ
л. 47.	въпроси нѣхъ ꙗко
л. 486.	и грѣшныи бо любаша нѣхъ любати

употребление род.п. вместо вин.п. /имена существительные, прилагательные, причастия, местоименные прилагательные, относительные местоимения ед.ч. м.р./. В группах имен, где нет такого сильного мотивирующего фактора, род.-вин.п. употребляется значительно реже /личные местоимения ед. и мн.ч., возвратное местоимение, а также все имена мн.ч./. Распространение нового языкового явления путем аналогии происходит сравнительно быстро и интенсивно, если оно способствует сохранению или восстановлению внутреннего порядка данной языковой системы. Если же новое явление является безразличным с точки зрения функционирования языка, если язык и без нового явления способен выполнять свою основную коммуникативную функцию, то новое языковое явление распространяется значительно медленнее.

2/ Форма вин.п., равная род.п., по всей вероятности, возникла у вопросительного местоимения *кѣто* и у указательных местоимений /местоименных прилагательных/. Вследствие фонетических изменений в системе языка возникла омонимия /неразличение форм падежа объекта и субъекта/, мешающая беспрепятственному осуществлению коммуникативной функции, поэтому система языка стремилась к устранению этой помехи²¹. Формальные и функциональные совпадения род. и вин. падежей как бы определяют соответствующее, уже существующее в языке, средство для устранения омонимии. Начинается языковой процесс, который охватывает не все имена, у которых вышеупомянутая омонимия налицо, а только часть этих имен: имена со значением лица или живого существа, поскольку они чаще других имен могли выступать в предложениях, где неразличение падежа объекта и субъекта могло привести к двусмысленности, причем этому способствовало и значение местоимения *кого*.

²¹ Ср.: В.И. Георгиев. "...структурата се самоуправулира..."
Указ. соч., стр. 15.

3/ Род.-вин.п. под влиянием указательных местоименных прилагательных постепенно распространялся на прилагательные, причастия, существительные м.р. ед.ч. /при этом известную роль могла играть определенность объекта/. В языке Саввиной книги отражается категория лица у этих имен м.р. ед.ч., хотя процесс становления данной категории еще не завершен. Наблюдаются и зачатки распространения категории лица на мн.ч.

4/ У местоимений /личных и возвратного/ появление род.-вин.п. может объясняться или аналогией мотивированных омонимией форм, или же фонетическими причинами - формы *мѣнѣ*, *тѣбѣ*, *сѣбѣ*, и аналогией - формы *насъ*, *васъ*. Группу личных и возвратного местоимений /причем с этой точки зрения к ним примыкают и относительные местоимения/ от других имен резко отличает тот факт, что появлением новой формы род.-вин.п. или сохранением старой формы вин.п. у них не происходит грамматического разграничения лиц и не-лиц, или живых существ и неодушевленных предметов.

5/ У личных местоимений 3.л. и у относительных местоимений нет семантического или функционального различия между вариантами: дальнейшая судьба славянских языков свидетельствует об утрате одного из вариантов.

6/ У вариантов личных местоимений 1. и 2. л. и у возвратного местоимения возникает функциональное различие: формы род.-вин.п. начинают употребляться под логическим ударением, формы же вин.п. становятся энклитиками. Подобно возникновению категории лица и возникновению оппозиции ударных и энклитических местоимений, по свидетельству Саввиной книги, в данную эпоху является еще процессом незавершенным.

УКРАИНСКИЙ ГОМИЛИАРИЙ 1588 ГОДА

I. Предварительные сведения

М. Кочиш

Данная работа является введением в подробный палеографический, графико-орфографический, фонетический и морфологический анализ пока не известного лингвистического памятника, хранящегося в Отделе рукописей Национальной библиотеки им. Сечени /г. Будапешт/ под шифром "Церковнославянские рукописи на листе № 9" [†]. В Инвентарном каталоге церковнославянских рукописей библиотеки об интересующем нас памятнике пишется следующее: *Homiliarium, sive collectio sermonum ad sancta evangelia scriptorum. Ms. redact. ruthen. a. 1588 /v. f. 4b/ in Polonia scriptum - f. 224.* Согласно этому, данную рукопись мы будем называть Украинским гомилиарием 1588 года /в дальнейшем: УГ/.

На своем сегодняшнем месте хранения УГ находится с 1904 года. Вместе с другими славянскими рукописями библиотека получила его в дар от известного венгерского историка Антала Ходинки.

В настоящем своем виде УГ состоит из 224 бумажных листов. Он неполон: его начало и конец отсутствуют, кроме этого, утеряны листы и в самой рукописи /в частности, между лл. 223 и 224/. На это указывают и сделанные карандашом пометки внизу л. 224б "около 30 листов /sic!/ вырвано". Подписавшийся /монограмма НТ (?)/, возможно, является тем же человеком, который на л. 4б сделал следующую запись также карандашом:

[†] Автор выражает искреннюю благодарность сотрудникам библиотеки Е. Виндиш и А. Визкегети за оказанную ему помощь в работе над рукописью.

1875

1588

=287, т.е. определил для себя древность рукописи.

Оригинальная пагинация УГ написана тоже карандашом, однако, она, судя по форме цифр, сделана другой рукой, и, может быть, предшествовала машинной пагинации, выполненной сотрудниками библиотеки перед второй мировой войной.

В начале 60-х годов находившийся в очень плохом виде УГ был реставрирован. При этом, к дырам и оторванным местам была подклеена свежая бумага, а обложка обновлена. Рукопись была разъята на отдельные листы, а потом снова переплетена. Следовательно, оригинальные тетради не сохранились.

Внизу л. 46 мы находим дату написания УГ: 1588.

Текст написан в один столбец, каждый столбец содержит по 27 строк.

УГ можно разделить на две части: 1/ предисловие и 2/ основной текст.

1/ Части предисловия /как в рукописи пишется "прѣмова"/:

л. 1а /начало текста носит фрагментарный характер/:

те ꙗко и хс въ поину сѣльскои глѣ ш сѣщѣи и ш пашѣи
сѣмени на нѣмени

л. 2а: до ка́ждоꝝ хрѣ́тиа́ньскоꝝ у́лѣа ко́рѣнь оꝗпомина́на и
прѣмова

л. 4а: кто хо́уе ѹ́нѣати или переписѣвати сѣ́ѣ книгоꝝ подобаетъ
мѣ́тливѣу и незабѣ́новѣу быти

л. 4б: за́кла сѣ́лѣа гѣ́ѣ въѣ коꝝ ѹ́ти и хвалѣ́ въ то́ѣи еди́ноꝝ

2/ На л. 5а под заставкой мы читаем: пооꝗуе́нѣа избра́на ѡ́
сѣ́го сѣ́лѣа и ѡ́ мно́гѣи вѣ́твѣи пи́санѣи глѣ́маа ѡ́ архѣ́ереа и
оꝗу́стѣи въ всакоꝝ мѣ́лю на пооꝗуе́нѣе хрѣ́тоꝗи́меннѣи лю́деи или
проꝗита́ема. За этим следуют чтения, предназначенные для раз-
ных церковных служб. Они состоят из евангельских отрывков и

связанных с ними проповедей. Вначале идет пасхальный цикл с Троицы постной, а за ним - непреходящие праздники.

В дальнейшем перечисляются дни, на которые в УГ имеются чтения. Так как соответствующие отрывки из Евангелия в некоторых случаях расходятся в количестве читаемых стихов с Уставом, мы считаем заслуживающей внимания и их публикацию:

№	Лист	День	Отрывок
1	5а в	нѣ ш мыта н фарисен	Лк., XVIII, 10-14
2	96 в	нѣ блѣвнѣаго сына	Лк., XV, 11-32
3	166 в	нѣ мѣапѣноуѣ	Мф., XXV, 31-46
4	216 в	нѣ сыропоуѣ	Мф., VI, 14-21
5	25а в	нѣ ѿ поста ш православіи	Ин., I, 43-51
6	29а в	нѣ в по	Мк., II, 1-12
7	34а в	нѣ г по	Мк., VIII, 34-IX, 1
8	39а в	нѣ а по	Мк., IX, 17-31
9	43а в	нѣ б по	Мк., X, 32-45
10	47а в	сов лазоревоу	Ин., XI, 1-45
11	506 в	нѣ ѿ цѣвнѣ	Ин., XII, 1-18
12	55а в	н стоуѣ вѣнкоуѣ нѣ пахи на тр	Ин., I, 1-17
13	59а в	п нѣ свѣ нѣ	Ин., I, 19-28
14	626 в	нѣ доминоу	Ин., XX, 19-31
15	666 в	нѣ г по пѣць ш мироносца	Мк., XV, 43-46; XVI, 1-8
16	716 в	нѣ а по па ш раслабленію	Ин., V, 1-15
17	75а в	нѣ е по па ш самараны	Ин., IV, 5-42
18	80а в	нѣ ѿ по пѣць слѣпаго	Ин., IX, 1-38
19	836 в	нѣ вѣнѣніа	Лк., XXIV, 36-53
20	88а в	нѣ з по па стѣи шць	Ин., XVII, 1-13
21	92а в	нѣ пааетнѣ	Ин., VII, 37-52; VIII, 12
22	96а в	нѣ ѿ всѣ етъи /sic!/ XIX, 27-30	Мф., X, 32-33, 37-38; XIX, 27-30
23	1006 в	нѣ г	Мф., VI, 22-33
24	105а в	нѣ а	Мф., VIII, 5-13
25	108а в	нѣ б	Мф., VIII, 28-IX, 1

№	Лист	День	Отрывок
26	1106 в не ^х ^з		Мф., IX, 1-8
27	1136 в не ^х ^з		Мф., IX, 27-35
28	117а в не ^х ^н		Мф., XIV, 14-22
29	1196 в не ^х ^а		Мф., XIV, 22-34
30	124а в не ^х ^т		Мф., XVII, 14-23
31	1276 в не ^х ^а		Мф., XVIII, 23-35
32	1316 в не ^х ^в		Мф., XIX, 16-26
33	135а в не ^х ^г		Мф., XXI, 33-42
34	139а в не ^х ^а		Мф., XXII, 1-14
35	143а в не ^х ^е		Мф., XXII, 35-46
36	1466 в не ^х ^з		Мф., XXV, 14-30
37	1496 в не ^х ^з		Мф., XV, 21-28
38	153а в не ^х ^н		Лк., V, 1-11
39	156а в не ^х ^а		Лк., VI, 31-36
40	159а в не ^х ^к		Лк., VII, 11-16
41	1616 в не ^х ^{ка}		Лк., VIII, 5-15
42	1666 в не ^х ^{кв}		Лк., XVI, 19-31
43	170а в не ^х ^{кг}		Лк., VIII, 26-39
44	174а в не ^х ^к		Лк., VIII, 41-56
45	1776 в не ^х ^{ке}		Лк., X, 25-37
46	182а в не ^х ^{кс}		Лк., XII, 16-21
47	1856 в не ^х ^{кз}		Лк., XIII, 10-17
48	1896 в не ^х ^{ки}		Лк., XIV, 16-24
49	1946 в не ^х ^{кф}		Лк., XVII, 12-19
50	1976 в не ^х ^л		Лк., XVIII, 18-27
51	2016 в не ^х ^{ла}		Лк., XVIII, 35-43
52	2046 в не ^х ^{ав}		Лк., XIX, 1-10
53	207а в не ^х ^{пре в^завин^ие}		Ин., III, 13-17
54	2106 в не ^х ^{по в^завин^ии кр^ста}		Мк., VIII, 34-IX, 1
55	2156 в не ^х ^{сты^х праш^ць}		Лк., XIV, 16-24
56	2206 в не ^х ^{пре р^оство^м сты^х щ^ь}		Мф., I, 1-17

№	Лист	День	Отрывок
57	2236	В НѢ ПО РОСТВѢ ХВЪ ТАЖ НѢЛА и СТЫМЪ МЛАДЕНЦЕМЪ	Мф., II, 13-18 /фрагм./
58	2246	В НѢ ПРЕ КРЩЕНІЕ ГНМ	Мк., I, 1-7 /фрагм./

В заключение печатаются два отрывка из текста УГ. Первый - из Евангелия /Мф., II, 13-15/, а другой - из пропове-
ди на праздник Торжества Православия.

л. 2236 ...

ГДѢ ШИШЛИ ШНЫИ ФИЛОСОФИ И АГГЛЪ
ГНЪ ВЪ СНѢ ЯВНСА ІШСНФОУ И РЕ ВЪ
СТАНЪ ПОИМИ ОТРОУА И МТРЬ ЕГО
И БЕЖИ ДО ЕВУПТОУ И БОУ ТА ТА ДО
ГО А ТИ ЗАШПОВѢ БО ХОЩЕ ІРѢ И
СНАТИ ОТРОУАТЕ И ХОУѢ ЗАГОУЕН
ТИ ЕГО А ШНЪ ВСТАВШИ ВЪА ОТРО
УА И МТРЬ ЕГО В МОУИ И ШИШѢ ДО ЕГВ
ТОУ И БЫ ТА А ДО СМѢТИ ІРОДОВЫ
АВЫ СА ШНОЕ ВЫПОННЛО ШТО ПОВИДѢ
ГЪ ПРЕ ПРОКА ІШСІА ТЫИ СЛОВЫ
Ш ЕГВТА ВЪВЪ СНА МОЕГО ...

...

л. 26а СЛЫШАЛИ ЄСТЕ НАИМИШІИ ХРѢІАНЕ
ПРЕ ННѢШНЕЕ СТѢЕ ЄУЛІЕ ІАНО ТО РА
УИ ЕГО СТАА МЛТЬ СНѢ БЖІИ СОЦЕ
ОУМЫСЛЫ И ОУИНИИ ЛДСНІИ ЗНАТИ
ПОКАЗОВА ЛАСКОУ СВОЮ БЪ ШЦѢ НЕНЫ
В СТАРО ЗАКОНѢ ІАНО ТО ІАКОВОУ
ПАТРИАРХОУ ЖИДОВСКОМУ НА ДОРО

зѣ ш уѣ свѣуѣ прѣвѣи книги мѡѡсѣш
вы видѣль въ снѣ лѣстницю кото
раа досагла нѣа тѣ же и показоуѣ снѣ
бѣи сѣ собож сѣсь уотѣдѣсѣным по
нако лѣстницеж то ѣ како вы прѣзѣ
нѣанѣи стоупенѣ прѣ тѣи сѣм
посным неделѣ стѣжкоу до црѣва
нѣнаго Прѣвѣи стоупенѣ сѣ знаѣи
прѣваа неделѣ поста смотри жѣ
ѣа бы сѣз него не спѣа дрѣжисѣ его мо
но то ѣ заѣни поститисѣ вѣи
нѣи злостѣи сѣой жебы та дѣаволь
непрѣатѣ твои доушным не зѣель
с того стоупене з довоги правои

...

СЛУЦКАЯ ПСАЛТЫРЬ

И.Х. Тот

Введение

Слуцкая псалтырь /в дальнейшем СлПс/ занимает особое место среди данных памятников кирилловского письма. Ее особое положение объясняется двумя обстоятельствами: 1, оригинал СлПс не сохранился 2, по сей день окончательно не решен вопрос языковой принадлежности этого весьма интересного памятника; большинство ученых считает ее памятником древнеболгарского языка, другие же видят в ней памятник древнерусской письменности.

СлПс была найдена художником Д.М. Струковым в 1867 г. в Слуцке, недалеко от Минска. В Слуцке¹ имелось значительное собрание древних рукописей и старопечатных книг. По-видимому, из этого собрания попала СлПс в руки Д.М. Струкова, который пять листов найденной им рукописи передал И.И. Срезневскому. Рассмотрев особенности письма, И.И. Срезневский установил, что вновь открытый памятник кирилловского письма принадлежит к числу "древнейших памятников славянского письма", в котором нет "русских и сербских признаков"². Таким образом, эта псалтырь, которая называется И.И. Срезневским по месту нахождения Слуцкой, может служить ученым ценной информацией о древнейшем типе старославянского языка /термин И.И. Срезневского/.

Убедившись в древности псалтыри, И.И. Срезневский дал ее краткое описание и опубликовал ее текст с дополнениями, взятыми из другого неизвестного нам русского списка Псалты-

¹ Отчет орд.проф. Е. Карского о научных занятиях в библиотеках Москвы, Троице-Сергиевой Лавры и Слуцка. Варшава, 1898, стр. 19.

² И.И. Срезневский. Древнейшие славянские памятники юсового письма. СПб., 1868, стр. 3, 35.

ри XI в.

В своем кратком описании И.И. Срезневский остановился на палеографической характеристике СлПс. Однако в этой характеристике за исключением букв *з* и *х* он не распространяется на характеристику отдельных букв, а ограничивается общей характеристикой почерка. Почерк, по И.И. Срезневскому, "несколько скошенный, неровный". Текст написан в 4-у по 28 строк на каждом листе. Строки то короткие, то длинные. По-видимому, писец оставлял значительное расстояние между строками для толкований, которые, однако, все-таки отсутствуют. СлПс состоит из пяти листов. Текст был списан одним писцом, хотя возможно, что третий лист был списан "частью другим писцом". Об этом свидетельствуют своеобразные отклонения СлПс, которые можно считать русизмами³.

Из анализа, сделанного И.И. Срезневским, видно, что он свое внимание сосредоточивает на графических, орфографических особенностях вновь найденной рукописи, а ее палеографические особенности остаются вне поля зрения.

И.И. Срезневский сделал своей рукой прориси с рукописи, которые в настоящее время находятся в Библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде. Эти прориси дают нам представление об особенностях СлПс, так как ее оригинал исчез еще при жизни И.И. Срезневского.

И.И. Срезневский в своем произведении "Древние славянские памятники юсового письма" впервые опубликовал текст СлПс, однако с дополнениями из другой для нас неизвестной рукописи XI в. русского происхождения⁴.

Вскоре за первоизданием появился труд В.И. Срезневского "Древний славянский перевод Псалтыри", в котором он рассматривает некоторые особенности графики и языка⁵. Новизну анализа

³ И.И. Срезневский. Древние славянские памятники юсового письма. СПб., 1868, стр. 21, 23

⁴ И.И. Срезневский. Указ. соч., стр. 115-165.

⁵ В.И. Срезневский. Древний славянский перевод Псалтыри. СПб., 1877, стр. 13-14 /на стр. 9, 10 говорится только о ВПс/.

В.И. Срезневского представляет детализация графических особенностей рукописи /употребление широкого о с точкой в начале слов, употребление буквы џ вместо шт/ и то высказывание В.И. Срезневского, что "по тексту Слуцкая псалтырь сходна более с Толстовскою, чем какую-либо другою"⁶.

Насколько большое значение придали ученые вновь открытому памятнику древнего кирилловского письма, показывает тот факт, что А. Лескин привлек ее данные к изучению судьбы редуцированных гласных в своей статье, вышедшей в 1875 г.⁷ Рассматривая особенности употребления букв ѡ, ѣ, А. Лескин приходит к заключению о том, что СлПс по этой своей черте близка к Саввиной книге. А. Лескин выделил и те случаи особенности графики, когда вместо ѡ ставится буква ѣ. Он же указал и на написания твор.п. ед.ч. с-ѡмъ⁸.

И.В. Ягич спустя несколько лет после издания И.И. Срезневского тоже опубликовал текст СлПс в своей знаменитой хрестоматии "Образцы языка церковнославянского". Ягич издал СлПс без тех дополнений, которые были даны к тексту И.И. Срезневским. Подчеркивая чрезвычайную важность СлПс, И.В. Ягич помещает текст среди несомненных древнецерковнославянских памятников, выделяя ей место перед Супрасльскою рукописью⁹.

И. Огієнко считает, что В. Ягич опубликовал текст СлПс по изданию И.И. Срезневского без существенных изменений¹⁰. Однако дело обстоит иначе. Ягич издал СлПс не только без дополнений, сделанных И.И. Срезневским, но и устранил некоторые недосмот-

⁶ В.И. Срезневский. Указ. соч., стр. 14.

⁷ A. Leskien. Die Vocale ѡ /u/ und ѣ /i/ in den sogenannten alt-slovenischen Denkmälern des Kirchenslavischen. Berichte über die Verhandlungen der Königlich Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-historische Classe. Band 27, 1875, стр. 38, 87-89.

⁸ A. Leskien. Указ. соч., стр. 88, 90.

⁹ И.В. Ягич. Specimina linguae Paleoslovenicae. СПб., 1882, стр. 52-57.

¹⁰ І.Огієнко. Пам'ятки старослов'янської мови X-XI віків. Варшава, 1929, стр. 388.

ры, неточности первоиздания. Коррективы И.В. Ягича касаются главным образом тех особенностей СлПс, в которых И.И.Срезневский видел своеобразные русизмы.

И.И. Срезневский, выделяя на третьем листе рукописи следы второй руки, указывает на то, что на этом листе /строки 113-168/ имеются своеобразные отклонения, которые, являясь русизмами, подтверждают наличие второго, возможно, русского писца¹¹. В издании И.В. Ягича этих русизмов нет. СлПс была издана в 1938 г. М. Вейнгарт. Во втором издании хрестоматии Вейнгарта тоже повторяется переиздание СлПс. Вейнгарт часть текста сравнил со списком СлПс, однако и в его издании отсутствуют те русизмы, которые были выделены И.И. Срезневым. Соотношение трех изданий СлПс мы покажем на следующей таблице:

И.И. Срезневский строки	И. Ягич стих	М. Вейнгарт
123 наоуѹб ^б	71. наоуѹбсА	наоуѹб сА
140 азъ же поглѹблю ^б	78. азъ же поглѹ- мѹлѹ сА	азъ же поглѹ- мѹлѹ сА
148 глаголю ^б	82. глаголюще	глаголюще
158 сѹконѹваша	87. сѹконѹвашА	сѹконѹвашА
165 землю	90. землѹ	землѹ

По-видимому, формы с русизмами в издании И.И. Срезневского оказались ошибками и были устранены И. Ягичем. Однако дело обстоит сложнее потому, что И. Ягич в своих примечаниях к тексту СлПс перечисляет все эти случаи, указывая на то, что в рукописи они встречаются, поскольку изданы И.И. Срезневым¹². Здесь непонятно, что имеет в виду И.В. Ягич под рукописью: копии, сделанные рукой И.И. Срезневского или какой-нибудь список, полученный от И.И. Срезневского. Ягич не говорит о

¹¹ И.И. Срезневский. Указ. соч., стр. 23.

¹² И.В. Ягич. Указ. соч., стр. 56.

том, что внес ли он какие-либо изменения, исправления в издание СлПс, выполненное И.И. Срезневским, Внимательный просмотр отклонений в изданиях И.И. Срезневского и И.В. Ягича убеждает нас в том, что речь идет о важнейших особенностях языка, которые имеют решающее значение для определения редакции СлПс. Если указанные И.И. Срезневским отклонения от древнеболгарской нормы действительно имеют место в СлПс, то вряд ли можно говорить о ней как о памятнике "древнеболгарского канона". Поскольку из-за отсутствия снимков с копий, сделанных И.И. Срезневским, мы не можем судить о том, какие отклонения имеют место в СлПс, нормативным текстом считаем издание И.В. Ягича. Таким образом, примеры на утрату носовых гласных в языке СлПс, приведенные И.И. Срезневским, мы должны оставить в стороне и вынуждены найти другие примеры для определения редакции интересующего нас памятника.

Здесь следует указать и на тот факт, что имеются расхождения между изданным И.И. Срезневским и И.В. Ягичем текстом СлПс, с одной стороны, и между изданием М. Вейнгарта - с другой.

М. Вейнгарт в своем введении к тексту СлПс сообщает, что часть издания И.В. Ягича сравнил со снимком рукописи¹³. Сравнивая стихи 12 - 24 118-ого псалма, он установил отклонение от издания И.В. Ягича. Однако М. Вейнгарт не указывает, о каких расхождениях идет речь. В проверенном М. Вейнгартом тексте имеются три таких написания, которых нет ни в издании И.И. Срезневского, ни в издании И.В. Ягича. Нет этих отклонений и в переиздании текста СлПс, предпринятого В. Вондраком. Последний факт может объясняться тем, что В. Вондрак, по всей вероятности, переиздал текст, опубликованный И.В. Ягичем. Указанные расхождения проявляются в графической особенности СлПс, а именно, в употреблении буквы **А**. В издании М. Вейнгарта 3 раза встречается буква **А**, чего нет в других изданиях:

¹³ M. Weingart. Texty ke studiu jazyka i písemnictví staroslověnského. Druhé, revidované vydání nově uzdaninové upravil J. Kurz. Praha, 1949, стр. 100.

строка	И.И. Срезневский	стих	И.В. Ягич	В.Вондрак	М.Вейнгарт
5	твоѣа	12	твоѣа	твоѣа	твоѣа
23	ѣа	21	ѣа	ѣа	ѣа
27	ѣа	23	ѣа	ѣа	ѣа

Ни И.И. Срезневский, ни В.И. Срезневский, описавшие особенности графики, не упомянули об этой букве, хотя оба касаются случаев употребления буквы **ѣ**. И.В. Ягич также не приводит примеров на написание буквы **ѣ**. Даже М. Вейнгарт, который часто указывает на особенности графики и текста, не отмечает наличия этой буквы в тексте СлПс. Эти обстоятельства заставляют нас не принимать для оригинального текста написаний с **ѣ**. Таким образом, пользуясь изданием М. Вейнгарта, мы исправляем его текст по имеющимся изданиям СлПс, а три случая постановки буквы **ѣ** считаем только описками издания, осуществленного М. Вейнгартом. Вопрос об отсутствии или наличии буквы **ѣ** не является для нас излишней филологической акрибией, потому что употребление буквы **ѣ**, если оно действительно имело бы место в оригинале СлПс, повлияло бы на определение принадлежности СлПс к разным древнеболгарским школам. Если буквы **ѣ** нет в СлПс, то СлПс принадлежит к той графической школе, которая представлена Супрасльской рукописью и Хиландарскими листками. Если в оригинале СлПс встречаются буквы **ѣ**, **ѣ**, то ее можно отнести к той школе, которая имеет место в Саввиной книге, где встречаются буквы **ѣ**, **ѣ**, **ѣ**¹⁵. К этой школе отнес СлПс болгарский ученый И. Гылыбов¹⁶.

Прежде чем закончить обзор литературы о СлПс, приведем список тех работ, которые касаются интересующего нас памятника:

И.И. Срезневский. Древние славянские памятники юсового письма. СПб., 1868. т. III. стр. 21-24, 155, 165.

¹⁴ И.И. Срезневский. Указ. соч., стр. 155, 156, И.В. Ягич. Указ. соч., стр. 52, В. Vondrak. Altkirchenslavische Chrestomatie. Wien, 1910, стр. 83, М. Weingart. Указ. соч., стр. 100, 101.

¹⁵ П.А. Лавров. Палеографическое обозрение кирилловского письма. Петроград, 1914, стр. 38, 40, 42.

¹⁶ И. Гылыбов. Древнеболгарские...

A. Leskien. Die Vocale *ǣ/Ǖ/* und *ǣ/Ǚ/* in den sogenannten altslovenischen Denkmälern des Kirchenslavischen. Berichte über die Verhandlungen des Königlich Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig, 1875, стр. 38, 87-89.

В.И. Срезневский. Древний славянский перевод псалтыри. СПб., 1877, ч. I, стр. 13-14.

И.В. Ягич. Specimina linguae Paleoslavicae. Образцы языка церковнославянского. СПб., 1882, стр. 53-56.

W. Vondrak. Altkirchenslavische Chrestomatie. Wien, 1910, стр. 82-84.

W. Vondrak. Altkirchenslavische Grammatik. Berlin, 1912, стр. 36.

П.А. Лавров. Палеографическое обозрение кирилловского письма. Петроград, 1914, стр. 43.

Е.Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография по древнейшим памятникам глаголической и кирилловской письменности. Л., 1928, стр. 30.

M. Weingart. Skloňování jazyka staroslověnského s uvodem do staroslověnské mluvnice. 3 vyd. Praha, 1928, стр. 59.

І.Огієнко. Пам'ятки старослав'янської мови X-XI віків. Варшава, 1929, стр. 56-57, 388, 392.

P. Diels. Altkirchenslavische Grammatik. I-e Teil. Grammatik. Heidelberg, 1932, стр. 10.

M. Weingart. Texty ke studiu jazyka i písemnictví staroslověnského. Druhé revidované vydání nově upravil J. Kurz. Praha, 1949, стр. 100-105.

А.М. Селищев. Старославянский язык. Часть I. Москва, 1951, стр. 87.

Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. Перевод В.В. Бородич. Москва, 1956, стр. 40, 54.

Slovník jazyka staroslověnského. Hlavní redaktor J. Kurz. 2. Uvod. Prolegomena. Praha, 1959, XLIV, LXXVII.

J. Kurz. Učebnice jazyka staroslověnského. Praha, 1969, стр. 33.

К. Мирчев. Старобългарски език. София, 1972, стр. 12.

И. Гълъбов. Старобългарски език с увод в славянското езикознание. София, 1980, стр. 72, 79.

Все исследователи, изучавшие СлПс, согласны в том, что она является древним памятником кирилловского письма. Лучше всех выразил это мнение П.А. Лавров, который писал по этому поводу следующее: "Рукопись бесспорно относится к XI веку".

Подводя итоги тем научным изысканиям, которые ученые уделили СлПс, мы можем сказать следующее:

СлПс является фрагментом псалтири, написанной кириллицей. Она содержит отрывочно стихи 118-ого псалма в следующей последовательности: 10-93, 101-106, 148-154, 161-176. СлПс состоит из 5 листов, написанных в один столбец по 28 строк на каждом листе. Рукопись была списана одним писцом, хотя частично не исключено наличие второй руки на л.3. СлПс является памятником древнеболгарской письменности. СлПс, по всей вероятности, можно датировать XI веком.

I. Графика

В интересующей нас рукописи можно отметить употребление следующих букв: а, б, в, г, д, е, ж, з, и, ^ик, л, м, н, о, ^оп, р, с, т, ^уу, ф, х, ш, ц, ч, ш, щ, ъ, ^ыы, ѳ, ю, ^ѣѣ, ^ѥѥ, ^ѧѧ, ^ѨѨ, и □ / в значении ш/. Последний вариант буквы ш встречается только раз в частице ^ѧѧ□.

Широкое *о/ѵ/* пишется, по наблюдениям В.И. Срезневского, в начале слов и слогов¹⁷. Для графики СлПс характерно исключительное употребление буквы *ѵ*. Наряду с этими чертами графики, проявляющимися в употреблении букв, своеобразными особенностями графической системы СлПс являются следующие тенденции, которыми более или менее выдержанно руководствовался писец:

1. Широкое и последовательное употребление букв ж, л, от которого имеются только единичные отклонения.

¹⁷ В.И. Срезневский. Указ. соч., стр. 13.

2. Постановка буквы **А** в функции **а**.
3. Широкое употребление букв **ѣ**, **ш**.
4. Ограниченное употребление йотированных букв, которое выражается в редком употреблении буквы **ѣ** вместо которой пишется **е**.
5. Частое употребление надстрочных, диакритических знаков, которое, однако, не отражается изданиями И.В. Ягича и М.Вейнгарта.

В дальнейшем мы рассмотрим отдельно наиболее важные графические тенденции СлПс.

1. Употребление букв **ж**, **ѣ**

Буква **ж** пишется в корнях в следующих случаях: **пѣти** 100, **101 /3х/**, **пѣти** 100, 101, 102, 104, **завѣ** 100, 104, **сѣть** 101, **пѣть** 101, **сѣбѣ** 101 /2х/ 104, **сѣбѣ** 101, 102 /2х/ 104, **рѣцѣ** 102, 103, **прѣстѣпаѣ** 102, **жѣ** 102, **вѣди** 103, **вѣдѣ** 103, **тысѣ** 103, **законпрѣстѣ** 103, **пѣнни** 103, **сѣдѣ** 103, 104, **пѣть** 104, **по сѣбѣ** 104, **пѣть** 104 /2х/, **сѣди** 104, **о сѣбѣ** 104, **завѣдѣ** 105.

В суффиксе тоже ставится буква **ж**: **помѣнѣ** 102 /2х/ **вѣдѣ** 103, **глаголѣ** 103.

В окончании мы встречаем букву **ж** в таких случаях, как: **сѣгрѣ** 100, **поглоумѣ** /sic/ сѣ 100 [поо]уѣ 100, **завѣдѣ** 100, 104, **сѣдѣ** 101, **гладѣ** 101, **взѣнѣ** 101, **взѣнѣ** 101, **сѣхранѣ** 101, **тѣ** 101 **прѣстѣпаѣ** 102, **вѣрѣ** 102, **вѣдѣ** 102, **пооуѣ** сѣ 103, **вѣ** истѣнѣ 103, **вѣдѣ** 103, **постѣ** жѣ 103, **прѣдѣ** 103, **на оуѣ** сѣ 103, **завѣдѣ** 104, **изногѣ** 104, **неправѣдѣ** 104, **помогѣ** 105. Вместо **ѣ** пишется **ж**: **поглоумѣ** сѣ 100, **сѣхранѣ** 101, 104, **твое** жѣ 102, **сѣхранѣ** 101, 103, **испытѣ** 103, **обрѣтѣ** 104 /все-го 7 случаев/.

Буква **ѣ** пишется в суффиксах и окончаниях. В суффиксах **ѣ** встречается в следующих случаях: **оуѣланѣѣ** 101, **оставѣѣ** 102, **ѣ** чаще можем отметить букву **ѣ** в окончаниях: **раз** оуѣѣ /2х/ 100, /2х/ **сѣхранѣѣ** 100, **поглоумѣѣ** сѣ 101, **испытѣѣ** 101, **благостѣѣ** /2х/ 102, **твоеѣ** /2х/ 102, **поглоумѣѣ** сѣ 103, **землѣѣ** 103, **вѣзѣрадоуѣѣ** 104, **твоеѣ** 104. Как мы

видели, имеются случаи, когда вместо буквы ѣ ставится пис-
цом буква а, что можно обнаружить только в окончании: в этом
положении 13 раз пишется буква ѣ; вместо нее в шести слу-
чаях ставится буква а / = ѣ/.

2. Буква а в функции а

Известно, что в древнейших кирилловских рукописях буква ѣ
не встречается¹⁸. Вместо нее обыкновенно пишутся буквы а, а,
а. В Слпс употреблены буквы а, а и а /2х/.

Буква а пишется в следующих случаях: твоеа 100, маа 100, 101,
/10х/, 102 /7х/ 103 /13х/, 104 /8х/, врема 101, са /2х/ 101,
102 /6х/, 102 /3х/, 103 /11х/, 104 /5х/, 105, на стъза 101,
поманахъ 102 /2х/ нма 102, сѣма 102, обѣташа 102, обѣташа
102, причастьникъ 102, хранашнмъ 102, оузьраатъ 103, възвѣс-
селатъ 103, безаконоваша 103, обрататъ 103, гонимнмъ 103,
повѣдаша 103, въса 103, вса 105, погзнаша 103, 104, сѣмонъа-
ша 103, класа 104, приближнша 104, оуаалнша /са/ 104, кзма-
зи 104, та 104, 105/3х/, любашнмъ 104, овуа 105.

На употребление буквы а мы обнаружили такие примеры, как:
ма 100, вса 100, твоя 100, 101 /2х/, 102 /5х/, 103 /3х/, 104
/4х/, 105 /2х/, са 100, проклати/са/ 101, кнази 101, твоеа
101, 102, 103, поносашнмъ 101, помани 102, аже 102, приа
102, часть 102, боашнмъ 102, ахъ 102, боашен 103, са 104,
азнмъ 105.

Явления постановки букв а и а составляют 130 случаев. Из
них буква а употребляется только в 35 случаях, что составля-
ет 26,9% всех возможных написаний с а и а.

По всей вероятности, для древнеболгарского протографа
Слпс можно установить такую графическую систему, которая пред-
ставлена Супрасльской рукописью, где также встречается упот-
ребление букв а, а, из которых буква а ставится только пос-
ле букв, обозначающих согласные.¹⁹ Под сильным влиянием свое-

¹⁸ П.А. Лавров. Указ. соч., стр. 43.

¹⁹ П.А. Лавров. Указ. соч., стр. 38.

го оригинала писец соблюдал правила постановки буквы после букв, обозначающих согласные. Это правило он нарушил только один раз: тѡѡ Δ 100.

Буква $\Gamma\Delta$ встречается в СлПс только два раза: на месте этимологических сочетаний $j + e$: $\Gamma\Delta$ же 102, ѡ $\Gamma\Delta$ щен с Δ 103. Употреблением буквы $\Gamma\Delta$ СлПс выделяется среди древнейших кирилловских памятников, для которых характерно отсутствие буквы $\Gamma\Delta$. Написание с $\Gamma\Delta$ можно объяснить тем, что они попали в графическую систему СлПс при списывании рукописи из графической системы самого писца. Этой своей своеобразной чертой СлПс представляет собой переход от такой графической системы, для которой характерно наличие букв \mathbb{X} , $\mathbb{I}\mathbb{X}$, \mathbb{A} / Δ / к той системе, которая представлена такими древнерусскими рукописями, как Остромирово ев. и Изборник 1073 г., в которых передана графика с четырьмя юсами: \mathbb{X} , $\mathbb{I}\mathbb{X}$, \mathbb{A} , $\Gamma\Delta$.

Прежде чем закончить анализ употребления букв \mathbb{X} , \mathbb{A} , следует указать на отклонение от правильной постановки буквы \mathbb{A} , \mathbb{X} .

В 61-ом стихе 118-ого псалма можно отметить следующее написание в СлПс: $\mathbb{X}\Delta$ грѣшникъ ѡбѣща Δ мнѣ /= $\mathbb{X}\Delta$ грѣшникъ ѡбѣща Δ с $\Gamma\Delta$ мнѣ Син. пс./. Синайская псалтырь указывает на то, что в данном случае мы имеем дело с им.п. мн.ч. среднего рода существительного $\mathbb{X}\Delta$, который, как правило, оканчивается на -а. Эта флексия передается буквой Δ , а это свидетельствует о том, что для писца буква Δ имела значение гласного 'а' после смягченного согласного. Это написание удовлетворительно может объясниться только тем, что оно является своеобразным отражением речи писца, который передал сочетание смягченный согласный + а буквой Δ ; т.е. это отклонение от правильной постановки буквы Δ является русизмом. В 35-ом стихотворении 118-ого псалма мы читаем в СлПс следующее: настави м Δ на стѣ Δ заповѣдани твоихъ, $\Gamma\Delta$ ко тѣ възхотѣхъ /= Настави м $\Gamma\Delta$ на стѣ Δ заповѣдѣ твоихъ \mathbb{X} но то \mathbb{I} възхотѣхъ Син. пс./. В Боньской и Погодинской псалтырях также имеется форма вин.п.

ед.ч. с окончанием -ѣ: на стѣѣ Бол.пс., на стѣѣ Пог.пс. В СлПс вместо стѣѣ встречается форма стѣѣ^Δ, которую рассматриваем как форму вин.п. мн.ч. На форму вин.п. ед.ч. указывает и Киевская псалтырь 1397 г., где читается следующий текст: на стави ма на стѣѣ заповѣди твоихъ, ꙗко то всхотѣхъ /л. 167а/. Однако этому противоречит употребление местоимения та в вин.п. ед.ч.: тѣ. Не менее интересным является и тот факт, что в Син., Бол. и Пл. и Киевск. псалтырях форме тѣ соответствует то. Эти отклонения от предполагаемого для СлПс оригинала объясняются удовлетворительно, если допустим, что писец переосмыслил текст протографа, заменяя форму вин.п. ед.ч. формой вин.п. мн.ч. Однако без согласования в форме мн.ч. у местоимения тѣ.

3. Широкое употребление букв ш и ѣ

Буква ш чаще всего пишется в предлоге, провербе ѣ, хотя ее употребление не является исключительным: ѣ 101/2х/, 102/2х/, 103, 104 /4х/, но от 100, отъ 103, 104, ѣ 100 /как в Русской части Саввиной книги/, отъ 101. В провербах мы отметили следующие случаи: ѣими 101 /3х/, штѣи 101, штѣрати 101, штѣщаѣ 101, штѣните 101. Один раз буква ш употребляется в предлоге ш: шѣемъ 100, как в Русской части Саввиной книги. В конце слова буква ш пишется в слове ꙗко: ꙗкош 103.

Буква ѣ ставится писцом в следующих положениях:
в начале слов: ѣтверѣи 101, ѣѣшии 103, ѣѣвахъ 103, оѣѣшнѣ 103;
внутри слов: ѣѣты 101, разѣмѣ 102, разѣмѣхъ 102, поглѣмѣѣ^Δ 103, глѣмѣиѣ 103, побѣенье 105;
в конце слов: твоѣмѣ 102, 103, 105, разѣмѣ 102, законѣ 103, 105, поѣмѣ 104.

Наши примеры показывают, что нет таких положений, в которых писец дал предпочтение исключительному употреблению буквы ѣ вместо ѣу, тогда как буква ш употреблена им в большинстве случаев /16 раз/ в начале слов за одним исключением /ꙗкош 103/.

4. Ограниченное употребление йотированных букв

Ограниченное употребление йотированных букв проявляется прежде всего в том, что буква *е* часто пишется писцом вместо буквы *ѣ*. Можно выделить следующие разряды написания буквы *е* вместо *ѣ*.

1. В начале слов: *еси* 100, 101, 102 /4х/, 103 /2х/ 104 /4х/, *егда* 101, *его* 101, *есмы* /sic/ 102, *есть* /sic/ 103 /2х/, 104 /2х/, 105.

2. Внутри слов:

После букв, обозначающих гласные: *моемъ* 100, 104 /2х/ *моего* 100, 102, *твое* 100, *твоемю* 101 /2х/, 102 /2х/103, *твоего* 100, 101, 102 /2х/, 103, 104/5х/, *моемъ* 102, *твое* 102, 104, 105, *ищѣаеа* 103, *твоеи* 103, /2х/, 104 /2х/ *прѣнѣаеа* 103 /2х/, 104, *моемъ* 104, *везаконенъмъ* 104, *твоемъ* 103, 105, *просвѣщаеа* 104. Случаи, когда буква *е* ставится после букв, обозначающих согласные, мы здесь не приводим.

3. В конце слов:

После букв, обозначающих гласные: *поношенъ* 101, *оуниченъ* 101, *мое* 101, *твое* 101, 102 /4х/, 103 /2х/, 104, *прѣвѣ* 102, *по оученъ* 103, 104, *мое* 103, 104/3х/, *спасенъ* 103, 105, *пѣтъ* 104, *сѣхренъ* 104, *пѣнь* 105, *поученъ* 105.

Буква *ѣ* ставится писцом в следующих случаях:

1. Внутри слов: *твоѣа* 103.

2. В конце слов после букв, обозначающих гласные: *погыѣ* 105, *оупваниѣ* 102, *пѣтъѣ* 104.

Совсем не встречается написаний с *ѣ* внутри слов и в конце слов после букв, обозначающих согласные:

А. Внутри слов пишется, как правило, буква *е*: *срѣацемъ* 100, *тебе* 100, 103, *мене* 101, 101/8х/, 103, *словеса* 100 /2х/, 101, 103/2х/, 104, *тебѣ* 100, *всемъ* 100, *словесъ* 100, *чюаеса* 100, *земи* 101, *оуниаѣаѣи* сд 101, *оуниченъ* 101, *пооуе* нъѣа 101, *земли* 101, *словеси* 101, 102/2х/, 103, 104 /2х/, *чюаесекъ* 101, *словесъхъ* 101, *направаы* 101, *всемъ* 101, *словесе* 101, *непѣшевакъ* 101, *вѣделѣхъ* 101, *заповѣдемъ* 101, 102, о

немъ 101, сѣтѣнии 102, 104, вѣли 102, печаль 102, всемъ /sic/ 102, сѣдѣмъ 102, 103, тебѣ 102, тебѣ 102, 103/2х/, земли 102, сего 102, 104, неправда 102, серебра 103, воиженъ сѣ 103, възвеселѣтъ сѣ 103, възвеселѣтъ сѣ 103, повелѣниѣ 101, 103, щедроты 103, поученье 103, 104, беззаконникъ 103, воиженъ сѣ 103, вѣдѣнъ 103, непорочно 103, спасенье 103, безъ 103, земли 103, глѣбениѣ 103, небеси 103, небеси 103, земли 103, уничиженъ 103, меа 104, възненавидѣхъ 104, неправды 104, словесемъ 104, словесемъ 104, гонѣнъ 104, беззаконникомъ 104, беззаконникомъ 104, беззаконникомъ 104, безъ 104, словесхъ 104, неправда 104, възненавидѣхъ 104, седьмѣ 104, спасеньѣ 104, спасеть 104, поученье 105, погнѣшѣ 105.

Б. аше 101, сѣдѣце 101, 103 /2х/, 104, даже 102, паче 103, 104, тебѣ 102, 103, се 101/2х/, 102/2х/, же 102, 103, 104, не 102/2х/, 103/5х/, 104/3х/, сѣтвориште 103, сѣздасте 103, глаголаше 103, мене 100, 101/8х/, 103, аше 104, варште 104.

Наши примеры позволяют определить для СлПс следующие тенденции в написании букв ѣ, Іѣ:

1. Не ставить букву Іѣ в начале слов
2. Не писать букву Іѣ внутри слов, после букв, обозначающих согласные
3. Ставить букву Іѣ после букв, обозначающих гласные внутри слов и в конце слов.

Не только буква Іѣ ограничивается графикой СлПс; другие йотированные буквы также заменяются нейотированными:

вместо буквы Ѣ пишется Я: погнѣмъ сѣ 100, сѣхрѣмъ 101, 104, твоѣмъ 102, глаголаше 103, испытѣмъ 103, обрѣтѣмъ 104. В форме сѣхрѣмъ 101, 103 диакритический знак указывает на то, что буква должна читаться как Ѣ. Нами были отмечены и некоторые случаи отсутствия йотированных букв: моа 101, твоа 103, всако 101.

5. Надстрочные /диакритические/ знаки

В СлПс можно выделить два типа надстрочных знаков:

1. Употребление надстрочных точек, запятых и дуг.
2. Употребление тител.

1. Надстрочные, диакритические точки /паерки/, апострофы обыкновенно обозначают пропуск букв з, ь: ш всемь 100, оправданных 100, изнази 101/но изнази 104/, инъ 101, 103/3х/, 104, в'страхъ 101, оупвани^е 102,/но оупва^{хъ} 103/, помолих' с^а 102, оуиножи с^а 103, вс^а 100, 105, всемь 100, оправданных 100, на правды 100, вси 104. Возможно, что в этих случаях в протографе СлПл пропускались буквы з, ь. Однако, как мы увидим дальше, в языке писца редуцированные гласные еще произносились в этих случаях. Писец, проставляя знак ', старался уменьшить ту разницу, которая существовала между протографом и своим произношением.

Надстрочная дуга употреблялась писцом для обозначения йотированных букв или для обозначения йотации: с^ахрана 103, но с^ахрай^а 101, 104. Один раз знак ^с ставится над буквой и: тво^ихъ 101, однако в том же местоимении буква х пишется с выносом, который не обозначается: тво^их 101.

В слове влгнъ над буквой н ставится диакритический знак: влгн^съ. Слова под титлом пишутся довольно редко, что является архаической чертой СлПс: влгн^съ 100, ги 100, вл^стъ|ствъ 100, дше 101, гла^схъ 101.

В издании И.И. Срезневского очень часто употребляется надстрочная точка, которая ставится над буквами е, и, а и пр.: мо^емъ, мо^его, мо^имъ, тво^а-а, тво^еа, мо^имъ^а 20. Однако эти диакритические знаки не передаются изданиями И.В. Ягича и М. Вейнгарта.

Рассмотрев важнейшие особенности графики СлПс, мы остановимся на особенностях сочетаемости букв. Уже первый исследователь СлПс, И.И. Срезневский установил, что в ней имеются случаи

20 И.И. Срезневский. Указ. соч., стр. 155.

"смещения слогов, твердых и мягких"²¹, которые прежде всего выражаются написаниями буквы з вместо ь после букв, обозначающих смягченные согласные. Сочетаемость букв в СлПс проливает свет на определенные орфографические тенденции, которые частью восходят к протографу, частью характеризуют графико-орфографические приемы переписчика. В дальнейшем мы остановимся на вопросах сочетаемости букв ж, ш, ч, с, з, щ, жа с буквами, обозначающими гласные, в особенности с буквами э, ё.

В СлПс возможны следующие случаи сочетаемости букв:

ж+ь: \emptyset , ж+ѣа: \emptyset , ж+ѣе: \emptyset , ж+ю: \emptyset , ж+ѣа: \emptyset , ж+ѣа: \emptyset ,
 ш+ь: \emptyset , ш+ѣа: \emptyset , ш+ѣе: \emptyset , ш+ю: \emptyset , ш+ѣа: \emptyset , ш+ѣа: \emptyset ,
 ч+ь: оуниучьенье 101, вѣтъвѣскаѣа 104, ч+ѣа: \emptyset , ч+ѣе: \emptyset , ч+ю: \emptyset ,
 ч+ѣа: \emptyset , ч+ѣа: \emptyset ,
 з+ь: \emptyset , з+ѣа: \emptyset , з+ѣе: \emptyset , з+ю: \emptyset , з+ѣа: \emptyset , з+ѣа: \emptyset ,
 с+ь: \emptyset , с+ѣа: \emptyset , с+ѣе: \emptyset , с+ю: \emptyset , с+ѣа: \emptyset , с+ѣа: \emptyset ,
 щ+ь: тысьщъ 103, седьмищъаи 104; щ+ѣа: \emptyset , щ+ѣе: \emptyset , щ+ю: \emptyset ,
 щ+ѣа: \emptyset , щ+ѣа: \emptyset ,
 жа+ь: вижаъ 104, жа+ѣа: \emptyset , жа+ѣе: \emptyset , жа+ю: \emptyset , жа+ѣа: \emptyset , жа+ѣа: \emptyset ,
 ж+э: \emptyset , ж+а: \emptyset , ж+е: желѣти 101, еже 101, же 103/2х/,
 ж+оу: \emptyset , ж+а: /а/: жжа 102, ж+а: \emptyset ,
 ш+э: пришьльщъ 100, грѣшъникъ 102/2х/, пришьльствѣа 102,
 ш+а: доуша 101, /2х/, 103, 104, 105, оуслыша 101, ш+е: про-
 шенье 105, поношение 101, погнѣзшеѣе 105, ш+оу: \emptyset , ш+а /а/:
 облазаша 102, безаконоваши 103, повѣдаши 103, погнанаши 103,
 сзконзваша с 103, приближиша с 104, оудалиша с 104, ш+ж:
 сзгрѣша 100,
 ч+э: непорочна 100, ч+а: печаль 100, поучаахъ 102, нсконз-
 васте 103, сзконзваша 103, чаѣахъ 104, ч+е: поученьѣа 101,
 поученье 104, 105, паче 104, ч+оу: воудеса 100, въ воудесехъ
 101, ч+а: часть 102, причастъникъ 102, ову 105, ч+а: наоучъ
 с 103, /поо/учс 100, 103,

²¹ И.И. Срезневский. Указ. соч., стр.

ч+з: прихзльцз 100, сзззльцз 101, ч+а: сзззльцз 100, ч+е: сзззльцз 101/2х/, 103/2х/, 104, сзззльцз 104, ч+оу: личоу 102, ч+а: \emptyset , ч+х: \emptyset , з+з: \emptyset , з+а: стьзльцз 104, з+е: \emptyset , з+оу: \emptyset , з+а /а/: стьзльцз 101, з+х: \emptyset , с+з: \emptyset , с+а: всано 101, с+е: \emptyset , с+оу: \emptyset , с+а: вьса 100, 105, вьса 103, с+х: \emptyset , ш+з: \emptyset , ш+а: штьшльцз 101, просвьшльцз 105, ш+е: не пьшльцз 101, глагольцз 103, аше 104, вошьшльцз 103, кошьшльцз 103, шедоры 103, вьшьшльцз 103, ш+оу: \emptyset , ш+а: \emptyset , ш+х: вьшльцз 101, ж+з: вьжльцз 100, ж+а: вьжльцз 102, ж+е: вьжльцз 101, ж+оу: \emptyset , ж+а: \emptyset , ж+х: постыжльцз 101.

Данные, подчерпнутые из СлПс, позволяют установить для графической системы СлПс следующие тенденции:

1. После букв ж, ш, ч, ц, з, с, щ, жа, как правило, пишется то буква ь, то буква з. Соотношение этих написаний 7:5 в пользу написаний буквы, обозначаемой смягченный согласный + з:

Написания	Количество случаев
ч+ь	2
щ+ь	2
жа+ь	1
ч+з	\emptyset Всего 5 примеров
ч+з	1
щ+з	\emptyset
жа+з	1
ц+з	2
ш+з	3 Всего 7 примеров

2. После этих же букв не ставятся йотированные буквы. Эти графические тенденции объясняются двумя обстоятельствами:

1. Ставить после букв ж, ш, ч, ц, з, с, щ, жа букву ь, что и соответствовало древнерусскому произношению.

2. После букв х, щ, ү, ц, з, с, жа писать букву з и нейоти-
рованные буквы, что сильно расходится с нормами древне-
русского языка. Последние написания являются принадлеж-
ностью некоторых памятников древнеболгарского языка. На-
писания ү+ъ и пр. нашли опору в древнерусском произно-
шении, тогда как написания типа ү+з, ц+з отражают осо-
бенности древнеболгарского протографа.

II. Фонетика

1. Анализ фонетических явлений СлПс мы начнем с изучения ре-
дуцированных гласных, где можно выделить три явления, связан-
ных с редуцированными гласными: а/ написания с з, ь б/ от-
сутствие букв з, ь, там, где редуцированные были в слабой по-
зиции в/ перегласовку редуцированных.

А. Редуцированные гласные в корнях вне сочетаний с плав- ными:

Слабая позиция: буква з пишется в следующих случаях: погъна-
ша 103, 104, зъла 104, кънази 104, мънозъ 104, мънога 104,
оупъвахъ 101, 103, 105, мнѣ 102/3х/, 105, не пъшевахъ 101.
Буква ь пишется в корнях: въстѣхъ 100, 102, въсемъ 101, въстѣхъ
/104/, оузыратъ 103, нзыи 104, сеаыишъи 104, пришьлъцъ
100, оуничъженъе 101. Вместо буквы ь ставится з в корне въс-:
въсѣ 103. В СлПс имеются случаи, когда буквы з, ь пропуска-
ются. Эти случаи разделяются на две группы.

1. Пропускаются буквы з, ь, однако их пропуск не обознача-
ется. 2. Пропускаются буквы з, ь и их пропуск обозначается
диакритическим знаком.

1. Пропуск буквы з был отмечен нами один раз: мнѣ 101.
Чаще пропускается буква ь: всако 101, всемъ 102, вси 104,
въского 104, въстѣхъ 103, прилпе 101, днии 103, создасте 103,
днъмъ 104. Если предположим, что корень: сърезъ- имел такой
вариант, где издревле отсутствовал редуцированный переднего

ряда²², то пропуск буквы *ь* в СлПс не является доказательством отпадения редуцированного в слабой позиции. Как видно из наших примеров, редуцированный отражает в сочетаниях m-n, v-s', l-p, d-n, z-d.

2. Пропуск букв *ъ, ъ* обозначается диакритическим знаком /паерком, точкой, апострофом/ в следующих случаях: оуѣножи сд 103, мнѣ 101, 103/2х/, 104, оупѣаниѣ 102, ѣнази 101, вса 100, ш всѣмъ 100, вси 104, вса 105.

Для этих случаев мы предполагаем пропуск букв *ъ, ъ* уже в протографе СлПс. Писец, списывая эти корни, обозначал пропуск буквы *ъ, ъ* под влиянием речи, где в этих корнях редуцированные еще произносились. Отмечается диакритическим знаком отсутствие букв *ъ, ъ* в сочетаниях m-n, p-v, k-n, v-s'. Сильная позиция редуцированных представлена небольшим числом примеров: аѣнь 103, стѣзъ 101, стѣзамъ, пришѣльствиѣ 102. В наречии нѣгда 103/2х/ пишется буква *ъ*.

Б. Редуцированные гласные в сочетании с плавными

1. Рефлексы общеславянских сочетаний tьrt, tьrt, tьlt, tьlt представлены характерными для древнеболгарского языка написаниями, т.е. буква *ь / = ъ, ѣ /* пишется после плавных: прѣѣ 102, испрѣва 104, сръѣѣмъ 100, сръѣѣци 100, сръѣѣца 100, сръѣѣце /2х/ 101, 103 /2х/, 104, сръѣѣцѣмъ 101, сръѣѣмъ 102, сръѣѣмъ 103, грѣѣмъ 101, грѣѣни 102, 103, грѣѣзѣмъ 103, испѣнь 102, мръѣѣ 104.

2. Рефлексы общеславянских сочетаний tьrt, tьrt, tьlt, tьlt представлены только одним примером: грѣѣни 104. Корень ⁺grt- является первичным для общеславянского языка, тогда как его древнерусский вариант грѣѣнь /1219/ можно считать более поздним образованием²².

²² М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. т. I. М., 1964, стр. 444-445.

Что касается рефлексов общеславянских сочетаний *tyrt*, *tylt*, заслуживает внимания тот факт, что в них на месте буквы *ь* постоянно пишется буква *ѣ*. Эта черта графики СлПс несомненно восходит к ее протографу. Она была списана с такого протографа, в языке которого мягкие слогообразующие плавные /*ɣ'*, *l'*/ совпали с твердыми /*ɣ*, *l*/, что выражалось в графике протографа СлПс. Не стоит особняком в депалатализации мягких слоговых плавных: *ɣ'* *l'* отвердели в Хиландарских листках, в Листках Ундольского и в Охридском евангелии²³. Только *ɣ'* отвердел в Синайском требнике, тогда как отверждение *l'* характерно для Клоцова сборника²⁴. Таким образом, можно предположить, что в полном совпадении слоговых *ɣ'*, *l'* и *ɣ*, *l* СлПс ближе всего стоит к таким древнеболгарским памятникам, как Хиландарские листки, Листки Ундольского и Охридское евангелие.

В. Редуцированные гласные в суффиксах, префиксах
/превербах/, предлогах и окончаниях

В суффиксах мы отметили следующие случаи написаний букв *ѣ*, *ь*:

Суффикс -ѣа-:

Слабая позиция: правѣаѣ 102-103, оправѣаѣннѣхъ 103, оправѣаѣннѣ 104, неправѣаѣ 104, правѣаѣ 104, 105.

С перегласовкой: правѣаѣ 100, 101/2х/, 102, 103/3х/, 104, оправѣаѣннѣхъ 101, оправѣаѣннѣ 101, 103, правѣаѣоѣхъ 101, оправѣаѣннѣа 102, оправѣаѣннѣхъ 102, неправѣаѣ 103, правѣаѣа 103, 105, неправѣаѣхъ 104. Пропускается буква *ь* в двух случаях: оправѣаѣннѣхъ 102, оправѣаѣннѣ 102. Пропуск буквы обозначается диакритическим знаком /паерком/: оправѣаѣннѣхъ 100, неправѣаѣхъ 101.

²³ С.М. Кульбакин. Хиландарские листки. СПб., 1900, стр. 18, Е.Ф. Карский. Листки Ундольского. СПб., 1904, стр. 19, Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. М., 1956, стр. 194, 196.

²⁴ Н. Ван-Вейк. Указ. соч., стр. 193-194, 195-196.

Сильная позиция: правъаъ 101.

Суффикс -ъь-:

Слабая позиция: сѣдѣь 102, по сѣдѣь 104, сѣдѣахъ 104.

С перегласовкой: сѣдѣь 100, 101, 102, 104, 105.

Сильная позиция: сѣдѣь 101/2х/.

С перегласовкой: сѣдѣь 104.

Суффикс -ьн-:

Слабая позиция: прѣсьнѣ 101, прѣдѣстѣннѣ 102, оустьнѣ 105.

С перегласовкой: истиннѣ 101, грѣшннѣ 102/2х/, не порочнѣ 103, законопрѣстѣпнѣ 103, работнѣ 104, свѣтлннѣ 104.

Суффиксы -ьц-, -ьч-:

Слабая позиция: сѣдѣьцѣ 100, сѣдѣьчѣ 100, сѣдѣьце 101/2х/, 103/2х/, 104, сѣдѣьцѣмъ 101, сѣдѣьцемъ 102, сѣдѣьцемъ 103.

С перегласовкой: исконъчѣсте 103, сѣконъчѣшъ 103 В одном случае мы отметили пропуск буквы ь : ову 105.

Суффиксы: -ьн-, -ьси-, -ьств-, -ьш-, -ьша-, :

Слабая позиция: сладѣна 104, вѣсѣьсна а 104, вѣтѣьствѣ 100, сѣдѣьнѣьшѣмъ 104. Однако происхождение морфемы не совсем ясно, как на этот факт указывает П. Дильс²⁵.

С перегласовкой: лѣхонѣьство 102.

прѣшѣьствѣнѣа 102.

В приставке сѣ, как правило, буква ѣ постоянно пишется писцом: сѣвѣьдѣннѣ 101, 104, сѣвѣьдѣннѣа 101, /2х/, 103, 104, сѣвѣьдѣннѣхъ 101, 102, сѣмѣьрени 102, сѣпасени 103, 105, сѣблазнь 104, сѣпасеньѣа 104, сѣмѣьрени 102, 104, сѣвѣьти 101.

Пропуск буквы ѣ был отмечен нами 1 раз: сѣпасеньѣ 101.

В преевербах буква ѣ постоянно пишется на месте этимологически слабого редуцированного:

²⁵ P. Diels. Altkirchenslavische Grammatik. Heidelberg, 1932, стр. 140, 220. А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 245.

вз, - взм -: взра^зоуи 101, 103, 104, в^зстах^з 102, в^зсы^и 103, в^зи^ид^исть 105.

взз -, - вззс -, - взжа - взз+ж: в^за^зажа^з 100, в^зи^ска^зх^з 100, 101, 102, в^за^ии^и 101, 104, в^зи^иш^их^и 101, в^за^рь^иа 101, в^за^ии^их^и 102, 104, 105, в^за^ии^иг^их^и 102, в^зв^ес^ел^ать 103, в^зв^ер^ии^их^и 104, в^зн^ен^аи^ид^их^и 104, в^за^ра^ао^иу^их^и с^а 104, в^зи^иш^их^и 105, в^зс^ко^ть^их^и 101, в^зс^рв^ал^ить 105. Разные случаи ассимиляции /оглушение, переход сочетания з+ж в жа/, вставной л на стыке морфем свидетельствуют о том, что в провербе взз- еще не развился вторичный редуцированный гласный.

из -, ис -: из^аи^и 104, 105, из^ои^их^и 105, и^ск^он^зу^асте 103, и^сп^ра^ва. Оглушение согласного на стыке морфем является доказательством отсутствия вторичного редуцированного.

от -: шт -, ш -, ши^ии 101, ш^ии^ии 101, ш^аи^ии 101, ш^тв^ьш^аи^их^и 101, ш^тв^ра^ии 101, ш^ти^иг^ин^ите 105. Один раз мы отметили постановку буквы з в конце проверки: от^ик^ир^ии 100, которая может свидетельствовать о начавшемся процессе появления вторичного редуцированного в этой морфеме.

сз: с^зг^рь^их^и 100, с^зх^ра^ии^их^и с 100, с^зк^ир^ии 101, с^зх^ра^ии^их^и 101, 103, с^зх^ра^ии^их^и 101, 104, с^зи^ив^ир^ии^их^и 102, с^их^ра^ии^ии^ити 102, 104, с^зт^во^ир^ии^их^и 102, с^зи^ив^ир^ии^их^и 103, 104, с^за^ид^аи^исте 103, с^зт^во^ир^ии^ии^и 103, с^зт^во^ир^ии^исте 103, с^зи^ик^он^зу^аш 103, с^зп^ас^ес^ть 105.

В предложениях мы обнаружили следующие случаи написания буквы з: в^з: 100/3х/, 101 /6х/, 102/6х/, 103/7х/, 104/4х/. Пропуск буквы з был отмечен нами в одном случае, когда для обозначения пропущенной буквы употребляется диакритический знак: в' 101.

везз: в^ез^з 103, 104, но в^ес/п^ра^ва^ии / 103.

в^ии^за: 104, и^з 102, и 100, и 100, о^та 100, 101, /3х/ 102, 104 /5х/ ш^та 101 /2х/, 103, 104. В предложении от за исключением одного случая и 100/ постоянно пишется буква з для обозначения вторичного, неэтимологического редуцированного гласного. Подоб-

ный процесс имеет место и в предлоге бѣзъ, где не было редуцированного в конце предлога. В данном случае мы имеем дело со сближением безъеровых морфем с теми морфемами, которые имеют этимологический редуцированный гласный в конце слова. Это явление можно отметить не только в Слпс, но и в таких памятниках XI в., как Путятина Миней и Остромирово евангелие²⁶.

Особо следует рассмотреть написания с ѣ, ѥ в окончаниях.

Слабая позиция: вельми. Условно сюда причислим наречие числительное сѣдмьцѣмъ 104;

Сильная позиция: пѣтъмъ 101, зѣповѣдѣмъ твоимъ 102, 103, срѣзѣцѣмъ 101, ословесѣхъ 101, 104, зѣподѣхъ 100, 102, зѣконѣмъ 101, равѣмъ твоимъ 102.

Мы отметили 4 случая, когда на месте этимологически сильного редуцированного пишется буква -ѣ: воудесѣхъ 101, зѣповѣдѣмъ 102, зѣзѣповѣдѣхъ 103, словесѣмъ 104. Морфемы с -ѣмъ, -ѣхъ встречаются и в Саввиной книге, где их наличие невозможно объяснить фонетической причиной; они скорее всего объясняются морфологическим путем²⁷.

Наконец, проанализируем те случаи, когда буквы ѣ, ѥ пишутся в конце слов. Отклонение от этой нормы является единичным: помолѣхъ 102. В большинстве случаев буквы ѣ, ѥ ставятся писцом правильно, однако имеются и случаи отклонения от правильного написания.

Имеется несколько категорий, когда вместо буквы ѣ ставится ѥ:

1. Твор.п. ед.ч. существительных: срѣзѣцѣмъ 100, 102, 103, пѣтъмъ 101, зѣконѣмъ 101, срѣзѣцѣмъ 101, равѣмъ

²⁶ И.Э. Елесеви́ч - В.И. Марков. История редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1976, стр. 11-12.

²⁷ В.Н. Щепкин. Рассуждение о языке Саввиной книги. СПб., 1901, стр. 105.

102, унненннмъ 103, безаконеньмъ 104.

2. Твор.п. ед.ч. местоимений и местоименных прилагательных: въсьмъ 100, въсьмъ 103, въсемъ /sic/ 101, всемъ 102, мнмъ 100, 101, 102, твоимъ 101, 103-104.

3. Местн.п. ед.ч. местоимений: моемъ 100, 104, твоемъ онемъ 102.

4. В некоторых глагольных образованиях:
в 1 л. ед.ч.: въмъ 104, в 3 л. ед. и мн.ч. глаголов, где вместо буквы ъ ставится буква ь: есть 103, 104/2х/, 105, нѣсть 105, сѣть, вѣсть 105, в 1 л. ед.ч.: есмъ 102 /2х/.

5. В отдельных случаях вместо буквы ь также ставится буква ъ /особенно после букв ц, ж, : пришъльцъ 100, възъаждъ /100/, но виждъ 104/.

Последние случаи употребления буквы ъ вместо ь скорее всего объясняются лабилизацией редуцированного гласного ь после отвердевших шипящих согласных²⁸.

Рассмотрев случаи отклонения от правильного употребления буквы ь, следует указать и на те случаи, когда этимологически правильно пишется буква ь: ш всемъ 100, есмъ 100, пять 101/4х/, 104, въз моемъ 102, исплънь 102, чать 102, твоимъ 102, печаль 102, благодѣть 102, сръдъцемъ 102, милость 101, 103, ты сѣшь 103, колъ 104, користъ 104, виждъ 104, аьньмъ 104. Буква ъ пишется в частице нъ 103.

В СлПс мы один раз отметили написание буквы ь в конце слова вместо ъ, что можно объяснить как опisku насладинъ са 100, однако, надо учесть и то обстоятельство, что в издании И.В. Ягича пишется буква ъ.

Перегиасовка редуцированных

В отличие от древнерусских рукописей, явление перегила-

²⁸ В.Н. Щепкин. Указ. соч., стр. 155, 156. Н. Ван-Вейк. Указ. соч., стр. 140. /Ван-Вейк по-другому объясняет эти написания/.

совки редуцированного, обозначаемого буквой ь, широко представлено СлПс.

Перегласовка имеет место в двух категориях:

1. в корнях, 2. в суффиксах.

1. Перегласовку в корнях можно наблюдать в рефлексах общеславянских сочетаний *tyrt*, *tylt*, в которых постоянно пишется буква з вместо ь: *сръзъци* 100, *сръзъца* 100, *сръзъцемъ* 100, 103, *сръзъце* 101/2х/, 103 /2х/ 104, *сръзъцымъ* 101, *сръзъцемъ* 102, *бъзъзан* 101, *пръзъте* 102, *испръза* 104, *мръзъ* 104, *испръзъ* 102. В этих случаях написание буквы з вместо ь объясняется отверждением смягченных слоговых плавных *r'*, *l'* и их совпадением с твердыми слоговыми плавными *r*, *l*.²⁹

В корнях мы отметили еще три случая, когда буква з ставится вместо ь: *вѣзъ* 103, *прѣзъльцъ* 100, *прѣзъльствиѣ* 102. В первом примере з вместо ь объясняется чрезвычайной краткостью редуцированного, которая вызвала и раннюю утрату редуцированного в этом корне³⁰. Написание з вместо ь после буквы *ш* связано, как мы видели раньше, с лабиализацией редуцированного после отвердевшего шипящего согласного.

2. Перегласовка в суффиксах значительно распространена в интересующей нас рукописи:

суффикс *-ѣд-*: *правѣзъ* 100, 101 /2х/ 102, 103/3х/, 104, *оправѣзъанинъ* 101, *оправѣзъани* 101, 103, *правѣзъоуѣ* 101, *оправѣзъаниѣ* 102, *оправѣзъанимъ* 102, *неправѣда* 103, *правѣда* 103, 105, *неправѣзъ* 104, *правѣзъ* 102.

Суффикс *-ѣз-*: *сѣзъезъ* 100, 101, 102, 104, 105, *сѣзъезъ* 104.

Суффикс *-ѣн-*: *истинѣна* 101, *грѣшѣниъ* 102/2х/, *непорочѣно* 103, *законопрѣстѣпѣнѣи* 103, *работѣна* 104, *сѣтилѣниъ* 104.

²⁹ Ван- Вейк. Указ. соч., стр. 192.

³⁰ В.Н. Щепкин. Указ. соч., стр. 128-129.

Суффикс -ьу-: искомъуасте 103, сѣкомъуаш 103.

Суффикс -ьств-: лихонѣство 102.

В флексии перегласовка представлена одним примером:
сѣраьцѣмъ 101.

Следует указать на то, что наряду с примерами на перегласовку существуют и случаи без перегласовки или ее отсутствия /в суффиксе -ьц-/. Соотношение суффиксов с перегласовкой и без нее показывает следующая таблица:

суффикс	слабая позиция		сильная позиция	
	без п-и	с п-ой	без п-и	с п-ой
-ьд-	5	18	-	1
-ьв-	3	5	2	1
-ьн-	3	7	-	-
-ьц-	10	-	-	-
-ьу-	-	2	-	-
-ьств-	-	1	1	-
Всего:	21	33	3	2

Соотношение случаев без перегласовки с перегласовкой
24:35 в пользу последних.

Формы с перегласовкой требуют объяснений:

1. Перегласовка прежде всего выступает там, где редуцированный был в слабой позиции. Имеется 30 примеров написаний в слабой позиции буквы ѣ вместо ь, а в сильной позиции - только два случая можем отметить.

2. Распространение перегласовки не является одинаковым явлением для всех суффиксов. Она чаще всего встречается в суффиксе -ьд- /18 примеров/, в то время как ее нет в суффиксе -ьц-.

3. Причины перегласовки могут быть разными: в одних случаях она связана с положением ь > ѣ перед твердым слогом /правѣда 103/, в других - может объясняться отвердением ши-

пящего согласного /грѣшнѣиѣ 102, порочѣно 103/, но довольно часты и примеры, вызванные влиянием одних форм на другие /законопрѣстѣпѣнѣиѣ 103/.

4. Не исключена возможность и того, что в протографе СлПс было больше примеров на написания с ѣ вместо ѡ, однако из-за влияния живой речи писца они оставались вне языка СлПс.

5. В СлПс за исключением некоторых форм 3 л. ед. и мн. ч. настоящего /или простого будущего/ времени нет примеров на написания буквы ѡ вместо ѣ, что обеспечивает своеобразное место СлПс среди древнейших кирилловских рукописей.

Подводя итоги нашим наблюдениям о судьбе редуцированных, мы можем сказать следующее:

1. Редуцированные в слабой позиции выпали в корнях в сочетаниях mn/1x/, ws/5x/, lp/1x/, dn/2x/, zd/1x/ и sv/1x/, что свидетельствует о начавшемся процессе утраты редуцированных в этой позиции. В некоторых сочетаниях /mn, pw, kl, ws/ пропуск букв ѣ, ѡ обозначается писцом паерком или другим диакритическим знаком. Это обстоятельство позволяет предположить, что в этих случаях писец под влиянием своей речи, где редуцированные еще произносились в этих корнях, указал на отсутствие редуцированных в протографе. В суффиксах, провербах, предлогах в единичных случаях мы отметили пропуск букв ѣ, ѡ.

2. Н. Дурново, характеризуя пропуск букв ѣ, ѡ в основах и аффиксах, выделяет несколько групп рукописей в отношении пропуска букв ѣ, ѡ. В СлПс ѣ, ѡ пропускаются за единичными /в буквальном значении слова/ исключениями только в основах. Таким образом, СлПс можно отнести к таким памятникам древнего кирилловского письма, как Туровские листки, Слова Кирилла Иерусалимского XI в., Синайский патерик, 1-ая часть Архангельского евангелия, Реймское евангелие и 2-ая часть Успен-

ского сборника XII в.³¹

3. В СлПс сохраняются буквы ѣ, ь там, где редуцированные были в сильной позиции, за исключением 4 случаев, когда вместо ь пишется е /чочдесеѣхъ 101, въ заповѣдехъ 103, заповѣдемъ 102, словесемъ 104/. Однако эти случаи скорее всего объясняются морфологически и не имеют фонетического значения.

4. Данные, почерпнутые из СлПс, позволяют установить для ее протографа такой диалект, в котором редуцированные гласные ѣ, ь в сильной позиции не переходили в гласные о, е. Отсутствие перехода ѣ>о, ь>е в сильной позиции кроме СлПс, характерно для второй части Супрасльской рукописи, для протографа Остромирова евангелия, для Новгородских листков и для Саввиной книги.³² Такая же особенность редуцированных характерна и для живой речи писца СлПс.

5. Случаи перегласовки редуцированного свидетельствуют о том, что в говорах протографа СлПс этот процесс предшествовал изменению редуцированных в сильной позиции.

6. Возможно, что в некоторых корнях началось спорадическое выпадение редуцированных в слабой позиции, однако, писец под влиянием своей речи, в которой существовали редуцированные гласные, восстанавливал или обозначал диакритическим знаком пропущенные протографом буквы ѣ, ь.

2. Напряженные редуцированные

Напряженные редуцированные представлены небольшим количеством примеров. Напряженный редуцированный переднего ряда

³¹ Н. Дурново. Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка. IV. Южнославянский филолог /Београд/. кн.5, стр. 111.

³² В.Н. Щепкин. Указ. соч., стр. 107-108.

обозначается то буквой и, то буквой ь.

Сильная позиция: шта заповѣдани 100, 101/4х/103, 104, свѣдѣ-
нии твоиха 101, 103, 104, оправдани твоиха 101, 103,
104, днии 103, На месте слабого напряженного редуцированно-
го пишутся буквы и, ь: оуны ни-а 101, повелѣни-а 101, 103,
пооучени-а 101, сзыбренни 102, 104, оправдани-а 102, при-
шальстви-а 102, свѣдѣни-а 101/2х/, 102, 103/2х/, 104/2х/,
глаголю-а 103, спласень-а 104, благости-а 101/2х/, 102,
пяти-а 104, оправданииха 100, 101, 102, 103, свѣдѣнииха
101/2х/, 102, въ сзыбренни 102, 103, оправдани 102, оуп'-
вани-а 102, оправданииха 102, чиненииха 103, любащиха 104,
оуниуженье 101, пооучень-а 101, поношение 101, спасенье
101, пооученье 102, спласенье 103, 105, сзыбренье 104, пхтье
104, прошение 105, поученье 105, наказанью 102, везаконьемъ
104, птьне 105. Распределение написаний с буквой и и с бук-
вой ь 31: 14 в пользу употребления буквы и.

Напряженный редуцированный непереднего ряда встречается
редко. Он, как правило, обозначается буквой ы: отъкрыи
101, сзырии 103, грядииха 103.

3. Судьба гласного, обозначаемого буквой ъ

СлПс располагает богатыми данными о гласном, обознача-
емом буквой ь. Данные, почерпнутые из интересующей нас руко-
писи, мы распределили по нескольким группам. Мы проанализи-
руем написания с ь в корнях перед твердыми и мягкими соглас-
ными, в суффиксах, приставках и флексиях, причем всегда бу-
дем учитывать мягкость или твердость последующего слога.
Слоги с согласными ж, ш, у, ц мы выделим особо.

ь в корнях перед твердыми согласными:

всьмъ 100, сѣдъ 101, въздрѣма 101, тѣхъ 101, вѣхъ 101,
102, вѣна 102/2х/, цѣсарь 102, зѣло 102, 104, пѣта 102,
рѣхъ 102, прѣдъ 102, 104/2х/ исповѣдати 102, вьсемъ 102,

вѣра 102, ищѣасть 103, въсемъ 103, мѣно 103, мѣхъ 103, по-
вѣаашъ 103, законопрѣстѣпници 103, въ вѣнъ 103, 104, съ-
вѣтъ 104, окрѣтаж 104.

Ѣ в корнях перед не твердыми согласными:

заповѣдани 100, 101/4х/, 103, 104, исповѣдѣхъ 100, свѣдѣнии
100, 101, 104, заповѣдѣхъ 100, вѣщѣ 101, запрѣтилъ 101,
свѣдѣниѣа 101, 103/2х/, 104/2х/, свѣдѣнихъ 102, заповѣдѣхъ
102, заповѣдомъ 102, 103, смѣрени 102, 104, мѣстѣ 102, за-
повѣди 102/2х/, 103, 104/3х/, заповѣдѣмъ 102, смѣрихъ сѣ
102, 103, свѣтилъ 104, смѣренье 104, пѣнье 104.

Ѣ перед ш, щ:

сѣгрѣшъ 100, грѣшникъ 102/2х/, вѣдѣши 103, просвѣщаѣа
104, оутѣши 102, оутѣшихъ 102, сѣгрѣшихъ 102, тѣшитъ 103.

Ѣ перед гласным: вѣахъ 102.

Ѣ в суффиксах перед твердыми согласными:

разоумѣхъ 104, възненавѣхъ 104, исповѣдѣхъ 100, 101, въ-
схотѣхъ 101, възделѣхъ 101, мразѣ 104.

Перед гласным: стѣаѣхъ 102.

Ѣ в суффиксах перед не твердыми согласными:

желѣти 101, разоумѣѣа 100/2х/, свѣдѣнии 100, 101, 104,
свѣдѣниѣа 102, 103/2х/, 104/2х/, свѣдѣнихъ 102, повелѣ-
ниѣа 101, 103, прѣвѣе 102, отринѣте 105.

Ѣ в приставке /превербе/ перед твердыми согласными:

прѣилони 101, прѣезиваетъ 103/2х/, 104.

Ѣ в окончаниях и в конце слов:

тѣвѣ 100, 102, вѣтѣствѣ 100, м'нѣ 101, видѣтѣ оуи 101, мнѣ
101, широтѣ 102, рѣцѣ 102, 103, мѣнѣ 102/4х/, 104, мѣстѣ
102, ногѣ 102, м'нѣ 103/2х/, 104, сланѣ 103, сѣаѣвѣ 104,
оустѣнѣ 104.

Рассмотрев случаи употребления буквы, мы отметили несколько случаев этимологически неправильного написания буквы ѣ.

Вместо буквы ѣ пишется е в местоимении вьсь: вьсемъ сръдъцѣмъ 101, вьсемъ сръдъцемъ 102.

Обратное явление имеет место в 2-3 л. дв.ч. пов.накл. от глагола видѣти, когда вместо буквы ѣ ставится ѣ: видитѣ оуми 101. Написание буквы ѣ в данном случае вызвано морфологическим путем, переносом флексии ѣ из форм двойственного числа существительных ж. и ср. родов в соответствующие глагольные окончания. Наличие этой морфемы не характерно для кирилло-мефодиевских памятников и считается в них новой чертой. Ее можно встретить во 2-3 л. дв.ч. глаголов в Супрасльской рукописи, Саввиной книге и в Остромировом евангелии³³. Заслуживает внимания тот факт, что употребление окончания ѣ не ограничивается женским родом, как это отмечено Н. Ван-Вейком³⁴.

В немногих случаях /9 раз/ можно отметить написание буквы ѣ вместо ѣ и ѣ: земѣ 102, штѣ вьсьного 104, вьсьнѣ 104, вьсьнѣснаѣ 104, глоуѣлѣше сѣ 101, желѣти 101, въждельѣхъ 101. Сюда принадлежат и написания, когда вместо буквы ѣ ставится буква ѣ: нѣѣзаетъ 103 /нѣѣзаетъ Син. Пс./, пооуѣти сѣ 104. Эти примеры свидетельствуют о широком произношении гласного, обозначаемого буквой ѣ, что может восходить к глаголическому протографу СлПс.

Наши данные позволяют сделать вывод о том, что гласный, обозначаемый буквой ѣ, сохранил свое произношение и не совпал с гласным ѣ, что является характерной чертой только памят-

³³ С.И. Кульбакин. Грамматика церковно-славянского языка по древнейшим памятникам. Петроград, 1915, стр. 86-87.

³⁴ Н. Ван-Вейк. Указ. соч., стр. 303.

ников XII в.³⁵ Сохранение исконного произношения буквы ѣ косвенно свидетельствует о раннем происхождении СлПс. По всей вероятности, в произношении гласного, обозначаемого буквой ѣ, можно выявить две тенденции, которые существовали в языке СлПс: 1, широкое произношение гласного /ê/, что засвидетельствовано написаниями буквы ѣ вместо ѣа /а/ 2, более закрытое произношение, что выражается в большинстве написаний, когда буква ѣ пишется этимологически правильно. Широкое произношение буквы ѣ характерно для глаголических памятников, однако оно не чуждо и юговосточным говорам современного болгарского языка³⁶.

4.. Система консонантизма

"Вставочный Δ" сохраняется в большинстве случаев в СлПс: поглощ^л с^Δ 100, на земл^и 101, 103, гл^оущ^ла^лшес^Δ 101, по-глощ^л с^Δ 101, 103, гл^оущ^ла^лх^с 102, остав^ле^ли^лх^с 102, земл^ь 102, земл^и 103. Отсутствует "вставочный Δ": гл^оущ^лени^ла, 103. Отсутствие его является спорным в случае: на зем^ли 101.

Как мы видели раньше, для графической системы СлПС характерны написания ж, ш, ч, ц /з/, с/, щ, жа + а, оу, ж, **А**, которые восходят к протографу интересующей нас рукописи. Влиянием протографа также объясняются написания шт+з, ч+з, жд+з: приштзльцз 100, грѣшнннз 102/2х/, приштзльствнѣа 102, непо-роуно 100, сръзльцъмъ 101, въздаждъ 100. Эти примеры могут быть объяснены двояким путем. В.Н. Щепкин видел в них отражение лабиального произношения согласных³⁷, хотя лабиализация аффрикат является менее слабой. Н. Ван-Вейк в этих же написаниях видит отражение процесса постепенного отвердения смягченных согласных³⁸. Однако при оценке этих написаний на

³⁵ К. Мирчев. Историческа граматика на българския език. Третье издание. София, 1978, стр. 119.

³⁶ К. Мирчев. Указ. соч., стр. 119.

³⁷ В. Н. Шепкин. Указ. соч., стр. 155, 157-158.

³⁸ Н. Ван-Вейк. Указ. соч., стр. 134, 140.

до учесть и то обстоятельство, что между твердостью и мягкостью согласных имеются различные промежуточные фазы. Наши примеры мы толкуем как отражение более или менее сильной лабиализации, которая характерна для отвердевших согласных согласных. Несомненно, что начальный процесс отвердения смягченных согласных является отражением живого говора³⁹ писца протографа СлПс. Так как для списавшего его писца отвердение смягченных согласных было чуждым явлением, особенности протографа могли и не отражаться СлПс.

Незначительные явления консонантизма также отражены интересующим нас памятником.

Оглушение звонких согласных выражено примером *ѣс* 103.

Ассимиляцией согласных объясняются примеры *вѣждѣлѣхъ* 101, *иѣѣзаетъ* 103, *рашири* 101. Аффриката *dz'*, как наши примеры показывают, упростилась в *z'/z* /: *стыѣа* 101, *стыѣамъ* 104, *и'нази* 101, *иѣнѣзи* 103.

III. Морфология

Морфология СлПс, как это правило в случае ранних памятников кирилловской письменности, намного беднее фонетической системы.

Анализ морфологических явлений начнем со склонения существительных, которое мы рассмотрим по традиционным основам, хотя признаем, что такого деления существительных во время написания СлПс уже не существовало. С чисто синхронной точки зрения по времени возникновения СлПс существовали такие существительные, которые независимо от их ранней принадлежности к различным основам, оканчивались только на согласные: к этим основам на согласные прибавлялись падежные флексии, или состояли из гласного, или начинались с гласного, имели или один элемент /морфему/, или содержали три элемента /-овъ,

³⁹ Н. Ван-Вейк. Указ. соч., стр. 134.

ьхъ/.

Основы на ѡ/ја

Твердая разновидность:

Ед.ч.:

Им.п.: неправѣа 103, правѣа 103, 105, молитва 105, рѣна.
Вин.п.: вѣрѣ 102, вѣ истинѣ 103, неправѣа 104.
Род.п.: правѣаѣ 102-103, 104, 105, правѣаѣ 100, 101/2х/,
102, 103/3х/, 104, неправѣаѣ 104, неправѣаѣ 101.
Дат.п.: по сѣдѣѣ 104.
Твор.п.: правѣаѡѣ 101.
М.п.: на слани 103.

Мн.ч.:

Им.-вин.п.: правѣаѣ 101, сѣдѣаѣ 100, 101, 102, 104, 105,
на сѣдѣаѣ 101.
Род.п.: правѣаѣ 101, сѣдѣаѣ 101/2х/, 104.
Дат., твор.п.: ѡ
М.п.: о сѣдѣаѣ 104.

Мягкая разновидность

Ед.ч.:

Им.п.: доуша 101/2х/, 103, 104, 105, земли 102.
Вин.п.: землиѣ 103.
Род.п.: ѡ
Дат.п.: земли.
Твор.п.: ѡ
М.п.: на земли 103.
Зв.ф.: аше 101.

Мн.ч.:

Им.-вин.п.: на стѣзѣ 101.
Род.п.: стѣзѣѣ 103.
Дат.п.: стѣзамъ 104.

Основы на -ѡ/јѡ

Мужской род

Твердая разновидность

Ед.ч.:

Им.п.: разъ 101, родъ 103, причастникъ 102, мѣхъ 103, законъ 103, 104/2х/, 105, свѣтилъникъ 104, свѣтъ 104, миръ 104, азы нъ 105.

Вин.п.: поносъ 101, законъ 101/3х/, 102/4х/ 103/3х/, 104/2х/, в' страхъ 101, въ вѣкъ 101, 102, сѣдъ 103, въ родъ 103, гласъ 104.

Род.п.: ѡ закона 100, 102/2х/, вѣна 102/2х/, 104/2х/, раба /твоего/ 102, 103, безъ оуша 104.

Дат.п.: рабоу 100, 101, разуму 102, закону 103.

Твор.п.: законъмъ твоимъ 101, сарабъмъ твоимъ 102.

М.п.: Ѧ

Мн.ч.:

Им.п.: свѣти 101, законопрѣстѣпникъ 103.

Вин.п.: въ вѣкъ 103, 104/2х/.

Род.п.: оустъ 100, 101, 103/2х/, отъ грѣшникъ 102/2х/.

Дат.п.: оустомъ 104.

Твор., м.п.: Ѧ.

Мягкая разновидность

Ед.ч.:

Им.п.: пришлъцъ 100.

Мн.ч.:

Им.п.: к'нази 101, к'нази 104.

Средний род

Твердая разновидность

Ед.ч.:

Им.-вин.п.: мѣно 103, благо 103/2х/, въ лихонмство

Род.п.: злата 103, сребра 103.

Дат.п.: из оутроу 104.

Твор.п.: Ø.

М.п.: вѣтъѣ 100, на мѣстѣ 102.

Мягкая разновидность

Ед.ч.:

Им.-вин.п.: оуниуъженъе 101, сръаьце 101, 103, 104, поношенъе 101, спасенъе 103, сѣпасенъе 105, оуп'ваннѣе 102, пооу-
венъе 103, 104, 105, сѣмѣренъе 104, прошенъе 105, пенъе 105.

Род.п.: отъ сръаьца 100, шт оуныниѣа 101, пришъльствиѣа 102,
повелѣниѣа 101, 103, глѣмниѣа 103, сѣпасеньѣа 104.

Дат.п.: лицоу 102, на наказанью 102.

Твор.п.: вѣсѣмъ сръаьцемъ 100, всемъ сръаьцемъ 102, вѣсемъ
сръаьцемъ 101, оправзданнымъ 102, вѣсѣмъ сръаьцемъ 103,
унненнымъ 103-104, безаконьемъ 104.

М.п.: въ сръаьци 100, въ сѣмѣренни 102, 104.

Мн.ч.:

Им.-вин.п.: сѣвѣдѣниѣа 101/2х/, 102, 103/2х/, 104/2х/, пооу-
веньѣа 101, повелѣниѣа 101, 103, оуж^а 102.

Род.п.: сѣвѣдѣни твоихъ 100, 101, 104, оправздани твоихъ
101, 103, 104.

Дат.п.: оправзданнымъ 102.

М.п.: въ оправ'даннымъ 100, 101, оправданнымъ 102, сѣвѣдѣ-
нимъ 101/2х/, 102.

Основы на -и^у представлены двумя существительными:
полоу/ноши/ 102, пауче меда 104 /род.п. ед.ч./.

Основы на ъ

Мужской род

Ед.ч.:

Им.-вин.п.: пять 101/4х/, 104.

Род.п.: штъ пяти 104.

М.п.: въ пяти 100, 101.

Зв.ф.: ги 100, господи 101/3х/, 102/4х3, 103/3х/, 104/6х/, 105.

Мн.ч.:

Им.п.: вси пятице 104, вси патье 104.

Вин.п.: пяти 100, 101, 102.

Род.п.: Ø, Дат.п.: патьмъ 101.

Женский род

Ед.ч.:

Им.-вин.п.: милость 101, 103, печаль 102, чать 102, благость 102, корнсть 104.

Род.п.: милости 102, благости 102.

Твор.п.: благостиж 102.

М.п.: на земли 101.

Мн.ч.:

Им.-вин.п.: заповѣди 102/2х/, 103/2х/, 104/2х/, 105 /2х/.

Род.п.: штъ заповѣдми 100, 101/4х/, 103, 104.

Дат.п.: заповѣдмъ 102, 103, заповѣдемъ 101.

Твор.п.: Ø.

М.п.: заповѣдхъ 100, 102, заповѣдехъ 103.

Основы на согласные

Основы на согласные с суффиксом -мен, -ен, -н

Ед.ч.:

Им.-вин.п.: днь 104.

Твор.п.: дньмъ 104.

Мн.ч.:

Род.п.: днии 103.

Твор.п. цѣсари /гетероклитика/ прѣдъ цѣсари 102.

Средний род

Ед.ч.:

Им.-вин.п.: вѣща 101, нма 102, овѣ 105.

Основы на -os-/-es-

Ед.ч.:

Им.-вин.п.: слово 101/2х/, 102/2х/, 103.

Род.п.: словеса104, ради словеси 104.

Дат.п.: по словеси 101/2х/, 102/2х/, 103, 105/2х/.

Твор.п.: ∅.

М.п.: на небеси 103.

Мн.ч.:

Им.-вин.п.: словеса 100/2х/, 101, 103, на словеса 103, 104
/2х/, 105, воудеса 100.

Род.п.: словеса 100,104.

Дат.п.: по словесемъ твоимъ 104.

М.п.: о словесехъ 104/2х/, воудесехъ 101.

Наши данные свидетельствуют о том, что склонение имен существительных в СлПС имеет ярко выраженный архаичный характер: переносы флексий из разных типов /основ/ весьма редки, и бинарные типы еще не влияют друг на друга.

Важнейшие моменты в особенностях склонения существительных мы можем выявить в следующем:

1. Перенос флексий из одного типа /основы/ в другой /в другую основу/:

Здесь надо упомянуть флексию род.п. ед.ч. -на-, а вм.оу: меда 104, флексию -и в род.п. ед.ч. основ на -ос-/ -es-, перенесенную из основ на -й: ради словеси и флексию -и м.п. ед.ч. из основ на -й: на словеси 103. Влиянием основ на -й объясняются и формы твор.п. ед.ч. существительных среднего рода: правданинъ 102, оправданинъ 102, унининъ 103-104. Может быть, также переносом флексий объясняются флексии дат., м.п. мн.ч.: заповѣдемъ 102, заповѣдахъ 102, словесемъ 104, воудесехъ 101. Эти формы скорее всего объясняются морфологически⁴⁰. По всей вероятности, в этих случаях мы имеем дело с влиянием мягкой разновидности основы на -о⁴¹.

⁴⁰ В.Н. Щепкин. Указ. соч., стр. 107.

⁴¹ С. Кульбакин. Указ. соч., стр. 64, 66.

С точки зрения локализации интересующего нас памятника заслуживают внимания флексии твор.п. ед.ч. существительных неженского рода: законѣмъ твоиѣмъ 102, сѣ рабѣмъ твоиѣмъ 102, всѣмъ сръбѣмъ. Хотя в этих флексиях в конце слова пишется буква ѣ вместо ь, они могут принадлежать живой речи писца. Особого толкования требует форма сръбѣмъ 101, где вместо флексии -ьмъ пишется -ѣмъ с буквой ѣ после буквы ц. Можно предположить, что в этих формах флексия, существующая в живой речи писца, передается по правилам древнеболгарской графики. Известно, что написания с ѣ вместо ь встречаются и в древнеболгарских текстах, таким образом, написание буквы ѣ вместо ь возникло в этих случаях под влиянием древнеболгарской графики. Сильным влиянием древнеболгарской графики объясняется и тот факт, что характерная для древнерусского языка флексия -ѣмъ, -ьмъ правильно отражается только в памятниках XII в.⁴² В написании форм твор.п. ед.ч. существительных неженского рода мы видим ясно передаваемый писцом русизм, т.е. отражение живой речи писца. Флексии на -ѣмъ мы считаем древнерусскими элементами СлПс.

Оканчивая анализ склонения существительных, укажем и на то, что формы двойственного числа употреблены писцом правильно:

Им.-вин.п. зв.ф.: раѣѣ 102, 103, нозѣ 102, оуи 100, 101, 103, 104.

Дат., твор.п.: оуѣѣма 100, ногама 104/2х/.

Глагольная система СлПс богата формами, среди которых встречаются как архаические формы, так и своеобразные новообразования.

42

В. Ягич. Лекции по исторической грамматике русского языка. СПб., 1885/86 /литографированный курс/, стр. 244-245.

Изъявительное наклонение

Атематические глаголы

есмь 100, есмь 102, еси 100, 102/3х/, 103/2х/, 104/4х/, еста 103, еста 103, 104/2х/, 105, нѣсть 104, сѣть 101.

Тематические глаголы мы рассмотрим по классам.

I. класс:

забѣж 100, 104, бѣаеть 105, помогать 105.

II. класс:

СлПс не представлен.

III. класс:

разоуѣж 100/2х/, възидѣ 101, испѣтаѣ 101, шѣѣѣѣ 101, испѣтаѣ 103, възарадоуѣ сѣ 104, обрѣтаѣ 104, нѣѣѣѣ 103, прѣѣѣѣѣѣ 103/2х/, 104.

IV. класс:

сзгѣж 100, погложѣ сѣ 100, /поо/ѣѣ сѣ 100, сзхранѣ 100, погложѣ сѣ 103, сзхранѣ 101, 103, сзхранѣ 101, 104, постѣѣѣѣ 103, ѣѣѣѣѣ 103, сѣѣѣѣѣ 103, наоуѣѣѣ 105, тѣѣѣѣ 103, възхвалѣѣ 105, оуѣѣѣѣ 103, възвеселѣѣ сѣ 103, постѣѣѣѣѣ 103, обрѣѣѣѣѣ 103.

В спряжении глаголов заслуживает внимания наличие глагольного окончания -ть у нетематических глаголов в 3 л. ед. и в 3 л. мн.ч. у глагола ѣѣти /всего 7 раз/. У нетематических глаголов в 3 л. ед.ч. преобладает окончание -ть над окончанием -ѣѣ, которое встречается только один раз.

Несомненно, что окончание -ть имеет место и в памятниках древнеболгарского языка, напр., в Саввиной книге, в которой обе формы сосуществовали, хотя для языка писна было характерно употребление окончания -ѣѣ⁴³

В Новгородских листках также можно отметить окончание -ть, которое встречается в настоящем времени 32 раза. Однако исследовавший Новгородские листки Ф.В. Каминский не относит это окончание за счет русской редакции⁴⁴. Н. Ван-Вейк в

⁴³ Е.Н. Щепкин. Указ. соч., стр. 133-144.

⁴⁴ Ф.В. Каминский. Отрывки евангельских чтений XI в., имеющиеся Куприяновскими /Новгородскими/. Известия Отделения РА Н. т. XXVIII /1923/, стр. 290, 303.

свою очередь окончание -ть, считая русской чертой в памятниках XI в., Новгородские листки и СлПс определяет как памятники русской редакции. Русской чертой является и окончание -ѣмъ вместо -омъ, однако, оно еще само по себе не доказывает русское происхождение этих памятников⁴⁵. Принимая во внимание высказывание Н. Ван-Вейка, которое для нас является обоснованным и хорошо аргументированным, наличие личного окончания -ть в СлПс мы считаем вслед за этим исследователем русизмом, который попал в язык изучаемой рукописи из речи писца.

Рассматривая формы настоящего /простого будущего/ времени, мы остановимся на формах прошедших времен.

Простое прошедшее время

Имперфект: хождаахъ 102, глаголаахъ 102, постыѣахъ сА 102, поучаахъ 102, глагоуѣахъ сА 102, глагоуѣаше сА 101, прѣстапаахъ 102, ѣахъ 102, чаѣахъ 104. Как наши примеры показывают, в СлПс преобладают спряженные формы имперфекта. Единственным исключением является форма 1 л. ед. ч. чаѣахъ 104, в которой из-за стяжения в имперфекте мы можем видеть, по всей вероятности, русизм.

Аорист представлен интересующей нас рукописью широко и разнообразно. Глаголы имеют все три типа аориста: простой /или сильный/, сигматический без соединительного гласного и сигматический с соединительным гласным.

Простой аорист: въздавиѣ /рѣѣ/ 102, прилѣ 101⁴⁶.

Сигматический аорист без соединительного гласного: сѣмъ сА

102 /= сѣмъ сА Син. Пс./, клѣ сА 104 /=

клѣ сѣ Син. Пс./. Написания сѣмъ

и клѣ вместо сѣмъ и клѣ являются явными описками, которые объясняются тем, что эти формы отсутствовали в живой ре-

⁴⁵ Н. Ван-Вейк. Указ. соч., стр. 48, 54.

⁴⁶ У П. Дильса форма прилѣ является ошибочной. P. Diels : Указ. соч., стр. 257.

чи писца СлПс, и поэтому писец их не понял. С архаичностью этих форм связана замена их новообразованиями в более поздних рукописях: *сзматоуъ* с *а* Болоньская Пс., *клауъ* с *а*, Болоньская Пс., Киевская пс. Формы аориста с суффиксом *-х-* мы обнаружили в следующих случаях: *тѣхъ* 101, *рѣхъ* 102, *ахъ* 102, *приа* 102. Из них форма *тѣхъ* заменена новообразованием *текоуъ* в Болонской, Погодинской, Киевской псалтирях. Как наши примеры показывают, формы сигматического аориста без соединительного гласного у глаголов с основой на согласные хорошо сохранены СлПс и не заменяются более поздними новообразованиями.

Сигматический аорист без соединительного гласного, как правило, встречается у глаголов с основой на гласные: *вззиснахъ* 100, *сзкрзІхъ* 100, 101, *исповѣдахъ* 100, 101, *взждебѣхъ* 101, *наслѣдихъ* 100, *изволихъ* 101, 105, *забзІхъ* 101, 102, 103, 104, *прилѣпихъ* с *а* 101, *взскотѣхъ* 101, *не пашевахъ* 101, *оупзвахъ* 101/2х/, *вззиснахъ* 101, *вззлюбихъ* 101/2х/, *оуклонихъ* 102, *помандихъ* 102/2х/, *оутѣшихъ* 102, *сзхранихъ* 102/2х/, 104, *вззиснахъ* 102, *помолихъ* 102, *помыслихъ* 102, *обратихъ* 102, *оуготовихъ* 102, *взстахъ* 102, *сзѣрихъ* с *а* 102, *сзгрѣшихъ* 102, *пооучихъ* с *а* 103, *упзвахъ* 103/2х/, *познахъ* 103, 104, *взІхъ* 103, *оставихъ* 103, *вззбранихъ* 104, *оуклонихъ* 104, *разумѣхъ* 104, *вззненавидѣхъ* 104/2х/, *поставихъ* 104, *вззлюбихъ* 104, 105, *изволихъ* 105, *оусзІша* 101, *взздрѣша* 101, *рашири* 101, *приа* 102, *вззІ* *сть* 102, *оуц'ножи* с 102, *основа* 102, *оустраши* с *а* 101, *вззІри* с 103, *сзхрани* 104, *вззлюби* 104, *мрзѣ* 104, *сзтвористе* 103, *сзздасте* 103, *исконзчасте* 103, *варисте* 104, *обззшо* с *а* 102, *безззаконоваш* с *а* 103, *повѣдаш* с *а* 103, *погзнаш* с *а* 103, *сзконзваш* с *а* 103, *приближаш* с *а* 104, *оудалиш* с *а* 104, *погзнаш* с *а* 104.

Наряду с формами простых прошедших времен встречаются и аналитические формы : перфект:

запрѣтилъ еси 101, *далъ* еси 102, *сзтворилъ* еси 102, *сзѣрилъ* еси 103/2х/, *живилъ* еси 104, *положилъ* еси 104. Как наши примеры показывают, вспомогательный глагол сохраняется в этих образованиях.

Из форм наклонений изъявительное наклонение было охарактеризовано нами среди форм настоящего времени.

Повелительное наклонение выражено синтетическим и аналитическим способами:

Синтетические формы: 2 л. ед.ч.: не отриши 100, не оуви 100, 101/2х/, 102/3х/, живи 100, 101/3х/, 102, 103, 104, отакрѣи 100, не сѣкрѣи 100, ѿиши 101/3х/, тврѣи 101, шстави 101, штврѣи 101, постави 101, помани 102, оутѣши 102, възвѣри сѣ 103, възвѣриши 103, 105, помози 103, нѣши 104, сѣди 104, нѣзави 104, 105, штрѣиште 105, въздаажѣ 100, вижаѣ 104.

3 л. ед.ч.: приди 101, вѣди 103/2х/, 105.

Аналитические формы: 1 л. ед.ч.: да не сѣгрѣши 100, да не сѣ постыжаѣ 103, 3 л. ед.ч.: да утѣшиши 103, да приближиши сѣ 105, да възидеѣ 105, да сѣпасеѣ 105.

3 л. дв.ч.: да не видѣи.

3 л. мн.ч.: да приидѣи 103.

Большое число употребления повелительного наклонения связано с характером текста.

Условное наклонение встречается только один раз: погы блѣ възидѣ 104. Эта конструкция, по мнению некоторых ученых, была архаической, западноболгарской. Однако она не была чужда и восточноболгарским диалектам⁴⁷. Таким образом, употребление этой конструкции в СлПс скорее всего можно объяснить как архаизм. Написание буквы ѣ вместо и, по нашему мнению, возникло путем контаминации с формой аориста от глагола възити.

Именные формы глагола представлены примерами причастия и инфинитива. Мы отметили только множественное число причастий.

Им.п. мн.ч. м.р.: воѣщен сѣ 103, воѣщен сѣ 103, вѣажчен 103, гонѣжен 104.

⁴⁷ А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1953, стр. 281.

Род.п. мн.ч.: оставѣишииъ 102.

Дат.п. мн.ч.: хранишииъ 101, поносишииъ 101.

Заслуживает внимания, что в местоименных, полных причастиях полностью отсутствует стяжение гласных. В инфинитиве, как правило, всегда пишется буква и в конце слов: желѣти 101, схранити 102/2х/, исповѣдати сѧ.

Рассмотрев особенности СлПс, подведем итоги нашим наблюдениям.

1. СлПс была списана с такого древнеболгарского протографа, который возник, по всей вероятности, не в Западной Болгарии. С языковой точки зрения этот протограф не был однородным: в нем преобладают архаические черты /отсутствие вокализации сильных редуцированных, редкие случаи переноса флексий среди разных типов склонения, сохранение древних типов форм аориста, нестяженные формы полных причастий и пр./, однако имелись в нем и следы таких тенденций, которые были чужды древнейшим рукописям /напр., наличие перегласовки слабых редуцированных, окончание -тъ в 2-3 л. дв.ч./.

2. Некоторые особенности языка СлПс свидетельствуют о том, что рукопись была списана на Руси в XI в. На наш взгляд, доказательством этого предположения служат следующие факты: 1, единичное написание буквы Ѧ в значении гласного 'ѧ' /ѥѦ/; 2. флексия твор.п. ед.ч. существительных не женского рода /созаѣцѣиъ 101, законѣиъ 101, разѣиъ 102/; 3, личное окончание 3 л. ед. и мн.ч. глаголов /ѣсть 103, 105, нѣсть 104 и пр./; 4. стяженная форма 1 л. ед.ч. имперфекта /ѡѡѡѡѡ 104/. Мы согласны с выводами Н. Ван-Вейка о том, что эти особенности дают право видеть в СлПс памятник русской редакции древнеболгарского языка⁴⁸.

3. В специальной литературе высказывалось предположение о том, что СлПс возникла на Руси в XI в, однако в ней нет никаких

⁴⁸ Н. Ван-Вейк. Указ. соч., стр. 49, 54.

русизмов⁴⁹. Отрицая русский характер рассмотренных нами особенностей СлПс, мы не можем привести никаких доказательств в пользу того, что интересующий нас памятник был списан на Руси. То обстоятельство, что СлПс была найдена в Слуцке, еще не доказывает ее русского происхождения. Русское происхождение СлПс будет несомненным только тогда, если мы допустим, что рассмотренные нами своеобразные черты действительно являются русизмами.

4. В СлПс мы видим памятник русской редакции древнеболгарского языка; однако незначительная ее русификация свидетельствует о том, что в СлПс перед нами самая ранняя фаза обрусения памятников древнеболгарской письменности, что может быть связано с тем, что СлПс можно считать очень древним памятником древнерусской письменности, в котором еще мало отражаются особенности живой древнерусской речи писца. Графика СлПс показывает ту фазу обрусения рукописей, когда еще не сложились ни тенденции, ни нормы древнерусской графической системы.

5. Архаичность языковых особенностей, особенно в области вокализма /сохранение редуцированных, их вокализации/ частично может объясняться архаизмами протографа и частично - восходят к особенностям речи самого писца СлПс.

⁴⁹ Slovník jazyka staroslověnského. Kn. 2. Úvod. Prolegomena. Praha, 1959, LXIV, LXXVII.

MONUMENTA LINGUAE RUSSICAE VETUSTAE

Redigint: V.V. Kolesov et E.H. Tóth

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

Редакторы: В.В. Колесов и И.Х. Тот

РУССКАЯ ЧАСТЬ САВВИНОЙ КНИГИ

И.Х. Тот

I. Рукопись № 14 Фонда 381 ЦГАДА /Москва/ представляет собой сшивок /colligatum/, разделяющийся по особенностям письма и языка на четыре части. Начало рукописи /лл. 1-24/ составляют отрывки евангельских чтений, написанные над смятым текстом стильным уставом середины XIV в. и имеющие в своем языке своеобразные псковские черты. Далее следует алфавитное евангелие, которому И.И. Срезневский, открывший рукопись, дал название "Саввина книга" /лл. 25-151 и 164-ый лист/. Третьей частью сшива является древнерусское продолжение Саввиной книги, которое, однако, не примыкает непосредственно к тексту Саввиной книги. По всей вероятности, листы 165 и 166 по своему содержанию и почерку следует особо выделить как четвертую часть рукописи. На этих листах также находится древнеболгарский текст различного содержания, датирующийся XI-м веком, однако он написан своеобразной одноеровой орфографией, употребляющей только букву ѣ /≠ ъ, ѣ/.

Саввина книга была найдена И.И. Срезневским. Вторую, древнерусскую часть он опубликовал под заглавием "Отрывки из русского списка книги евангельских чтений XI века" в Сведениях и заметках о малоизвестных и неизвестных памятниках под № XXV /СПб., 1867, стр. 44-57/. И.И. Срезневский не только выполнил первое издание /editio princeps/ интересующего нас

памятника, но и дал его краткую орфографическую и языковую характеристику, указывая на то, что по почерку и правописанию русскую часть следует отнести к XI в.

II. Русская часть Саввиной книги /в дальнейшем условно СК²/ содержит в себе чтение утреннего апракосного евангелия, однако из чтений от Матфея уцелели только 19, 20 стихотворения главы 28.

СК² написана на пергамене "различного качества" /В.В. Щепкин/. Пергамен то шероховатый и тонкий, то гладкий и толстый. Размер рукописи 13,1 x 17,4 см. Текст написан в один столбец, как правило, по 20 строк, но имеются и листы по 21 строке. В тексте имеются и инициалы; они черные и просто оформленные. Письмо: мелкий устав, для которого характерна неустойчивость, что сближает почерк СК² с почерком Пандектов Антиоха из XI века. Наряду с этой чертой почерка следует указать на вариантность букв: некоторые буквы имеют по 2-3 варианта.

Текст СК² сильно пострадал от времени: чернила выцвели, пергамен потемнел, поэтому некоторые слова трудно читаются или не поддаются чтению. Некоторые строки не видны даже на фотокопиях. Переплет рукописи поздний.

III. Имея в виду большую древность СК² и то обстоятельство, что ее единственное издание, выполненное еще И.Н. Срезневским, в наши дни стало действительно библиографической редкостью, мы предприняли новое издание интересующей нас рукописи.

Мы публикуем СК² по оригиналу, пользуясь и фотокопиями, снятыми с нее. Для сравнения текста приводим параллельные листы по Остромирову евангелию из издания А.Х. Востокова /Остромирово евангелие 1056-57 года. СПб., 1843/. Так как в Остромировом евангелии отсутствует часть чтений от Луки /стих. 12-35 из 24-ой главы/, то этот текст мы дополняем из Ассеманиева евангелия по изданию Й. Курца /*Evangeliarium Assemani Codex Vaticanus 3. Slavicus Glagoliticus Tomus II. Praha, 1955*/.

В дальнейшем мы укажем на некоторые своеобразия публикации текста.

1. Трудно читаемые или восстановленные нами чтения поставлены в квадратные скобки.

2. На л. 153 имеется дырка, которая обозначается нами таким образом, что оставлено значительное расстояние между буквами: л. 153а, строка 4: сѣ л0, л. 153б, строка 4: ѿнь н.

3. На л. 157 сверху из-за повреждения пергамена /пергамен прорван/ трудно читается первая строка.

4. Переплет рукописи поздний. При переплетении рукописи листы были перепутаны: этим объясняется, что СК² начинается с л. 156. Оригинальный порядок следования мы соблюдаем и в нашем издании.

5. В СК² мы обнаружили три приписки более позднего времени, восходящие, по всей вероятности, к одной и той же руке. Они находятся на следующих листах: л. 156б, л. 159б, л. 162а.

6. Наконец, следует указать на то, что обнаруженные при контроле ошибки - по техническим причинам - исправлены другим типом шрифта.

7. В качестве приложения к изданию нами даются: а/ список литературы об СК², б/ Список евангельских чтений по листам и в/ список евангельских чтений по евангельским местам.

IV. Переиздавая знаменитую русскую часть Саввиной книги, издатель дает себе отчет в том, что данное издание является продуктом совместной работы. Работая над СК² и подготавливая ее к изданию, издатель получил помощь от многих специалистов, среди них следует упомянуть Л.П. Жуковскую, О.А. Князевскую, В.В. Колесова, Я. Займнова. Издатель выражает им глубокую благодарность за их бескорыстную помощь. Одновременно издатель выражает свою благодарность дирекции ЦГАДА и заведующему ЦГАДА тов. М.И. Автократовой за представленную ему возможность изучения СК² в оригинале.

ПРИЛОЖЕНИЕ I. Список литература о Ск²

- И.И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. т. I. Под № XXV. СПб., 1867, стр. 44-57. /*Editio princeps*/.
- И.И. Срезневский. Древние славянские памятники юсового письма. СПб., 1868, стр. 5.
- И.И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. Изд. 2-ое. СПб., 1882, столбец 37.
- А.И. Соболевский. Очерки из истории русского языка. К., 1884, стр. 137.
- А.С. Орлов. Библиотека Московской Синодальной типографии. ч. I, вып. 1. М., 1896, стр. 1.
- Н. Волков. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI-XIV веков. СПб., 1897, стр. 51, стр. 51, под № 7.
- В.Н. Щепкин. Рассуждение о языке Саввиной книги. СПб., 1901, стр. 2-4.
- В.Н. Щепкин. Саввина книга. Памятники старославянского языка. т. I, вып. 2-оя. СПб., 1903, стр. 1-2.
- А.А. Шахматов. Курс истории русского языка. ч. I, 1910-1911, стр. 245.
- А.А. Пожаровский. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. М., 1916, стр. 36-37, 54.
- Н.М. Каринский. Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. Л., 1925, стр. 6. /С приложением снимков лл. 152, 163 на таблице 27/.
- В.И. Шумилов. Обзор документальных материалов по истории СССР периода социализма. XI- XVI вв. М., 1954, стр. 581.
- Н.В. Шеламанова. Предварительный список славяно-русских рукописей XI-XIV вв., хранящихся в СССР. Археографический Ежегодник за 1965 г., М., 1966, стр. 187, под № 2.
- Н. Дурново. Введение в историю русского языка. Изд. 2-ое. М., 1969, стр. 56, под № 23.
- И.Х. Тот. Русская часть Саввиной книги. *Dissertationes Slavicae* XII /1977/, Szeged, стр. 177-205 /с копиями л. 1616, 162а.

ПРИЛОЖЕНИЕ II. Список чтений по листам

152a Мат. 28: 19-20
152a Мар. 16: 1-8
152b
152b Мар. 16: 9-20
153a
153b Лук. 24: 1-12
154a
154b Лук. 24: 12-35
155a
155b
156b Лук. 24: 36-53
157a
157b
157b Иоан. 20: 1-10
158a
158b
158b Иоан. 20: 11-18
159a
159b Иоан. 20: 19-31
160a
160b
160b Иоан. 21: 1-13
161a
161b
162a Иоан. 21: 14-25
162b
163a

ПРИЛОЖЕНИЕ III. Список чтений по евангельским местам

Мат.	28: 19-20	152a
Мар.	16: 1-8	152a
		152б
Мар.	16: 9-20	152б
		153a
		153б
Лук.	24: 1-12	153б
		154a
Лук.	24: 12-25	154б
		155a
		155б
		156a
		156б
Лук.	24: 36-53	156б
		157a
		157б
Иоан.	20: 1-10	157б
		158a
		158б
Иоан.	20: 11-18	158б
		159a
Иоан.	20: 19-31	159б
		160a
		160б
Иоан.	21: 1-13	160б
		161a
		161б
		162a
Иоан.	21: 14-25	162a
		162б
		163a

156a

- КОЛИ ПОДОБАШЕ ПОСТРАДАТИ
ХОУ НІ ВЪННТИ ВЪ СЛАВОУ СВОѢ .
Н НАУ^ТБНЬ ѿ МОСТѢ НІ ОТЬ ВЪСѢХЪ
ПР^ОКЪ СЪКАЗАШЕ НІМА ВЪ ВЪСѢХЪ
5 КНИГАХЪ РАЖЕ БАХОУ О НЕМЬ . НІ ПРИ
БЛИЖИША СЯ ВЪСЬ ВЪНТО ЖЕ НАА
СТА . НІ ТЪ ТВОРАШЕ СЯ ДАЛЕЧЕ НІТИ .
НІ НЖАСТА НІ ГЛѢЩА . ОБЛАЖИ СЪ
НАМА РАКО ПРИ ВЕЧЕРѢ ГЕСТЬ . НІ ПРѢ
10 КЛОНИЛЪ СЯ ГЕСТЬ ОУЖЕ ДНЬ . НІ ВЪ
НИДЕ СЪ НИМА ѿБЛЕЩЬ . НІ ПРИНІ
МЪ ХЛѢБЪ БЛГѢН . НІ . ПРѢЛОМЛЪ
ДАРАШЕ НІМА . ѿНѢМА ЖЕ ѿВРЬ
ЗОСТА СЯ ОУНІ НІ ПОЗНАСТА НІ . НІ ТЪ
15 НЩЕЗЕ ѿ НЕГО . НІ РѢСТА КЪ СЕБЕ
НЕ СРДЧЕ АНІ НАГО ГОРА БѢ ВЪ НАГО .
ЕГДА ГЛѢШЕ КЪ НАМА НА ПЖТИ
НІ КАКО СЪКАЗАШЕ НАМА КНИГЪІ .
НІ ВЪСТАВЪША ВЪ ТЪ ЧАСЪ ВЪЗВРА
20 ТИСТА СЯ ВЪ НІ-ЕЛМЬ . НІ ОБРѢТО

Параллельные тексты по Ассеманьеву и Остромирову евангелиям

КОЛИ ПОДОБАШЕ Н^О
 СТРАДАТИ ХОУ
 И ЕСТЬ КРЪСНѢТИ
 ОТЬ МРЪТЕМ
 ЯХЪ. И БЪННТИ ЕСТЬ
 СЛАВѢ СВОЕИ. 27. И
 НАЧИНЪ О МОСИ
 И ОТЬ ВЕРХУ ПРРО
 СЪКАЗАШЕ НАМ
 КНИГЫ. БЖЕ
 БѢАХО^О НАМА ПИ
 САНА. 28. И ПРИЕМА
 ЖИША СЯ ЕСТЬ ВЕС.
 ЕСТЬ НИЖЕ ИДѢШИ
 ТЕ. И ТЪ ТЕОРКА
 ШЕ СЯ ДАИ ИТИ.
 29. И НАЖДАШЕ И ГЛА
 ЦА. ОБЕАШЕ СЯ
 НАМА. БЖЕ ПРИ ВЕ
 ЧЕРКЪ ІЕСТЪ. И ПРК
 КЛОНИАТЬ СЯ ІЕСТЪ

ЮЖЕ ДѢ. И БЪНН
 ДА СЯ НАМА ОБЕА
 ШЪ. 30. И БѢ БЖЕ ВЪ
 ЗАВЖЕ СЯ НАМА.
 ПРИЕМА ХАБЕ
 БЕАЕ. И ПРКА
 МЪ ДАЖЕ НАМА.
 31. ОНѢМА ЖЕ ОТЕРЪ
 ВОСТЕ СЯ ОЧИ И
 РОЗНАСТА И. И ТЪ
 ИЩЕ О НИО. 32. И РК
 СТЕ КЪ СЕБѢ. НЕ СР
 ДЦЕ М НАО ГОРЫ
 БѢ ЕСТЬ НАО. БГДА
 ГЛА КЪ НАМА НА
 ПАТИ. И БЖЕ СЯ
 КАЗАШЕ НАМА КЪ
 НИГЫ. 33. И ЕСТЬ
 ЕСТЬНА ЕСТЬ ТЪ ЧАС.
 ЕСТЬВЕРАТИТЕ СЯ
 ЕСТЬ ИІРМЪ. И ОБРК
 ТО

СТА СЪВЪКОУПЛѢША СЯ ГЕДИНО

ГО НА ДЕСАТЕ . ИЖЕ БАХОУ СЪ НИМИ

ГЛѢШЕ . ИАКО ВЪ ИСТИНѢ ВЪСТА ХЪ

^С ПИ ВЪЕ И ГЛѢ СЯ СИМОНУ И ТА ПОВЕДАСТА

^{2. НЕ. НА} ИА ЖЕ БЪИША НА ПОУТИ . И ИАКО СЯ ПО

ВЪЗНЕ ЗНА НИМЪ ВЪ ПРЕЛОМЛЕНІЕ ХЛѢБА

СЕНИЕ ГЛУГЛН .^{2.} Т НИМАНА

Лук. 24, 36-53

ВЪ ВРЕ^М ОНО . ВЪСКРЬСЪ ІС^ТЪ МРЬ

ТВѢИХЪ СТА ПОСРЕДѢ ОУЧЕНИ

10 КЪ СВОИХЪ И ГЛѢ НИМЪ МРЬ

ВАМЪ . АЗЪ ГЕСМЪ НЕ БОНТЕ СЯ

ОУБОГАВЪШЕ ЖЕ СЯ И ПРИСТРА

ШНИ БЪИВЪШЕ . МНАХОУ ДХЪ

ВНАЩЕ . И РЕЧЕ НИМЪ ПО УТО

15 СЪМОУЩЕНИ ГЕТЕ И ПО УТО ПО

МЫШЛЕНІА ВЪСХОДАТЬ ВЪ

СРѢДА ВАША . ВНАНТЕ РОУТЕ МО

И И НОЗЪ МОИ ИАКО САМЪ АЗЪ ГЕ

СМЪ . ОСАЖЕТЕ МА И ВНАНТЕ . ИА

20 КО ДХЪ ПЛѢТИ И КОСТИ НЕ НИМАТЬ .

КОУ
СТЕ СОВѢНН

ША СЯ ЕДИНОГО НА

ДАСАТЕ: Н ЪКІ

БѢАХЪ СЯ НИМІ

34. ГЛ҃ШЕ: ККО КЪ Н

СТІНА КЪСТА

ХЪ: Н КЕІ СЯ СІ

МОНУ: 35. Н ТА ПОЕК

Лук.
XXIV.
36.
46.

ВЪОУМНО

ВЪОКРЬСѢНІОУ О

ТЪМЪРЪТЪМНХЪ

ОТАПСОУДОУУЕ

НИКЪОВОНХЪ: Н

ГЛАНЫМЪ МНОУ

37. ВАМЪ ОУБОИВЪ

ШЕЖСОАИПРОТРА

ШЪНИБЪВЪШЕ.

МЪНААХЪАХЪВН

38. ДАЩЕ ПРЕУСНМЪ

УЪТОУМЪЩЕНН

НОТЕ: ННОУЪТОПО

МЪШАНИННІВЪ

ХОДАТЪВЪОРЪДЪ

39. ЧАВАША ВІДНТЕ

РЪЦЪМОИИНОУЪ

МОН: ИКООАМЪА

ЗЪНОМЪ ООАЖНТЕ

МАИВІДНТЕ: ИКО

ДОУХЪ: ПАЪТНН

КОУТННЕННААТЪ

КРЪСТЯЩА НА ВЪИМА ОНА И СНА. И СТА
 ПО ^ААА ОУЩАЩА БЛГОСТН. ВСА РВАН
 КО ЗАПОВЕДА ВАМЪ. И СЕ АЗЪ СЪ ВА
 МН ЕСМЪ ВСА ДНН. ДО СЪКОНЬА
 5 НННА ВЪКОУ АМННЪ. . . РВНАН
 РВ. ^ТУ МРКА : ГН. ^СТ. ^АНЕ ПО ПАС[И] ^ТУ ПС ^А Марк. 16, 1-8

ВЪ ВРЕМА ОНО. МННОУЪШН СЖ
 БОТЪ МРНН МАГДАЛЪИНН. И МРНН
 ННАКОВАА. И СА[ЛА]ННН. КОУ
 10 ПНША АРОМАТЪ: ДА ПРИШЕДЪШЕ
 ПОМАХОУТЬ ІСА. И ЗЕЛО ЗАОУТРА
 ВЪ РВАННОУ СЖБОТЪ ПРИДОУ НА ГРО
 БЪ ВЪ[Ш] ДЪША СЛНЦА. И ГЛХОВ
 КЪ СЕБЕ. КТО ^ТУВААННЪ НАМЪ КА
 15 МЕНЬ ^ТУ ДВЪРН ГРОБА. И ВЪЗЪРЪ
 ВЪШЕ ВНАДЪША ГАКО ^ТУВААЕНЪ БЪ
 КАМЕНЬ. БЪ БО ВЕЛНН ЗЕЛО. И ВЪЛЪ
 ЗЪ ЖЕ (sic) ВЪ ГРОБЪ. ВНАДЪША ГОНОШЖ
 СЕДАШЪ О ДЕСНОУТО ОДЕНЪ ВЪ ОДЕ
 20 ЖДЖ БЪЛОУ. И ЖЖАСУ (sic) СА. ОНЪ ЖЕ
 РЕЧЕ ННМЪ. НЕ ОУЖАСАНТЕ СА ІСА

КРЪОТАЩЕ
 МА · ВЪНМАОЦА ·
 НОНА · НОТААГО
 20. ДХАΟΥУАЩЕМА
 БАЮОТН ВЪОМ
 ИАНКОЗАПОВЪ

Мар.
 XVI
 1.

МНИЖВЪШНОЖ
 БОТЪ · МАРИМА
 ГЪДААДНН · И
 МАРИНИКОВАН
 НСААОМНИ · КОУНИ

ШААРОМАТЫ · ДА
 ПРИШЪДЪШЕПОМА
 2. ЖЪТЪНОУОАН
 ЗЪАОЗАΟΥТРА · ВЪ
 ИДНИНОЖБОТЫ ·

ПОНДОШАНАГРОБЪ ·
 ВЪОНИВЪШОУОЪ
 3. АТНЪЦЮ ИГЛААГО
 АААХЖКЪСЕБЪКЪ
 ТООТЪВААНТЕНА
 МЪКАМЕНЬ · ОТЪ
 ДВЪРННГРОБОУ
 4. НВЪЗЪРЪВЪШАВН
 ДЪШАИКООТЪВА
 АИНЪБЪКАМЕНЬ
 БЪБОВЕАНКЪЗЪ
 5. АО НВЪЛАЪЗЪША
 ВЪГРОБЪ · ВНАЪША
 ЖНОШЖСЕДАЩЪ

ОДЕОНЖЖНХЪО
 ДЪНЪВЪОДЕЖАЖ
 БЪАЖНОУЖАОО
 6. ШАОАОНЪЖЕГАА
 ГОААНМЪНСОУЖА
 ОАНТЕОАНООУСА

1526

- ищете на заранима распатаго
въста мѣсть съде се мѣсто и
деже бѣ положенъ . нѣ нѣте
и речеете оученикомъ еіѡ и пе
5 трови . ꙗко вараѣтъ въи въ га
ахъи тоу и видѣте ꙗко же
рече вамъ . и шѣдъ ѡше въ жа
ша ѡ гроба имаше же ꙗко стра
хъ и оужасъ и ни комоу же
10 ниу соже не рѣша бѣахоу
бо са . . . ^Гевѣнѣ . ^Ти ма^Кр[а] ^Аѡ . ^Слг . . . Марк. 16, 9-20
- В**ъставъ іс за оутра въ прѣвѣи
сѣботѣ . ꙗви са прѣже же и прии
магдалинѣ . и ѡ неѣ же и
15 згѣна . ^З . бѣсѣ ѡна же шѣ
дѣши . възвѣстѣи бѣ[и] въши
мъ съ нимъ . плачущемъ
са и рѣдающе . они же
сѣшавъша ꙗко живъ
20 гѣсть . и видѣнъ бѣсть гѣ

153A

- НЕ АША ВѢРЪІ . ПО СНХЪ ЖЕ ДѢ
ВѢМА ^Т ѿ ННХЪ ГРАДОУЩА
ГѢВН СѦ ННѢМЪ ОБРАЗЪМЪ Н
ДОУЩЕМА НА СЕ ЛѠ . Н ТА
5 ШЕДЪША ВЪЗВѢСТИТА ПРО
УНИМЪ НН ТѢМА ЖЕ ВѢРЪІ
ГѢША . ПОСЛАЕДЪ ВЪЗЛЕЖА
ЩЕМЪ ННМЪ . ЕДИННОМУ НА
ДЕСАТЕ ГѢВНСА Н ПОНОСИ НЕ
10 ВѢРЬСТВЬНО НХЪ Н ЖЕСТО
СРДЬО НХЪ . ГѢКО ВНАДѢВЪ
ШНМЪ ѿГО ВЪСТАВЪША ѿ
МРЬТВѢИХЪ НЕ АША ВѢРЪІ
Н РЕЧЕ ННМЪ . ШЕДЪШЕ ВЪ МН
15 РЪ ПРОПОВѢДАНТЕ . ЕВАНГѢЛІ
Е ВСЕІ ТВАРН . НИЖЕ ВѢРОУ Н
МЕТЬ Н КРСТЪ ^Н СѦ СПѢСЕНЬ
БОУДЕТЬ . А НИЖЕ НЕ НМЕТЬ ВѢ
РЪІ ОСОУЖДЕНЬ БУДЕТЬ .
20 ЗНАМЕННИГА ЖЕ [ГОС]ЛАДОУГО

нє вѣ рова ша ·
12. по он хъ жє · дѣ
вѣ ма о тѣ нн
хъ н дѣ шє ма ·
н в н о а н н ѣ мь
о б р а з ѣ мь · н
а ж шє ма н а о с
13. а о н т а ш ѣ дѣ
ша · по вѣ да о т а
про у н н мь · нн
о н ѣ м а в ѣ р ѣ
14. я ша по о а ѣ дѣ
жє · в ѣ з а є ж а
шє м ѣ н м ѣ н
д н н о м о у н а
дє о а т є м а н о а
н н о н о о н · нє вѣ
р ѣ с т є н ю н хъ
н жє о т о о р ѣ д н ю
н к о в н д ѣ в ѣ

ш н н м ѣ н г о в ѣ
о т а в ѣ ш а н з м ѣ
р т в ѣ х ѣ нє вѣ
15. р о в а ш а н рє
у є н м ѣ ш ѣ дѣ
шє в ѣ в ѣ о ѣ мн
р ѣ · про ц о в ѣ д а
н т є є у а н г ѣ л н
в ѣ о є н т в а р н
16. н жє в ѣ р ѣ ж н мє
т ѣ н к р ѣ о т н т ѣ
о а о п с є н ѣ б ѣ дє
т ѣ а н жє н є н
мє т ѣ в ѣ р ѣ о
о ж ж дє н ѣ б ѣ дє
17. т ѣ з н а мє н нн
жє вѣ р о в а в ѣ ш н
н м ѣ · по о а ѣ дѣ
о т в о у ж т ѣ о н

Н
М Е Н Е М Ы М О Н Ы
Б Ъ О М Н Ж Д Е Н Ж
Т Ъ . М З Ы К И В Ъ
З Г А Ъ Т Ъ Н О В М
18. Б Ъ Р Ж К А Х Ъ . З М Н
И В Ъ З Ъ М Ж Т Ъ
А Ш Е Н О Ъ М Р Ъ Т Ъ
Н О У Ъ Т О Н О П Н Ж
Т Ъ . Н И У Ъ Т О Ж Е
Н Х Ъ Н Е В Р Ъ Д Н Т Ъ
Н А Н Е Д Ж Ж Ъ Н Ы
М Р Ж К И В Ъ З Л О
Ж А Т Ъ . Н О Ъ Д Р А
19. В Н Е Ж Д Ж Т Ъ Г Ъ
Ж Е Н Т О . П О Г Л А Н Н
Н И Г О К Ъ Н Н Ы
В Ъ З Н Е С Е О А Н А Н Е

Б О Н Е Т Д Е . О Д Е С Н Ж
20. Ж Б А О Н И Ж Е Н
З Ш Ъ А Ъ Ш Е . П Р О
П О В Ъ Д А Ш А В Ъ
О Ж Д О У Г О У П О С П Ъ
Ш Ъ О Т В О У Ж Ш О У
Н О Л О В О О У Т В Р Ъ
Ж А Ж Ш О У . П О О Л Ъ
Д Ъ О Т В О У Ж Ш Н И
М Н З Н А М Е Н И И
А М Н И Ъ .

А С С А . О Т Л О У . Г А А . Т А В .

Дук.
XIV.
1.

Ъ Н Д И Н Ы Н
Ж Е О Ж Б О Т Ы
З Ъ Л О Р А Н О П Р И
Д О Ш А Ж Е Н Ы Н А
Г Р О Б Ъ . Н Е О Ж Ш А .
М Ж Е О У Г О Т О В А
Ш А А Р О М А Т Ы
Н И Ъ К И М О Ъ
2. Н И М Н

154A

ОБРЕЧѢ ЖЕ КАМЕНЬ ^ТВЛАДЕНЬ ^Ѡ
ГРОБА . Н ВЪШЕДЪША НЕ ОБРЕТѢ
ТЕЛЕСЕ ^ГА ^ІС . Н БЫСТЬ НЕ ДОМЫ
СЛАЩЕМЬ СЯ ^Ѡ СЕМЬ . Н СЕ МЪ
5 ЖА ДЪБА СТАСТА ВЪ ННХЪ . ВЪ
РНЗАХЪ БЛЩАЩАХЪ СЯ .
ПРЕСТРАШЕНАМЪ ЖЕ БЫВЪ
ШЕМЪ . НМЪ Н ПОКЛОНШЕМЪ
ЛНЧЕ НА ЗЕМЛЮ . РЪСТЕ КЪ НН
10 МЪ УТО НЩЕТЕ ЖИВАГО СЪ
МРЪТЪИМЪ . НЕСТЬ СЪДЕ НЬ (sic)
ВЪСТА . ПОМАНЪТЕ ГАКО ЖЕ
ГЛА ВАМЪ . ЕЩЕ СЫ ВЪ РАМНАѢ
Н ГЛА . ГАКО ПОДОБАЕТЪ СНЖ
15 ^ѠУ ВЪ ^ѠСКОУМОУ . ПРЕДАНУ БЫ
ТИ ВЪ РОУЧѢ ^ѠУЛКЖ ГРЪШНИ
КОУ . Н РАСПАТОУ БЫТИ Н . Г .
ДНЬ ВЪСКРЪСНОУТИ . Н ПОМА
НОУША ГЛѢТ ГЕГО . Н ВЪЗВРАТИ
20 ША СЯ ^ТГРОБА . ВЪЗВѢСТИША

ОБРѢТО
 ШАЖЕКАМЕНЬ
 ОТЪВЛАДЕНЬОТЪ
 3. ГРОБА НВЪШЬ
 ДЪША НСОБРѢ
 ТОША ТЪАСОЕГѢ
 4. НГОА НЕМОТЬ
 НЕДОМНОЛАЩЕ
 МЪОА НМЪООЕ
 МЪ · НОЕМЪЖА
 ДЪВАОТАОТЕВЪ
 ННХЪ · ВЪРНЗА
 ХЪБААЩАЩА
 5. ХЪОА ПРИОТРА
 ШЕНАМЪЖЕБЫ
 ВЪШАМЪНМЪ ·
 НПОКАОНЪША
 МЪАНЦАНАЗЕ
 МАЖРЕКОСТА
 КЪННМЪ УЪТО
 НЩЕТЕЖНВАА

ГО · ОБМРѢТВЫ
 5. НМННЪОТЪОБ
 ДЕНЬЕЪОТА ·
 ПОМАНЪТЕМКО
 ЖЕГЛАВАМЪ · Е
 ШТЕСЫВЪГААН
 7. АСНГАМ · НКО
 ПОДОБАКТЪОНОУ
 УАУЪОКОУОУМОУ
 ПРѢДАНОВЕМ
 ТНВЪРЖЦЪУАО
 ВЪНЪГРѢШЬНН
 КЪНОАОНАТОУ
 БЫТН НТРЕТН
 ИДЪНЪВЪОКРЬ
 8. ОНЖТН НПО
 МА НЖШАГАМ
 9. НГО НВЪЗВРА
 ЩЪШАОАОТЪ
 ГРОБА ВЪЗВЪ
 ОТИША

ВСА СМ ЕДИННОМУ НА . ^Т . ТЕ . Н^И ВЪ
 СЪМЪ ПРОУНИМЪ . БЪШЕ ЖЕ
 ИРНИА МАГДАЛЪИНН . НОАНА Н^И
 ИРНИА ИАКОВАНА . Н ПРОУАНА СЪ
 5 НННН . НАЖЕ Н^И ГЛАХОУ КЪ АПАМЪ
 СЕ Н^И ГВНИША (sic) СМ ПРЕДЪ НННН
 ГАКО БЛАДН (sic) ГЛН НХЪ . Н НЕ НМА
 ХОУ НМЪ ВЪРЪН . ПЕТРЪ ВЪСТА
 ВЪ ТЕМЕ КЪ ГРОВОУ . Н^И ПРИНН
 10 КЪ ВНАДЪ РИЗЪИ ЕДИННЪИ ЛЕЖА
 ЦА . НАДЪ ВЪ СЕБЕ ДНВА СМ БЪИ
 ВЪШОУМОУ:
 еу^Ате . Е ^Т НОАНА

Лук. 24, 12-35.

ВЪ ВРЪ^М ОНО . ПЕТРЪ ВЪТАВЪ
 15 ТЕМЕ КЪ ГРОВОУ . Н^И ПРИНННН
 ВНАДЪ РИЗЪИ ЕДИННЪИ ЛЕЖА
 ЦА . Н^И НАДЪ ВЪ СЕБЕ ДНВА СМ БЪИ
 ВЪШОУОУМЪ . Н^И СЕ ДЪВА ^Т НН
 ХЪ БАСТА ИДОУЦА ВЪ ТЪХАЕ
 20 ДНЪ . ВЪ ВСЪ ^Т ШТОИЩОУТЪ О ДА

ВЪЗЛОСН
ИДННОМОУНА
ДЕОАТЕ·НВЪОЪ
МЪПРОУНИМЪ
10. БЪАШЕЖЕМА
Г-ДААЫННМА
РНИ·ННОАНА·
НМАРНИНИ
КОВАМ·НПРО
УАААОЪННИМ
АЖЕНГЛААХЖ
КЪАПАЛОМЪСН
11. НМВНШАСА

ПРЪДЪННМН
ИКОБААДН
ГЛННХЪ·ННЄ
НМЪАХЖНМЪ
12. ВЪРЫПЕТРЪ
ЖЕВЪСТАВЪ
ТБУЕКЪГРОБОУ
НПРННИКЪ
ВНАЪРНЗЫ
НДННЫЛЕЖА
ША·ННДБВЪ
СЕБЪДНВАСА
БЫВЪШОУОУ
МОУ·—

(ѣ) т н ѳ
· СЕЯ ѿ НО Г(ЛН)

Нъ ѳ ѳрк
ма · 12. Нѳ
тръ къ
стабъ ·

Lukā
24.

тче къ грѳ
коу · ѳ приникъ
вѳдъ рязы ле
жащѳа ѳхны ·
ѳ ѳде къ сѳбъ дѳ
ва сѳ бѳмѳѳноу
ѳѳмоу · 13. ѳ сѳ дѳва
ѳ нѳхъ бѳмѳѳ ·
ѳджнѳѳа къ тѳ
ждѳ дѳнѳ · къ вѳ
сѳ дѳсѳѳѳѳѳѳѳѳ ·

ISSA

- ЛЕУЕ • ^Тѣ • ѿ НІ-ЕЛМА • ГЕН (sic) ЖЕ НМА
ЕМАΟΥСЪ • Н • ТА БЕСЕДОВАСТА КЪ
СЕБЕ ѿ ВСѢХЪ ПРИКЛИ-ОУЪШИ
ХЪ СЯ СІѢХЪ • Н БѢ^Е • БЕСЕДОУЮ-
5 ЩЕМА НМА НІ СЪТАЗА-ОЩЕМА
СА • НІ САМЪ ІСЪ ПРИЕЛАНЖЕВЪ
СА НДАШЕ СЪ ННМА • ѿНН ЖЕ
ГЕГО ДРЪЖАСТА СА Д[А] ЕГО НЕ ПО
ЗНАЕТА • РЕУЕ КЪ ННМА : УЪТО
10 СХТЪ СЛОВЕСА СН • О ННХЪ ЖЕ СЪ
ТАЗАСТА СА КЪ СЕБЕ НДОУЩА
НІ ГЕСТА ДРАХЛА • ѿБѢЩАВЪ^Т
ЖЕ ГЕДННЪ ГЕМОУ ЖЕ НМА КЛЕ
ѿПА • РЕУЕ КЪ НЕМОУ • ТЪН ЛН
15 ГЕДННЪ ПРИШЛАБЦЪ ЕСН ВЪ НІ
ГЕЛМЪ • НІ НЕ УОУ БЪЛВЪШИ
ХЪ ВЪ НЕМЪ ВЪ ДНН СМѢА • РЕ
УЕ ЖЕ КЪ ННМА КЪІХЪ • ОНА
ЖЕ РЪСТА ЕМОУ • ГѢЖЕ ѿ ІСЪ
20 НАЗАРАНННЪ • НІЖЕ БЪІ МѢЖЪ (sic)

стадіи шестѣ
десѣтъ ѿ нѣрѣма.
ѣже ѿма ѿма
оу҃съ. 14. ѿ та вѣсѣ
докаѣста къ се
вѣ. ѿ вѣхѣхъ при
а ключишииу҃хъ сѣ
сиу҃хъ. 15. ѿ вѣхѣхъ
сѣдоуѣщама ѿма
ѿ сѣтѣсѣщама
сѣ ѿма. и се самѣ
иѣхъ приближи сѣ
идѣаше с нима
16. ѡчи же дрѣж
ѣсте сѣ да (е)го не
познаѣте. 17. Рече
же къ нима что
сѣхъ словеса си
о нихѣже сѣтѣсѣ
ста сѣ къ сѣбѣ ѿ
дѣца ѿ ѣста дрѣ
сѣла. 18. ѡтѣхѣша
вѣ же єдинѣ. ѿ
моу҃же ѿма кѣ
ѡна. рече къ нимау҃:
Тѣхъ лѣ єдинѣ
пришеиу҃хъ ѣси
вѣ нѣрѣмѣ. ѿ не
чио бѣхѣшии
хѣ вѣ нима вѣ
дѣни сѣлѣ: 19. ѿ рѣ
чи къ нима кѣѿ
ѿхѣ. ѡна же рѣсте
ѡмоу҃. Тѣже ѡ нѣхъ
назарей. ѡже бѣхъ
мѣжѣ

- ^о
 прѣкъ снѣнь дѣломъ и слово
 мѣ . прѣдѣ бѣмъ и всѣмъ людемъ
 мѣ и како ѿ прѣдаша архiereвѣ
 ѿ князи наши на осужденіе съ
 5 мръти и распаца ѿ . мѣи же на
 дѣлахомъ сѣ . ꙗко съ гестъ хотѣ
 нѣзбавити (sic) нѣзлѣга . нѣ и надѣ въ
 сѣмъ снѣмъ третнѣ сѣ дѣнь и
 матъ дѣнь . ѿнеле же сѣ бѣи нѣ
 10 и женѣи н[ѣ]кѣи ѿ насъ оужа
 снѣша нѣи . бѣтѣвѣша рано оу про
 ба . придоша глѣца . и ꙗвленнѣ
 анѣлъ видѣша . ѿже глѣотъ ѿ
 жнѣа . ꙗдоша же нѣцни ѿ насъ
 15 къ пробоу ѿ обрѣтоша тако .
 ꙗко же ѿ женѣи рекоша . само
 го же не видѣша . и тѣ рече къ
 нѣмъ . ѿ несѣмѣислѣна ѿ мѣдѣ
 лѣна срдѣмъ вѣровати ѿ въ
 20 сѣхѣ . ꙗже глѣша прѣци . не та

прѣ · снѣ
нѣ дѣломъ ѿ сло
вомъ · прѣдъ · бѣ
ѿ всѣмъ людьми
20. и како прѣдаш(а)
ахиерей и князи
наши на оужде
ние сьмѣ · ти и
распашѣ · 1. 21. мѣн
же надѣхомъ сѣ ·
ѣко сѣ ісѣ хотѣи
избавити ѿзѣ ·
нѣ ѿ надъ · всѣмъ
третій сѣ · дѣ · дѣнѣ
имать · ѿнелѣжи
сѣ · бѣ · 22. і · же
нѣ · і · терѣн · ѿ · на
сѣ · оужасни · нѣ ·
бѣ · нѣ · рано · оу ·
грова · 23. ѿ · не · о · б · р · к · т ·
шѣ · т · к · і · ѿ · при
дѣ · г · л · ѣ · ш · ѣ · ѿ · де · ле ·
нѣ · ѿ · н · ѣ · в · і · д · ѣ ·
вѣ · ш · ѣ · і · же · ѿ · г · л · ѣ ·
тѣ · ж · ѣ · 24. ѿ · ѿ ·
дѣ · і · т · ѣ · ѿ · н · ѣ ·
кѣ · грокоу · ѿ · о · б · р · к · т · ѣ ·
такѣ · к · ко · же · ѿ · ж · и · т · ѣ ·
р · ѣ · ш · ѣ · с · а · м · о · го · же ·
нѣ · в · і · д · ѣ · ш · ѣ · 25. ѿ · т · ѣ ·
р · і · че · кѣ · н · і · м · ѣ · ѿ ·
н · і · р · а · з · о · у · м · ѣ · н · ѣ ·
ѿ · м · о · у · д · ѣ · н · ѣ · о · р · ѣ ·
мѣ · к · ѣ · р · о · к · а · т · і ·
о · вѣ · с · т · ѣ · ѣ · же · г · л · ѣ ·
шѣ · пр · і · ц · и · — 26. ѿ · т · а · ко ·

157A

- Ѣ́АКО ЖЕ МЕНЕ ВѢДѢТЕ НМОУЩА . Н
сѣ рекѣ показа нѣмъ роуѣ нѣ но
зѣ нѣ ребра своѣа . ꙗ́ще же не въ
роуѣще^тмъ нѣмъ ѿ радости
5 нѣ ухаже^тмъ сѣ . рече нѣмъ . нѣма
те ли что съмѣдѣно сѣде . они
же даша емоу рѣ^тбѣи пегубѣи
часть . н ѿ бѣ^тгѣлъ сѣтъ . н гадѣ
прѣдѣ нѣмъ проуче^т дасть нѣ
10 мѣ . н рече нѣмъ сѣ соутѣ словѣ
сѣ ꙗ́же глѣхѣ вамѣ . ꙗ́ще сѣ ва
ли сѣи . ꙗ́ко подобаетѣ съконѣ
чати сѣ всѣмъ написанѣи
мѣ въ законѣ мостовѣ н прѣ^тчѣ
15 хѣ . н [пѣса] хѣмѣхѣ ѿ мѣ . т[о]
гда шѣ^трьзе нѣмъ оумѣ да разоу
мѣ^тотѣ книгѣи . н . рече нѣмъ
Ѣ́АКО ТАКО ПИСАНО ЕСТЬ Н ТАКО
ПОДОБАШЕ ПОСТРАДАТИ ХОУ .
20 нѣ въскрьсноути ѿ мрѣ^ттъи
хѣ

и кожема видн
40. тенмѣща нсере
къ · показанмѣ
11. рѣцѣннозѣ и
шежене вѣроуѣ
ше мѣнмѣотъ
радоотн · нѣоу
даше мѣоу реуе
нмѣ нматеан
уѣтооѣнѣдѣно
42. оѣде оннжедаша
нмоу рѣмѣнѣуе
нмѣуаотъ · нотъ
43. бѣуеаѣотъ · н
прннмѣ прѣдѣ
44. ннмнѣотъ · реуе
женмѣоѣжѣтѣоо
вѣоанжегѣахѣнѣ

самѣншеоѣгоѣва
мннкоподобантъ
отъконѣуатноавѣ
оѣмѣнапнсаннѣ
нмѣвѣзаконѣмо
оѣоѣнѣвѣпророцѣ
хѣнѣвѣпѣаѣмѣ
45. хѣомѣнѣ тогѣа
отъвѣрѣзѣнмѣ
оѣмѣ · ааѣразоу
мѣжѣтѣпнсаннѣ
46. нреуе нмѣ ннота
копнѣоанѣотѣн
такопѣоѣаѣшепѣ
отѣаѣатнхѣоѣ · н
вѣокрѣонѣжѣтнотѣ
мѣрѣтѣмнхѣ

ТРЕТИИ ДНЬ И ПРОПОВѢДАТИ СЯ
 ВЪ НИМА Е-ГО ПОКАНИИ-Е (VIC) ВЪ ОТПОУ
 ЩЕНИИ-Е ГРѢХОВЪ . ВЪ ВЪСТѢХЪ ГА
 ЗЪЩЕХЪ . НАУЧЬШЕ ^Т ѿ НІ-ЕЛІА .
 5 ВЪІ ЖЕ Е-СТЕ СЪВѢДТЕЛѢ СНИМЪ .
 И СЕ АЗЪ ПОСЛАЮ ОБѢТОВАНИА
 ОЦА МОЕГО НА ВЪІ . ВЪІ ЖЕ СЛАДѢТЕ
 ВЪ ГРАДѢ НІ-ЕЛІАСІИ . ДОУДѢЖЕ
 ОБЛЪЧЕТЕ СЯ СИЛОЮ СЪВЪІШЕ . И
 10 ЗВЕДЪ ЖЕ ГА ВЪНЪ ДО ВЪФАНІА
 И ВЪЗДВИГЪ РОУТѢ СВОИ БЛГВН ГА .
 И БЪІ . Е-ГДА БЛГСЛОВАШЕ ГА ^Т ѿ
 СТОУПН ^Т ѿ НИХЪ . И ВЪЗНОШАШЕ СЯ
 НА НБѢ . И ТИ ПОКЛОНИША СЯ ЕМОУ .
 15 И ВЪЗВРАТИША СЯ ВЪ НІ-ЕСЛМЪ
 СЪ РАДОСТЬЮ ВЕЛИКОЮ И БЯХОУ
 ВЪНѢ ВЪ ЧРКВѢ . ХВАЛАШЕ И
 БЛГСЛАВШЕ БѢ АМИНЬ : .
 (В) ЕУГЕНЕ . ^Т Н ^Т ИОА

Иоан. 20, 1-10

тре

47. ТИНАДЬНЬ НПРО
 ПОВѢДАТНОВЪН
 МАМОПОКААНЮ
 НОСТАВАННЮГРЪ
 ХОМЪ. ВЪВЪОХЪ
 ИЗМЦЪХЪ. НАУЪ
 НЪШЕОТЪНЕРОВОА
 48. АНМАВМЖЕМОТЕОЪ
 ВЪДЪТЕАМОНЫЪ
 49. НЕБАЗЪ. ПОБЪАЮО
 БЪТОВАННМОЦА
 МОМГОНАВМ. ВМ
 ЖЕОАДЪТЕВЪГРА
 ДЪНЕРОВОААНМЪ
 ОЦЪ. ДОНЪДЕЖЕО
 БАЪУЕТЕОМОНОА

50. ЖОЪВМШЕ НЗВЕ
 АЪЖЕМАВЪНЪДО
 АНФАННМА. НВЪ
 ЗДАНГЪРЖЦЪОВО
 НЕААГООЛООНМА
 51. НЕМОТЬ. СГДАБЛА
 ГООЛОВАМАНЕМА
 ОТЪОТЖИНОТЪНИ
 ХЪ. НВЪЗНОШАА
 52. ШЕОАНАСЕО НТИ
 ПОКАОНЪШЕОАМ
 МОУ. ВЪЗВРАТИ
 ШАОАВЪНЕРОВОА
 АНМЪОЪРАДООТИ
 53. ЖЕВАНКОЖ НБЪ
 АХЖВМННЖВЪ
 ЦЪРЬКЪВН. ХВА
 ААШЕБЛАГООЛО
 ВАЩЕБЛАМННЪ. —
 = СЛА. ОУМНОАНА. СЛА. СД.

ВЪ ЕДИННОУ СЖЕБОУ МРІНА МАГДА
 ЛІИИ ПРИДЕ ЗА ОУТРА ЕЩЕ СЖИИ ТЪ
 МЪ НА ГРОБЪ . И ВНАЕ КАМЕНЬ ВЪЗА
 ТЪ ^ТШ ГРОБА . ТЕТЕ ЖЕ НІ ПРИДЕ КЪ
 5 СИМОНУ ПЕТРОУ . И КЪ АРОУГ^ТОУМОУ
 ОУТЕННИКУ ЕГО ЖЕ АГОВАШЕ . ІОЪ . И
 ГЛА НИА . ВЪЗАША ГЛА ^ТШ ГРОБА И НЕ
 ВЪМЪ КЪДЕ И ПОЛОЖИША . ИЗНАЕ
 ЖЕ ПЕТРЪ НІ АРОУТЪІИ ОУТЕННИКЪ
 10 НАШЕТА ОБА КЪ ГРОБОУ ТОВАА
 ШЕТА ВЪКОУПЪ . НІ АРОУТЪІИ ОУТЕ
 НИКЪ ТЕТЕСКОРЪЕ ПЕТРА . И ПРИ
 ДЕ ПРЕЖДЕ КЪ ГРОБОУ НІ ПРИНИКЪ
 ВНАЕ РИЗЪІ ЛАЖАЩА . ОБАУЕ НЪ НЕ
 15 ВЪНИДЕ ПРИДЕЖЕ НІ СИМОНЪ ПЕТРЪ
 ВЪСЛѢДЪ ЕГО . НІ ВЪНИДЕ ПРЕЖДЕ
 ВЪ ГРОБЪ . НІ ВНАЕ РИЗЪІ ЛАЖАЩА
 НІ СУДАРЬ НЖЕ БѢ НА ГЛАВѢ ЕГО . НЕ
 СЪ РИЗАМИ ЛАЖАЩЪ . НЪ ОСОБЪ СЪ
 20 ВНАЕ НА ЕДИННОМЪ МѢСТѢ . ТО

3. Еса. отънона. гад. гд.

10.
XV.
1.

ВЪКДННМН
ЖЕОЖБОТМ

- МАРНИМАГДА
ЛМНН. ПРНДЕ
ЗАУТРА. ЕШЕОЖ
ШНТЪМЪНАГРО
БЪНВНДЪКА
МЕНЬ. ВЪЗАТЬ
2. ОТЪГРОБАТЕУЕ
ЖЕ. НПРНДЕКЪОМ
МОНОУПЕТРОВ
НКЪДРОУГОВ
ОУМОУ ОУУЕНИ
КОУ. КГОЖЕАЮ
БАШАШЕНТО Н
ГАНМА ВЪЗА
ШАГА ОТЪГРО
БА. ННЕСВЪМЪ
КЪДЕПОЛОЖИ
3. ШАННЗНДЕЖЕ
ПЕТРЪНАРОУГМ
НОУУЕНИ. Н
ДЪАСТАКЪГРО
4. БОУ ТБУААСТА

- ЖЕОБАВЪКОУНЪ
НАРОУГМНОУУЕ
ННКЪТБУОКО
РЪКПЕТРА. НПРН
ДЕПРЪЖДЕКЪ
5. ГРОБОВ. НПРННН
КЪ. ВНАДЪРНЗМ
ЛЕЖАША ОБАУЕ
6. НСВЪННДЕПРН
ДЕЖЕНОМОНЪ
ПЕТРЪ. ВЪСАДЪ
КГО. НВЪННДЕ
ПРЪЖДЕВЪГРО
БЪНВНДЪРН
ЗМЛЕЖАША
7. НОУДАРЬ. НЖЕ
БЪНАГЛАВЪК
ГО. НЕСЪРНЗА
МНЛЕЖАШЪНЪ
ОСОБЪ. СВЪНТЪ
НАКДННОМЪ
8. МЪОТЪТО

ГДА ЖЕ ВЪННАЕ Н ДРОУПЪИ^Н ОУЧЕ
 НИКЪ . ПРИШЪАТН ПРѢЖЕ КЪ ГРО
 БОУ Н ВНАѢ Н ВЪРОВА НЕ ОУБО
 ВѢДАХОУ КНИГЪИ . ГАКО ПОДОБА
 5 ГЕТЬ ГЕМОУ Ѡ МРЪТВЪИ^НХЪ ВЪ
 СКРЬСНОУТИ . НДОСТА ЖЕ ПАКЪИ
 КЪ СЕБЕ ОУЧЕНИКА . ДНВАЩА СА
 ЕВАНГЕ . Н . Ѡ НОАНА :

Иоан. 20, 11-18

В^НРЕМА МРІНА СТОГАСЕ ОУ ГРОБА
 10 ВЪМЕ ПЛАЧОУЩИ СА ГАКО ЖЕ ПЛАКА
 ШЕ СА . Н ПРИНИЧЕ ВЪ ГРОБЪ . Н . ВН
 ДѢ ДѢВА АНГЛА ВЪ БѢЛАХЪ РИЗА
 ХЪ СЕДАЩА . ГЕДННОГО ОУ ГЛАВЪИ
 Н ГЕДННОГО ОУ НОГОУ . НАЕЖЕ БѢ
 15 ЛЕЖАЛО ТѢЛО ІСВО . Н ГЛАСТА ГЕИ
 ЖЕНО УТО ПЛАЧЕШИ СА . ГЛА НМА
 ГАКО ВЪЗДАША ГА МОЕГО Н НЕ ВѢ
 МЪ КЪДЕ ПОЛОЖИША Н . Н СН РЕКЪ
 ШИ ОБРАТИ СА ВЪСПАТЬ . Н ВНАѢ
 20 ВЪ ІСА СТОЯЩА . И НЕ ВЪДАШЕ ГАКО

ГДА
ЖЕВЪННАЕН
ДРОУГМНОУЕ
ННИЪ · ПРИШЪ
ДЪНПРЪЖЕ
КЪГРОБОУ · НЕН
ДЪНЯЪРОВА
9. НЕОУБОВЪДЪА
ХЖЪННГЪ · М
КОПОДОБАНТЬ
КМОУ · ОТЪМРЪ
ТВМХЪВЪОКРЪ
10. ОНЖТИ НДОСТА
ЖЕПАКМНЪСЕ
БЪОУУЕННИКА · —

П СЕД. ОУЪНОСА · ГАА · ГАА · ГАА ·

10.
11.
11.

ВЪРЪМАО
НО · МАРИН
СТОМАШЕОУ
ГРОБА · ВЪ
НЪПАА
УЖЦНСА · М
КОЖЕПААКАА

ШЕСА · ПРИННУЕ
12. ВЪГРОБЪ · НЕН
ДЪДЪВААНГЛА
ВЪБЪЛАХЪ ОВ
ДАША · МДННО
ГООУГААВЫ · Н
МДННОГООУНО
ГОУ НДЕЖЕБЪАЕ
ЖААО ТЪАОНГО
13. ВО НГЛАСТАМНО
НА · ЖЕНО · УЪТО
ПАУЕШНОА ГАА
НМА ИКОВЪЗА
ШАГАМОКГО · Н
НЕВЪМЪКЪАЕ
ПОЛОЖШАН
14. НОНРЕКЪШНО
БРАТНОАВЪОПА
ТЬ НВНАВНГОА
СТОМША · ННЕВЪ
ДЪАШЕНКО

- ІСЪ ГЕСТЬ • ГЛА ГЕН ІСЪ ЖЕНО УТО
 ПЛАЧЕШИ СЯ КОГО ИЩЕШИ • ОНА
 ЖЕ МѢНАШИ АКО ВРЪТОГРАДЪ /sic/
 НИКЪ ГЕСТЬ • И ГЛА ГЕМОУ ГНѢ
 5 ШЕ ТЫ ВЪЗДАЛЪ НѢ ЕСИ • ПОВѢ
 ЖДЪ НѢ МѢНѢ КЪДЕ НѢ ЕСИ ПО
 ЛОЖНАЪ • НѢ АЗЪ ВЪЗЪМОУ НѢ •
 ГЛА ГЕН ІСЪ МРНѢ • ОБРАЩЕШИ
 ЖЕ СЯ ОНА ГЛА ГЕМОУ ГЕВРѢ
 10 НСКЫ РАВНЫ ГЕЖЕ НАРЦАГЕ
 ТЬ СЯ ОУЧЕНИТЕЛЮ • ГЛА ГЕН ІСЪ
 НЕ ПРИКАСАН СЯ МНѢ • НЕ ОУБО ВЪ
 ЗНАОХЪ КЪ ОЧѢ МОЕМОУ • НЪ (sic)
 НДН КЪ БРАТНѢ МОЕИ • НѢ РЪ
 15 ЧН НМЪ • ВЪСХОЖДОУ КЪ ОЧѢ
 МОЕМОУ НѢ ОЧѢ (sic) ВАШЕМОУ •
 ПРИДЕ ЖЕ МРНѢ МАГДАЛѢИНИ
 ПОВѢДАЮЩИ ОУЧЕНИКОМЪ
 ТАКО ВНАДѢХЪ ГЛА • НѢ СИ РЕЧЕ ГЕН •

НІО

15. КСТЬ ГЛАКННІО
ЖЕНО · УЪТОПЛА
УЕШНОА КОГО

ШТЕШН ОНАЖЕ
МЪНАЩН НКО
ВЪРТОГРАДАРЬ
КОТЬ · ГЛАКМОУ
ГНАЩЕТЫВЪ
ЗААЪКОНИГО ·
ПОВЪЖДЪМЪ
НЪ · КЪДЕКОИ
ПОЛОЖНАЪНГО ·
НАЗЪВЪЗЪМЪЖ

16. Н ГЛАКННІО
МАРНИ · ОБРАЩЬ
ШНЖЕСАОНА ·
ГЛАКМОУ РАБ
БОУНН КЖЕНА
РНЦАНТЬОМОУ
17. УНТЕАЮ ГЛА
КННІО · НЕПРН

КАОАНОАМЪ
НЪ НЕОУБОВЪ
ЗНАОХЪКЪОЦОВ
МОИМОУ ИДН
ЖЕКЪБРАТНИ
МОИ · НРЪЦН
НМЪ ВЪОХО
ЖДЖНЪОЦОВ
МОИМОУ · ПОЦОВ
ВАШЕМОУ НБО
ГОУМОИМОУ ·
НБОУВАШЕМОУ
18. ПРНДЕМАРНН
МАГДААМНН ·
ПОВЪДАЖШН
ОУУЕННКОМЪ ·
НКОВНАДЪГЛА
НОПРЕУЕИИ ·

- ПН ^НБЪГАНЪ . ^ѢѢ . ^ѠѠ МОАНА Иоан. 20, 19-31
 БНО ^ѠѠИ ПОЗДЪ ВЪ ДНЬ ОНЪ . ВЪ ГЕДИ
 ВОУ ^ѠѠОУ СЪБОТОУ . Н ДВЕРЬМЪ (sic) ЗАТВО
 ГО ^ѠѠО ПО ПА ^ѠѠРЕНОМЪ . ИДЕЖЕ БАХОУ ОУ
 5 УЕНИИ ГЕГО СЪБЪРАНИ ЗА СТРА
 ХЪ ИГОДЕНСКЪ . ПРИДЕ ІС Н СТА
 ПОСРЕДЪ НХЪ Н ГЛА НМЪ МН
 РЪ ВАМЪ . Н СИ РЕКЪ ПОКАЗА Н
 МЪ РОУТЕ Н НОЗЪ Н РЕБРА СВО
 10 ГЛА . ВЪЗДРАДОВАША ЖЕ СА ОУТЕ
 НИИ ВИДѢВШЕ ГЛА . РЕЧЕ ЖЕ
 НМЪ ПАКЪ МНРЪ ВАМЪ . ГЛАКО
 ЖЕ ПОСЛА МА ОЧЬ Н АЗЪ ПОСЛАНО
 ВЪ Н СЕ РЕКЪ ДОУМЪ [Н ГЛА] НМЪ
 15 ПРИНИМЪТЕ ДХЪ СЪІН НМЪ
 ЖЕ ^ѠѠЛОУСТНТЕ ГРЕХЪ ^ѠѠ
 ПЖСТАТЬ СА НМЪ . НМЪ ЖЕ
 ДРЪЖНТЕ ДРЪЖАТЬ СА . НМЪ
 ФОМА ЖЕ ГЕДИНЪ ^ѠѠ ОБОГО НА ДЕ
 20 САТЕ НАРНАЕМЪ И БЛНЗНЪ

СВЯ. ОУЧНО НА. ГАА. ГГ

10
XX.
19.

ЖЩОУПОЗДѢВЪ
ТЪДНЬ ВЪИДН
НЫНОЖБОТЫ
НАВЪРЪМЪЗА
ТВОРЕНАМЪНДЕ

ЖЕБЪХЖОУУЕНИ
ЦНИГОСЪБЪРАНИ

ЗАОТРАХЪНЮДЕН
ОКЪ ПРИДЕГОСТА
ПОСРЪДЪНХЪ НГЛА
НМЪ+МИРЪБАМЪ+

20. НОСЕРЕКЪ ПОКАЗАН
МЪРЖЦЪНРЕБРАСВО
И+ВЪЗДРАДОВАША
ЖЕОМОУУЕНИЦНАИ

21. ДВѢШЕГЛА+РЕУЕН

МЪІСПАКЫ+МИРЪ
ВАМЪ+МКОЖЕПОСЪ
ААМАОЦЪНАЗЪПО

22. СЫААЖВЫ+НСЕРЕ
КЪДЖНЖНГЛАИМЪ+
ПРИИМЪТЕАХЪ

23. СТЪН+НМЪЖЕОТЪ
ПОВСТНТЕГРЪХЪ
ОТЪПОВСТАТЬОА
НМЪ+НИМЪЖЕДЪР
ЖНТЕДЪРЖАТЬСА

24. НМЪ+ДОМАЖЕН
НЪОТЪОБОЮНАДЕ
САТЕ НАРИЦАНЫ
НБАНЗНЬ

160A

- ѣ не бѣ тоу съ нимъ . г҃аа при
де їс . гла҃ахъ же г҃моу ароузи
оу҃ченици видѣхомъ г҃а . онъ
же рече имъ . аще не выждѣ
5 на роукоу єго ѡзвѣн. г҃воза и
ны҃га . ѡ вѣлохъ прѣста
но҃его въ ѡзвѣ г҃воза[ни]
но҃еи . и вѣложъ роуки мо
г҃а въ ребра єго не имоу въ
10 рѣ . ѡ по осми днѣ ѡ пакы ба
хоу выждѣ оу҃ченици г҃е
го . и ѡма съ нимъ . приде же
їс двѣрьмъ затвореномъ .
и ста посреде и рече имъ ми
15 рѣ вамъ . потому г҃а ѡма
принѣси (вс) прѣсть (вс) твоѣ сѣмо
ѡ выждѣ роуцѣ мои . и прине
си роукоу твою . и . вѣложи
въ ребра моѣ ѡ не боуди
20 невѣрьмъ нѣ вѣрьмъ .

цѣ небѣ
тоу сѣннимъ · нгда
25. прндеіѣ + глаа хж
жбм оу дроузн
оууеницн + внаѣ
хомѣга + онѣжере
уенимѣ + аще не в
жажна ржкоуниго ·
нзвыгвозданны
и · н вѣао жжнѣр
стамонго · вѣнзвж
гвозданны жж · н
вѣао жжржжмо
жвѣребраго · не н
26. мжжѣры + нпоосми

дѣнѣ · пакыбма
хжвѣнжтрѣоууе
ницниго · нѣома
сѣннимъ + прндеіѣ
авѣрьмѣ затворе
намѣнстапоорѣ
дѣ · н глаанмѣ + ми
27. рѣвамѣ + потомѣ
глаѣомѣ + прне
сннѣрстѣ твоноѣ
монвнжаѣржцѣ
мон + нпрнеонрж
нжтвоѣж · н вѣао
жн вѣребрамон ·
ннебжданне вѣрь
28. нѣнѣ вѣрьнѣ +

И ШЕЩА ФОМА И РЕЧЕ ГЕМОУ .
 ГЪ МОН И БЪ МОН ГЛА ЕМОУ ІС .
 ГАКО . ВНАДВЪ МА ВТРОВА . БЛЖЕ
 НИ НЕ ВНАДВЪШЕНІ ВТРОВАВЪ
 5 ШЕН . МНОГА ЖЕ ЗНАМЕННА СЪ
 ТВОРН ІС ПРЕДЪ ОУЧЕНИКЪ
 СВОИМИ ГАЖЕ НЕ СЖТЪ ПИСА
 НА ВЪ КНИГАХЪ СИХЪ СИ ЖЕ
 ПИСАНА БЪША ДА ВТРОУ НМЕ
 10 ТЕ ГАКО ІС ГЕСТЪ ХСЪ СЪ БЖИ
 И ДА ВТРОУ ОЩЕ ЖИВОТЪ (sic) ВЪ
 УБЫИИ НМАТЕ ВЪИ НМА ЕГО:
 Г
 БВН АМЕ (sic) . Т . Ш МОАНА

Иоан. 21, 1-13

ВЪ ВРЕМА ОНО . ГАНІ СЯ ІС ОУЧЕНИ
 15 КОМЪ СВОИМЪ . ВЪСТАВЪ ИЗЪ МРЪ
 ТЪИХЪ . НА МОРИ ТИВЕРНАДЪСТЕ (sic)
 МЪ . ГАНІ СЯ НМЪ ТАКО . БАХОУ
 ВЪКЖЕ СИМОНЪ ПЕТРЪ . И ФОМА
 НАРИНАГЕМИИИ БЛЖНЪМЪ . НА
 20 ФАНАНАТЪ . ИЖЕ БЪ Ш КАНА ГАЛНАТЪ

И ОТЪВѢЩАЮМАНРЕУЕ
 ИМОУ+ГЪМОННѢ
 29. МОН+ГЛАИМОУЮ+
 ИКОВНАВЪМАСЪ
 РОЗАВЪБАЖЕННЕ
 ВНАВЪШЕННЪ
 30. РОЗАВЪШЕ+МЪНО
 ГАЖЕННАЗНАМЕ
 НИИСТОРОНЮ+ПРЪ
 ДЪОУСНИИЧОВО
 ИМИ+ИЖЕНСОЖЪ
 ПНОАНА+ВЪКЪНИ
 31. ГАХЪОНХЪ+ОНЖЕ
 ПНОАНАВЪША+ДА
 ВЪРЖИТЕСЯ+ИКО
 ГОКЕТЪХЪОНЪБО
 ЖНИ+ИДАВЪРОУ
 ЖШЕ+ЖИВОТАВЪ
 УЪНААГО+ИМАТЕ
 ВЪНМАНО+

1. СЕИ. ОУНОАНА. ГАА. СД.

10.
XXI.
1.

ВЪРЪМАО
 НО+ИВНОА
 НТООУУСНИ
 КОМЪОВО
 НМЪ+ВЪ
 ОТАВЪОТЪ
 МЪРЪМНХЪ
 НАМОРОНТИ
 ВЕРНАДЪОТЪ
 СМЪ+ИВНЖЕ
 2. ОАТАКО+БЪА
 ХЖВЪКОВЪ
 ОНМОИСТРЪ
 ИДОМАНАРИЦА
 ИМИИБАНЗЪ
 ЦЪ+ИНААНАН
 АЪ+ИЖЕБЪОТЪ
 КАНАГААНАЕ

- ѲСКЪТЪ . Ѳ СНА ЗВЕДѢОВА . Ѳ ННА[Ѳ]
 ОУЧЕНИКЪ ѲГО ДѢВА . ГЛА НМЪ СѲ .
 МОМЪ ПЕТРЪ НДОУ РЪІЕЪ ЛОВИТЬ .
 ГАША ЖЕ ГЕМОУ НАЕМЪ Н МЪІ СЪ
 5 ТОБОГО . НЗНАОША ЖЕ АБНГЕ Ѳ ВЪСѢ
 ДОША ВЪ КОРАБѢ . Н ВЪ ТОУ НОЩ[Ѣ]
 НЕ ГАША ННУБСОЖЕ . ОУТРОУ Ж[Е]
 БЪІВЪШЖ . СТА ІС ПРИ БРѢЗѢ . НЕ
 ПОЗНАША ЖЕ ГЕГО ОУЧЕНИКИ ГА
 10 КО ІС ГЕСТЬ . ГЛА Ѳ НМЪ ІС ДѢТИ .
 НМАТЕ АН УТО СЪНѢДНО СЪДЕ .
 Т
 ОВѢЩАША ГЕМОУ НИ Ѳ ОНЪ ЖЕ
 РЕЧЕ НМЪ . ВЪВРЪЗѢТЕ О ДЕСИЖ
 ГО СТРАНЖ МРѢЖА Н ОБРАЩЕТЕ
 15 ВЪВРЪГОША ЖЕ Н КЪТОМОУ НЕ
 МОЖАДОУ ПРИЕЛѢЩИ ГЕГѢ . Т
 МНОЖЕСТВА РЪІЕЪ . ГЛ (sic) ЖЕ ОУЧЕ
 НИКЪ ѲГО ЖЕ ЛЮБЛѢАШЕ ІС ПЕТРО
 ВѲ ГЪ ГЕСТЬ . СИМОНЪ ЖЕ ПЕТРЪ
 20 СЛЪШАВЪ ГАКО ГЪ ЕС[Т]Ъ . Ѳ ПЕНАН
 ТОМЪ

НОКМѢ · НОМѢ
 ЗЕВЕДОВА · НН
 НАОТЪОУУЕНН
 КЪКГОДЪВА
 3. ГЛАНЫМЪОНМО
 НЪПЕТРЪНАЖ
 РЫБЪЛОВНТЪ
 ГЛАШАНМОУ
 НДЕМЪНМЫ
 ОЪТОБОЖНН
 ЗНДОШАНВЪ
 ОЪДОШАВЪКО
 РАБАЪНАБНН
 ВЪТЖНОЩЪ · НЕ
 МАШАННУЕООЖЕ
 4. ОУТРОУЖЕАБН
 КЪМВЪШОУСТА
 НТОПРНБРЪЗЪ
 НЕПОЗНАШАЖЕ
 ОУУЕННЦННКО
 6. НТОКЕТЪ ГЛАЖЕ
 НМЪНТО ДЪТН ·

ЕДАУЪТООЪНЪ
 ДЪНОНМААТЕ ·
 ОТЪВЪШАША
 6. НМОУНН · ОНЪ
 ЖРЕУСНМЪ ВЪ
 ВЪРЪТЕОДЕОНЖ
 ЖОТРАНЖКОРА
 БАНМРЪЖАН
 ОБРАЩЕТЕ ВЪ
 ВЪРГОШАЖЕ · Н
 КЪТОМОУНЕМО
 ЖААХЖПРНВАЪ
 ШННМ · ОТЪМЪ
 НОЖЪСТААРЫБЪ
 7. ГЛАЖЕОУУЕНН
 КЪ · КГОЖЕАЮБАМ
 АШЕНТО · ПЕТРОВН ·
 ГЪКЕТЪ ОНМО
 НЪЖЕПЕТРЪОДМ
 ШАВЪ · МКО
 ГЪКОТЪ СПЕНДУ
 ТЪМЪ

- ПРЕПОУЧАСА СЯ . БѢ БО НАГѢ Н ВЪВРѢЖЕ
 СЯ ВЪ МОРЕ . А ДРОУЗНИ ОУЧЕНИЦИ КО
 РАБАНЧЬМЪ ПРИИДОША . НЕ БѢША БО ДА
 ЛЕЧЕ^Т ѿ ЗЕМЛѦ . НЪ (sic) ГАКО ДѢВѢСѢТЬ (sic)
- 5 ЛАКѢТЬ ВЛЕКОУЩЕ МРѢЖА . НѢ-НѢ
 КО ЖЕ НЗЛѢЗША НА ЗЕМЛЮ . ВН
 ДѢША ОГНЬ ЛЕЖАЩЬ . Н РЪИБѢ НА
 НЕМЪ ЛЕЖАЩОУ Н ХЛѢБЪ ГЛѢДН
 МЪ ІС ПРИНЕСЕТЕ ѿ РЪИБѢ ГАЖЕ
- 10 ГАСТѢ МЫНИА (sic) ВЪЛѢЗѢ ЖЕ СИМО
 НЪ ПЕТРЪ . НЗВЛѢЧЕ МРѢЖѢ НА
 ЗЕМЛЮ ПЛЪНО ВЕАНКѢИХЪ РЪИ
 БЪ . Р . Н . Н . Р . ТОЛНКОУ СЖЩѢ
 НЕ ПРОТРѢЖЕ СЯ МРѢЖА . Н ГЛѢДН
- 15 МЪ ІС ПРИДѢТЕ ОБѢДОУИТЕ . Н НИ
 КТО ЖЕ НЕ СЪМѢАШЕ ѿ ОУЧЕНИКѢ
 НСТАЗАТИ ЕГО ТЪІ КТО ГѢСН . ВѢ
 ДѢЩЕ ГАКО ГѢ ГЕСТЬ ПРИДЕ ЖЕ ІС
 ПРИМЪ (sic) ХЛѢБЪ ДАСТЬ НМЪ . Н РЪИ
- 20 БѢ ТАКОЖДЕ . СЕ ОУЖЕ ТРЕТНІЕ ГЕ

прѣпом
 оаоа·бѣбонагѣ·
 нвѣвѣржеоа
 8. вѣморс адров
 зноууенничи·
 корабицеми
 прнадоша не
 бѣша бо даае
 уеотѣземан·
 нѣи ко дѣвѣ
 оѣтѣаакѣтъ·
 ваѣиѣше мрѣ
 9. жѣрѣбѣ·ни
 конзлаѣзоша
 наземан·вн
 дѣша огнѣае
 жащѣ·нрѣбѣ
 лежащѣ·нанн
 мѣ·н·хлѣбѣ
 10. гла нмѣнго
 прнеоѣтѣотѣ
 рѣбѣ·мажема
 11. о теиѣнѣ вѣ
 аѣзѣ·жс онмо

нѣпстрѣ·нзвѣ
 уе мрѣжѣназс
 маѣ·пѣанѣ·
 велнкѣхѣрѣ
 бѣ·р·н·н·н·г·
 нтоанкоужеоѣ
 шов·непротрѣ
 жеоа мрѣжа
 12. гла нмѣнго прн
 дѣтѣоѣбѣдоу
 нтѣ·нннкѣто
 же не оѣмѣаше
 отѣоууеннкѣ·
 нотаѣатннго·
 тѣкѣтокон
 вѣдѣшѣмко
 13. гѣнотѣ прнде
 же нго·нпрнатѣ
 хлѣбѣ·наа
 отѣнмѣ·нрѣ
 бѣ·такѣжае
 ое оуѣстрѣтн
 н·

Г҃ВН СѦ І҆С ОУ҃ГЕННИКОМЪ . СВОИМЪ

ВЪСТАВЪ НЗ МРЪТВѢИХЪ

Б҃НАГЕ . АІ . Ѡ НОАНА ПН ѡ З . СОУ ПО
ВЪ ТѢ НЕ

Иоан. 21, 14-25

ВЪ ВРЕМА ОНО Г҃ВН СѦ І҆С ОУ҃ГЕННИКО

МЪ СВОИМЪ ВЪСТАВЪ Ѡ МРЪ

ТВѢИХЪ . И Г҃ЛА СИМОНЪ ПЕТРОУ

І҆С . СИМОНЕ НОНИМЪ ЛЮБИШИ

ЛИ МА ПАЧЕ СИХЪ . Г҃ЛА Г҃МОУ Г҃Н

Г҃Н ТЫ ВСЕИ Г҃АКО ЛЮБИЛО ТЯ

Г҃ЛА Г҃МОУ ПАСИ ОВЬЧА МОЯ . Г҃ЛА

Г҃МОУ ПАКЪІ ВЪТОРОЕ СИМО

НЕ НОНИМЪ ЛЮБИШИ МА . Г҃ЛА

Г҃МОУ Г҃Н Г҃Н ТЫ ВСЕИ Г҃АКО ЛЮ

БИЛО ТЯ . Г҃ЛА Г҃МОУ ПАСИ ОВЬЧА

МОЯ . Г҃ЛА Г҃МОУ ТРЕТИЕЕ

СИМОНЕ НОНИМЪ ЛЮБИШИ ЛИ

МА . ОСКРѢЕ ЖЕ ПЕТРЪ Г҃АКО

РЕЧЕ Г҃МОУ ТРЕТИЕЕ ЛЮБИ

ШИ ЛИ МА Г҃ЛА Г҃МОУ Г҃Н ВСЕ

ТЫ ВСЕИ ТЫ ВСЕИ Г҃АКО ЛЮ

ИВНОА НІС ОУ
У Е Н Н К О М Ъ
О В О Н М Ъ В Ъ
О Т А В Ъ О Т Ъ М Ъ
Р Т В И Х Ъ Н Г Л А

ⲉ ⲥⲁⲛⲟⲧⲁ ⲛⲉ ⲥⲁⲛ
ⲉ ⲟⲩⲧⲉⲛⲟⲩⲁ ⲁⲗⲁ ⲛⲉ ⲛⲉ

10.
XXI.
14.

ВЪРЪМА ОНО
МЕНСА НІС ОУ
У Е Н Н К О М Ъ С В О
Н М Ъ В Ъ С Т А
В Ъ О Т Ъ М Р Ъ

15. Т В И Н Х Ъ Н Г Л А
О Н М О Н О У П Е Т Р О У
О Н М О Н Е Н О Н Н Ъ
Л Ю Б И Ш И А Н М А
П А У Е С Н Х Ъ Г Л А К
М О У Е Н Г Н Т И
В Ъ С Н И К О Л Ю Б А Ю
Т А Г Л А К М О У П А
16. С Н О В Ъ Ц А М О Я Г Л А
К М О У П А Р Ъ В Ъ Т О

Р О Н О Н М О Н Е Н О Н
Н Ъ Л Ю Б И Ш И А Н
М А Г Л А К М О У Е Н
Г Н Т И В Ъ С Н И
К О Л Ю Б А Ю Т А Г Л А
К М О У П А С Н О В Ъ Ц А
17. М О Я Г Л А К М О У Т Р Е
Т Н И К О Н М О Н Е Н О
Н Н Ъ Л Ю Б И Ш И А Н
М А О С К Ъ Р Ъ Ж Е П Е
Т Р Ъ И К О Р Е У Е К М О У
Т Р Е Т Н И К Л Ю Б И
Ш И А Н М А Н Г Л А К
М О У Г Н Т И В Ъ С Е
В Ъ С Н Т И В Ъ С Н И
К О Л Ю

- [Б]ѦѦ ТА . ГЛА ЕМОУ ПАСИ ОВЦА
 [МОА] АМНѦ АМН^Н ГЛАГО ТЕБЕ ГЕ
 ГДА БѢ ЮНѢ (sic) ПОГАСАШЕ СѦ И ХОЖДА
 ШЕ ГАМО ЖЕ ХОТАШЕ . ГЕГДА ЖЕ
 5 СЪСТАРѢШИ СѦ . И ВЪЗДЕЖЕ
 ШИ РОУТѢ ТВОИ ННѢ ТА ПОГАСЕ
 ТѢ И ВЕДЕТЬ ГАМО ЖЕ НЕ ХОЩЕ
 ШИ СЕ ЖЕ РЕЧЕ КЛЕПАГА КОГЕГО
 СЪМРѢТЬГО ПРОСЛАВИТЬ БѢ . И . СЕ
 10 РЕКѢ ГЛА ГЕМОУ НДИ ПО МНѢ .
 ОБРАЩѢ ЖЕ СѦ ПЕТРѢ ВНАѢ ОУ
 ЧЕНИКА ГЕГО ЖЕ ЛЮБОВАШЕ ІС
 НДОУЩА ВЪСЛѢДѢ . ИЖЕ ВѢ
 ЗЛЕЖЕ НА ВЕЧЕРИ НА ПРѢСН ГЕ
 15 ГО . И РЕЧЕ ГИ КТО ГЕСТЬ ПРѢДА
 ГАН ТА . СЕГО ВНАѢВѢ ПЕТРѢ
 ГЛА ІСѢИ ГИ А СЕ УТО . ГЛА ЕМОУ
 ІС АЩЕ ХО[Щ]Ѧ ДА ТѢ ПРѢБѢВА
 ГЕТѢ . ДОНЪДЕЖЕ ПРНДОУ УТО ГЕ (sic)
 20 ТЕБЕ ТѢИ ПО МНѢ НДИ . ИЗНАЕ

БАЮТА ГЛА
ИМОУ ПАСНОВЦА
18. МОИ АМИНЪ А
МИНЪ РАЖТЪ
ИГДА ВЪЮИЪ ПОИ
ОАШЕСОАМЪ Н
ХОЖДААШЕСИМО
ЖЕХОТААШЕСИГДА
ЖЕОЪОТАРЪИШИ
ОА ВЪЗДЕЖЕШИ
РЖЦЪТВОИ НИИЪ
ТАПОИШЕШЪ НВ
ДЕШЪТАИМОЖЕ
19. НЕХОШЕШИ ОЖЕ
РЕУСЪЗНАМЕНИА
КОМКОЪМЪРЪТНИ
ПРООААВАНТЪЕА
НОСРЕКЪГЛАИМОУ

20. ИДИНОМЪИЪ О
БРАШЪЖСОАСТРЪ
ИДИОУУСНИКА
ИГОЖЕАЮБАНАШЕ
ИТОЪИДЖШАВЪОА
ДЪ ИЖЕИВЪЗДЕЖЕ
НАВЪУСРНИНАПЪРЪ
ОНИГОНРЕУСЪГНИКЪ
ТОМОТЪПРОДАА
21. ИТА ОЕГОБНАВЪ
ИСТРЪГЛАНИЮБИ
22. ГИ АОВУТО ГЛА
ИМОУИТОЪ АЩЕХО
ЩЖДАТЪПРОБЫ
ВАНТЪ ДОНЪДЕЖЕ
ПРИДЖУЪТОИТЕ
ВЪ ТЫНОМЪИЪ
23. ИДИИЗНАЕ

же слово се въ братиѣ тако оу҃чени
 къ тѣмъ не оумреть . не рече же тѣ
 моу іс҃у тако не оумреть . нѣ аще хо
 щѣ да тѣ прѣбывають донде
 же приидѣ что тѣ (sic) тебе . съ есть оу҃
 ченикъ свидѣтельства
 о снхѣ . нже н написа сн , н вѣм[ъ]
 тако истинно есть свидѣте
 льство его . сжѣ же нна многа
 таже сътвори іс҃у . таже аще по г҃еди
 номѣ п[и]сана бѣвають . ни са
 момоу мно҃го всемоу мироу
 вѣмѣстити . пишемъ ихъ сн
 хѣ книгѣ а҃мнѣ :

Г҃И . БЛАГО

А .

Г

жс

о а о в о о с в ъ б р а т н
ж . м к о о у ч е н н и к ъ
т ѣ н с о у м ѣ р е т ѣ
н е р е у с ж е м о у н і о
м к о н с о у м ѣ р е т ѣ
н ѣ а щ е х о щ ж а а
т ѣ п р ѣ б ѣ в а ю т ѣ
а о н ѣ д е ж е п р и д ж
у ѣ т о н о т ѣ т е б ѣ

24. о ѣ н о т ѣ о у ч е н н и к ѣ

о ѣ в ѣ д ѣ т е л ѣ о т ѣ
ѣ а н о о н х ѣ н ж е н
н а п н о а о н н ѣ в ѣ
м ѣ . м к о н с т и н ѣ
н о н о т ѣ о ѣ в ѣ д ѣ

25. т е л ѣ о т в о н о г о . о ѣ

т ѣ ж е н н н а м ѣ н о
г а . м ж с ѣ т в о р н
н і о ѣ м ж а щ е п о н
д н н о м о у п н о а н а
б ѣ в а ж т ѣ . н н о а
м о м о у м ѣ н ж м н
р о у в ѣ м ѣ о т н т н
п н ш е м ѣ н х ѣ к ѣ
н н г ѣ а м н н ѣ . —

РЕЦЕНЗИИ

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ.

Библиографический указатель под ред. Н.П. Дебеч
и С. И. Коткова¹

Под редакцией издательства "Наука" вышел в свет том библиографии работ по славянскому языкознанию, опубликованных в 1971-1975 годах.

Эта книга под этим же заглавием, собственно говоря, четвертая, является органическим продолжением собирания полной библиографии специальных работ, вышедших ранее в 1918-1960, 1961-1965 и 1966-1970 годах и посвященных вопросам синхронного и диахронного состояния славянских языков. Институт русского языкознания и Институт славяноведения АН СССР взяли на себя большую и многогранную задачу, решив издать эту серию. Речь шла не более как о том, чтобы дать полную картину состояния славянского языкознания в широких хронологических рамках, "... облегчить пользование всеми источниками в области отечественного славяноведения" - таким образом определили цель редакторы указателя Н.П. Дебеч и С.И. Котков².

В введении первого тома, состоящего из двух частей, подчеркивается, что публикуемый указатель по своему содержанию существенно отличается от библиографических обзоров, появляющихся в СССР и за рубежом, т.е. в его рамки не входят темы по славянскому литературоведению, этнографии, а включены лишь труды, представляющие интерес в основном для языковеда.

Три предыдущих тома охватывают тематически более об-

¹ Изд. "Наука", Москва, 1980, 382 стр.

² Славянское языкознание. - Библиографический указатель. Часть I, том I, стр. 6.

ширный материал, чем последний: в них отдельные разделы посвящаются и трудам в области белорусского и украинского языков, южно- и западнославянских языков, темам, касающимся сферы исторического, прикладного и сопоставительного языкознания.

В данном томе содержатся названия книг, периодических и постоянных изданий, кандидатских и докторских диссертаций, тезисы докладов, рецензии на книги, вышедшие в Советском Союзе и за рубежом; далее, в этом издании материалов по специальной литературе данного пятилетнего периода отмечены и такие работы, которые по каким-либо причинам не попали в предыдущие издания.

Редакторам - Н.П. Дебеч, Н.Т. Бунимовичу и Г.Г. Жарковой - удалось сохранить основное распределение материала, характерное для предыдущих томов, однако, в силу большого объема в том не были включены данные работ, занимающихся вопросами балтийских и старославянского языков, синхронного и диахронного состояния украинского и белорусского языков, а также - вопросами прикладного языкознания. /Библиография этих работ, по обещанию составителей, будет опубликована в следующем томе/.

Таким образом, материал распределяется на две большие части: "История и современное состояние славянского языкознания" и "Русский язык".

Первая часть содержит Персоналию /где собраны данные работ, юбилейных заседаний, посвященных деятельности ученых-славистов/, а также библиографию опубликованных работ, прозвучавших на отечественных и международных конференциях по славистике.

Вторая часть под названием "Русский язык" начинается библиографией по истории языка, за ней следует перечень работ на диалектологическую тему. Благодаря удачному редакционному принципу /то, что материал, в конечном счете, разделяется на два тома/ работа детально занимается кругом тем

по современному русскому литературному языку /без претензии на полноту перечислим/: начиная фонологией и кончая синтаксисом, от лексикологии до лексико-семантического, стилистического исследования частей речи; в этой же главе имеются и данные статей, касающихся культуры речи, языка и публицистики, различных словарей.

Глава "Синтаксис" расширена в значительной мере; в том за период 1965-1970 гг., напр., не была включена часть под заглавием "Синтаксис и семантика", и в более узком разрезе, чем в настоящем, содержалась подглава "Сложное предложение".

В качестве "Приложения" к книге подключается список работ, вышедших на иностранном языке за рубежом и получивших отклик в советской печати в 1971-1975 годах.

Из-за большого объема материала редакторы вынуждены были отказаться от помещения некоторых данных /напр., некоторые тематические отчеты и т.п./, в таких случаях тезисы помещаются под соответствующей рубрикой названий без дополнительного указания на содержание /ср. Лексикография, № 8841 "Совещание, посвященное проблеме определений терминов в словарях. Л., 1974. Тезисы 18 докладов/.

В этом томе, как и в предыдущих, не включены методические издания, учебные пособия для начальных общеобразовательных школ.

О пользовании библиографией: допустим, что читателя интересуют работы, посвященные синхронному подходу к глаголу. В "Содержании" на стр. 202 находим тему "Глагол". Если речь идет о статье, тогда за именем автора следует год выхода в печать, номер журнала и нумерация страниц. Напр., 5130. Анисимов Г.А. О способах глагольного действия в русском языке. - РЯШ, 1974, № 2, стр. 88-93. /Примечание: расшифровку сокращений см. в начале книги. "Библиография" - в отличие от предыдущих томов - не сообщает места выхода известных журналов и периодических изданий/. В том случае,

если работа является частью сборника /такова, напр., статья под № 7817 подглавы "Разговорная речь"/, то за именем автора и названием этой работы следует номер, по которому можно точно определить: в каком томе, где, когда опубликовано сочинение /в нашем случае, см. № 612/.

Если читатель ищет работу не по теме, а по автору, то за "Приложением" он его найдет в алфавитном порядке; вслед за именем автора обозначен номер, под которым будет найдена искомая работа, напр., Балаян А.Р. 6741, 6742.

Библиография, составленная чрезвычайно точно и тщательно, /вся представленная в указателе литература обработана "de visu", ни одно название не было включено на основании библиографического источника/, в своей комплектности она представляет собой уникум, которого не существует в венгерском языкознании, оказывает неоценимую помощь специалистам, студентам, занимающимся вопросами славянского /в первую очередь, русского/ языкознания.

Х. Шуйок

PAPP FERENC: KÖNYV AZ OROSZ NYELVRŐL

Budapest, 1979, 476 p. /Ференц Папп. Книга о русском языке, Будапешт, 1979, 476 стр./

В большинстве людей живет очень искренний и глубокий интерес к проблемам языка. Этот интерес обыкновенно проявляется тогда, когда ребенок встречается с ребенком или со взрослыми, говорящими на иностранном языке. Выражением этого интереса к языку являются вопросы, относящиеся, с одной стороны, к проблемам сущности и происхождения языка, и к характеристике конкретного чужого языка - с другой. К сожалению, этот интерес к языку в жизни человека с течением времени угасает. Преподаватели как родного, так и иностранного языков должны заботиться о том, чтобы интерес к языкам возрастал у учащихся. Сознательное восприятие тех сходств и различий, которые существуют между родным языком венгров и изучаемым ими иностранным языком, значительно обогащает современного человека и облегчает для него ориентировку в окружающем его мире. Насколько новой и ценной информацией обогащается человек, интересующийся языками, показывает именно рецензируемая нами книга акад. Ф. Паппа.

Русский язык является одним из "мировых языков", роль и функция которого возрастает изо дня в день в любой сфере жизни. Достаточно указать только на тот факт, что в 60-е годы 28 % научной информации мира вышло из-под пера русских ученых. Знание русского языка не только обеспечивает для нас правильную ориентировку в зарубежных странах, но и знакомит нас с достижениями художественной и специальной литературы других стран, о которых информацию можно получить посредством русского языка. Возрастающая международная роль русского языка, богатство закрепленной им информации, интерес к нему уже давно потребовало выхода такой книги, которая послужила бы источником разного рода знаний о русском языке. Эту потребность призвана восполнить интересующая нас "Книга о русском языке".

Автор книги не стремился создать грамматику русского языка, не намеревался составить практический разговорник, он написал "только" книгу о русском языке, книгу, которая изобилует сведениями о структуре и особенностях современного русского языка, показывая важнейшие моменты в его истории. Все эти сведения даются автором в увлекательной форме; как будто автор книги беседует со своими читателями.

Книга проф. Ф. Паппа состоит из следующих частей, делящихся на отдельные главы:

Часть I-ая: Русский язык "с высоты птичьего полета" /стр. 11-44/, часть II-ая "Русский язык - изнутри" /стр. 45-298/, часть III-ья: "Русский язык с древних времен" /стр. 299-432/, часть IV-ая: "Человек, говорящий по-русски в непосредственном общении" /стр. 433-446/. Список литературы, предметный и именной указатель завершают книгу.

Каждая часть делится на отдельные главы, посвященные разным дисциплинам науки о русском языке. Очень хорошо представлена книгой графическая система русского языка, его морфология. Особенно интересной и ценной является та часть книги, которая посвящена вопросам речевого этикета. Что касается процесса становления русского языка, автор коротко останавливается на важнейших моментах истории литературного языка, характеризуя стиль великих мастеров русского языка. В этой части книги выделяется глава, в которой автором рассматривается история русской лексики, причем выделяется специальная глава о немногих венгерских элементах русского языка. Наличие главы, относящейся к истории лексики, является одной из положительных сторон интересующей нас книги.

Множество интересных и остроумных наблюдений, высказанных автором, помогает читателю лучше понять своеобразие русского языка и углубить знания в этой области. Для изложения материала характерно, что автор стремится удовлетворить как интересы

тех, кто уже хорошо знает русский язык, так и интересы тех, кто владеет пока только элементами знаниями языка. Этой особенностью объясняется тот факт, что книгу Ф. Паппа можно видеть в руках учащихся, учителей, студентов и университетских преподавателей.

Не вдаваясь в подробности, в дальнейшем мы укажем на некоторое своеобразие рецензируемой книги, по которому можно представить картину о книге Ф. Паппа.

1. Общеизвестно, что русский и венгерский языки не только принадлежат к разным языковым семьям, но и сильно отличаются типологически. Исходя из этого факта, автор книги постоянно противопоставляет факты двух языков, подчеркивая таким образом их отличие, стремится помочь осознать читателю своеобразие русского языка.

2. Имея в виду обилие сопоставления фактов венгерского и русского языков, рецензируемая книга является важным шагом вперед в разработке сопоставительной грамматики русского и венгерского языков.

3. Характерной чертой трактовки и подачи материалов является коммуникативный подход автора. Ф. Папп всегда исходит из коммуникативной функции языка, часто указывая на конкретную речевую ситуацию.

4. Все это хорошо показывает, что в книге имеется очень много ценных практических наблюдений и "советов", которые помогут более эффективному обучению и практическому использованию русского языка.

5. Автор, являясь известным специалистом по русскому языку, очень часто вводит в практику /в популярной форме/ и свои собственные научные результаты и этим обеспечивает высокий научный характер книги. Однако это делается так, что популярный характер книги не теряется из-за наличия в ней теоретичес-

ких вопросов и обобщений.

6. В рецензируемой книге приводятся не только научные достижения автора, но и результаты исследований, проведенных другими венгерскими специалистами, как это видно из богато цитируемой автором литературы. Таким образом, "Книга о русском языке" дает ясную картину и о научных достижениях венгерских русистов.

7. Положительным фактом книги является и то, что она построена на единой теоретической основе, что придает ей прочный целостный характер и обеспечивает единую теоретическую платформу для рассуждений о русском языке.

Подводя итоги, мы можем сказать, что выход книги акад. Ф. Паппа о русском языке является отрадным событием в русистике Венгрии и несомненно повысит уровень знаний всех тех, кто изучает и любит русскую речь.

И.Х. Тот

Б. ШКЛИФОВ: ДОЛНОПРЕСПАНСКИЯТ ГОВОР.

Принос към изучаването на югозападните български говори¹

Рецензируемая книга "Нижнепреспанский говор" Благоя Шклифова принадлежит к серии Трудов по болгарской диалектологии и представляет собой одиннадцатый том. В основу книги лежат многолетние исследования автора в области Нижней Преспы и материалы, собранные им у представителей этого говора, разбросанных по всему свету. Сам автор также является бывшим представителем этого говора, попавшим в детские годы в Венгрию. Действительно, Б. Шклифов хорошо знаком с Венгрией: он был студентом Института им. Ленина и закончил Университет им. Л. Этвеша в Будапеште. Автор книги хорошо известен и как опытный исследователь болгарской диалектологии.

В своеобразном введении книги /"Вместо предговор"/ узнаем много личного о выходе в свет данного тома, а в настоящем введении /"Увод"/ говорится о географическом, историческом и демографическом положении Нижней Преспы, дается общая характеристика говора. В этой части книги мы получаем представление об исторических событиях, пережитых населением Нижней Преспы со времен образования болгарской державы в 681 г. до наших дней. Автор книги не теряет из виду яркие годы и значение Преспы для болгарской письменности и для исторической жизни Болгарии /см. упоминание времени правления царя Самуила и др./. Исторические данные, перечисленные автором, мы можем дополнить материалами /документы современников, договоры и пр./, опубликованными Болгарской Академией наук в сборнике "Македония"². В этой вводной части

¹ Изд. на Българската Академия на Науките, София, 1979, 239 стр.

² La Macedoine. Recueil de documents et materiaux. Académie Bulgare des Sciences, Institut d'histoire, Institut de langue bulgare. Sofia, 1980, стр. 52, 58, 62 и сл.

книги автор перечисляет все села, принадлежащие, по его мнению, к Нижнепреспанскому говору /села Герман, Нивица, Роби, Медово, Орово, Граждено, Търново, Дреново, Стърково, Пъпли, Оровник, Рудари, Дробитица, а также остров Ахил/.

Нижнепреспанский говор до этого не был изучен, констатирует Б. Шклифов, перечисляя имена всех исследователей, более или менее касавшихся материалов данного языкового общества /напр., А. Вайан, В.М. Иллич-Свитич и др./. В общей характеристике Нижнепреспанского говора Б. Шклифов говорит: "Долнопреспанският говор по своите особености е краен югозападен говор е затова се намира в близка генетична връзка с другими югозападни говори. Важна архаична черта на чает от крайните югозападни говори е наличието на разложен назализъм". /стр. 13/. В качестве его других характерных черт можем упомянуть и следующие: ограниченное количество мягких согласных фонем й, д', н', к', г', или наличие древней формы звательного падежа мужского рода: сину, брату. Характерной чертой является определительная морфема мужского рода на -о: народо. Личное местоимение 3-го лица мужского рода: той. Из глагольных форм наиболее характерные особенности: 3-е л. мн.ч. настоящего времени оканчивается на -е / атъ/: пие, дуе, мисле, вике и пр., а будущее время образуется с помощью частицы ке: Кой ке пие? Деепричастные формы в диалекте не встречаются. Это подробно излагается в разделах книги, содержащих Фонетику и Морфологию говора, с многочисленными примерами и цитатами. Весь материал совершенно не противоречит высказываниям Ст. Младенова о старинных югозападных болгарских диалектах³.

Автором книги отмечается, что нижнепреспанский говор

³ Ст. Младенов. История на българския език /§ 210, Старинные югозападнобългарски говори на Костур и Корча/. Превод и редакция на проф. д-р И. Дуриданов от немско издание през 1929, София, 1979, стр. 355.

имеет много балканизмов /напр., нет инфинитива, употребляются аористные формы у глаголов несовершенного вида: пийа - пиеф - пиф и пр./.

Значительную часть книги составляет раздел "Лексикология", которая указывает на общеболгарские и местные элементы лексического состава говора. Автор книги в этом разделе исследует основные лексико-семантические группы говора, указывая на их особый фонетический облик /напр., кук'а - кьца/. Заслуживает внимания перечень архаичных слов говора, доказывающих их несомненный контактный характер с древнеболгарским языком, напр., вел'а /вълѣти/ 'казвам', греда /грѣдѣ/ 'идвам', опе /опать/ 'отново' и пр. /стр. 146-148/.

Весьма богатым является раздел книги "Фразеология" /стр. 154-159/, но наиболее значительным и ценным мы считаем раздел, содержащий "Тексты" /стр. 160-222/, представляющие личные беседы, рассказы, биографию и пр. жителей разных сел Нижней Преспы. Здесь выступают не только представители, находящиеся в перечисленных селах окрестности Малого озера, но и жители, проживающие теперь в разных странах мира, в том числе и в деревне Белоянис в Венгрии /стр. 193-196/.

К рецензируемой книге Благоя Шклифова дается "Приложение", содержащее 13 карт, подробно и наглядно показывающих разные фонетические явления Нижнепреспанского диалекта /стр. 224-236/.

Монография Благоя Шклифова - очень ценный документ одного самостоятельного старого болгарского диалекта, она написана объективно и реально, живо и интересно и является важным пособием к изучению истории болгарского языка.

Э. Хоргоши

М.И. МАТУСЕВИЧ: СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК.
ФОНЕТИКА¹

По словам автора, данная книга является продолжением большого коллективного пособия, в состав которого вошли работы по современному русскому языку в области графики и орфографии, словообразования, синтаксиса сложного предложения, пунктуации.

Книга состоит из введения, 9-и глав и заключения. К каждой главе дана дополнительная литература, которая содержит основные сведения по данной теме.

Это учебное пособие предназначено для студентов-филологов педагогических институтов и включает в себя все основные темы, заданные по учебной программе.

Будучи ученицей акад. Л.В. Щербы, автор последовательно принимает концепции своего учителя и Ленинградской фонологической школы. Знакомя читателей с основными направлениями Московской фонологической школы, автор намеренно не вступает в полемику с представителями этой школы. Однако о том, насколько очевидно автор принадлежит к Щербовской школе, говорит, например, изложение трактовки фонемы в свете Ленинградской фонологической школы на 9,5 страницах, в то время как Московской школе в данном учебнике отводится всего лишь 2 страницы. Влияние Щербовского учения ощущается и в том случае, когда автор относит фонетику к области грамматики, правда, с оговоркой, тогда как не все представители Ленинградской фонологической школы придерживаются этого мнения /см. Л.Л. Буланин. Фонетика современного русского языка. Изд. "Вышая школа". М., 1970, стр. 201-202/.

В первой главе "Тройкий аспект звуков речи" наряду с традиционным изложением трех аспектов изучения звукового строя

¹ Изд. "Просвещение". М., 1976,

языка, мы находим обширные и, на наш взгляд, ценные таблицы фонематической и фонетической транскрипции - детальную и упрощенную /на стр. 46-51/, в которых помимо самой транскрипции содержится буква, условия встречаемости данного звука и примеры. Последние наглядно показывают качество того или иного рассматриваемого звука.

Крупным достоинством книги является широкое изложение различных методов фонетических исследований. Автор отдельно рассматривает: 1/ акустические методы /сюда относятся кимографический или пневматический и электроакустический методы, т.е. запись на осциллографе и спектрографе/ и 2/ соматические методы /метод палатограмм, рентгенограмм и кинофотосъемки/. При этом обзоре для демонстрации различных фонетических явлений используются разнообразные специальные снимки - кинограммы, спектрограммы и др., что, несомненно, повышает научный уровень книги.

Излагая учебный материал на высоком научном уровне, используя новейшие достижения науки и техники, автор делает ценные указания в учебно-методическом плане. В этом отношении показательны замечания М.И. Матусевич, касающиеся преподавания русского произношения иностранцам. Здесь же приводятся примеры на дифтонгоидное произношение гласных /полет - польет, налет - нальет/. Автор говорит и о том, что при обучении произношению русского языка для того чтобы лучше определить тот или иной гласный звук, его нельзя изолировать от соседних звуков, так как этот гласный искажается, его дифтонгоидность в конце звука исчезает. Итак, оттенки гласных необходимо изучать в потоке речи в естественном произношении.

Рецензируя учебник, следует указать на раздел "Ударение", в котором автором используется термин "выделительное ударение" /см. стр. 234-235/: "Как показывает название, это ударение выделяет по разным причинам то или иное слово в речевом потоке. Эти причины могут быть двоякого рода" /там же/. Выделительное

ударение в зависимости от задачи подразделяется на логическое и эмфатическое.

Отдельную главу автор посвящает мелодической структуре русской речи. Детально излагая теорию мелодики /ей уделяется 38 страниц/, автор подчеркивает, что мелодика, входя в мелодическую структуру языка, является главным, но не единственным средством для передачи самых различных оттенков смысла речи. Большую помощь в изучении мелодики русской речи оказывают многочисленные мелодические схемы различных русских предложений. Большое внимание уделяется вопросу лексической и мелодической характеристике выражения эмоций, где рассматриваются фонетические средства их выражения. На первый план выдвигается роль тембра голоса; но несмотря на важную роль тембра в оформлении эмоционального высказывания он экспериментально до сих пор еще не изучен и требует особого исследования.

В "Заключении" дается краткий исторический обзор изучения фонетики русского языка, начиная с XVIII века, с трудов М.В. Ломоносова и В.К. Третьяковского и кончая исследованиями современных советских лингвистов, где мы знакомимся с областью исследования наиболее крупных фонетистов.

Рецензируя данную книгу, мы пришли к заключению, что она является ценным источником изучения звуковой стороны русского языка. Опираясь на большой фактический материал, используя разнообразные таблицы, графики, рентгенограммы и т.д., автору удалось наглядно и научно обоснованно изложить эту трудную, но весьма важную область изучения русского языка. Книга с содержанием многих методических указаний может служить и преподавателям, работающим в иностранной аудитории.

О. Сеги

Ф.Є. ТКАЧ: ПАЛЕОГРАФІЧНО-ПРАВОПИСНІ ТА
ФОНЕТИКО-МОРФОЛОГІЧНІ ОСОБЛИВОСТІ МОВИ
УКРАЇНСЬКИХ ДІЛОВИХ ДОКУМЕНТІВ XVII СТ.¹

XVII век представляет собой важный этап в истории Украины. В это время ускоряется процесс образования украинской нации, одним из компонентов которого является формирование национального языка. Это последнее и отражается в лингвистических памятниках эпохи, относящихся к разным жанрам. Но для того, чтобы получить верное представление об украинском литературном языке, в данном случае, XVII века, недостаточно иметь доступ к соответствующим памятникам. Правописание даже деловых документов, наиболее ярко отражающих литературный язык на народной основе, часто скрывает черты живого украинского языка. Это привело многих лингвистов к отрицанию народной основы староукраинского литературного языка и к заключению о его искусственном, макароническом характере. Однако вопрос о том, каково было отношение между графическими системами письменных памятников и особенностями тогдашнего произношения, уже не вошел в состав исследований.

Число работ, посвященных памятникам украинского языка, велико, но в основном они направлены на фонетический, морфологический, лексический и синтаксический анализ текстов, в то время, как историки, писатели, языковеды пользуются такими текстами, которые не только не описаны, но и даже не изданы с учетом научных требований. Правда, появляются издания текстов, но они не имеют ценности источника: в них некоторые уже не употребительные буквы в соответствии с тогдашним произношением заменены современными, другие же - оставлены, независимо от того, как они читались во время написания издаваемых памятников. Так, при печатании возникают формы, никогда не существовавшие в языке.

¹ Одеса, 1974. 144 стр.

Таким образом, палеографико-орфографическое описание рукописей представляет собой весьма важную задачу, оно должно предшествовать использованию текста с любой другой точки зрения. С этой главной идеи начинается книга Ф.Е. Ткача "Палеографико-орфографические и фонетико-морфологические особенности языка украинских деловых документов XVII в." /см. главы "Введение", стр. 4-15 и "Деловые документы как источник изучения староукраинского литературного языка", стр. 16-25/. Преподаватель одесского университета опирается на богатый, отчасти лично автором обнаруженный материал: на универсалы /официально-юридические документы для общего сведения, называвшиеся ранее грамотами/, универсалы-приказы, письма, дипломатические письма, грамоты, связанные с деятельностью Богдана Хмельницкого, а также на документы, вышедшие из других украинских канцелярий во второй половине XVII века. Полученные сведения сопоставляются с данными, почерпнутыми из другого жанра, а именно из Львовской летописи и Острожского летописца. Сравнение с произведениями другого жанра, на наш взгляд, представляет собой важный элемент изучения любого памятника: оно способствует выделению тех языковых особенностей, которые вытекают из потребностей самого жанра.

Использование в анализе приблизительно ста универсалов, универсалов-приказов и сорока государственно-политических писем в качестве источника староукраинского литературного языка стало возможным по той причине, что при Богдане Хмельницком украинский был официальным государственным языком, и все деловые документы писались на нем.

В третьей главе книги "Композиция и общая характеристика языка деловых документов XVII в." /стр. 26-71/ на основе богатого материала автор доказывает, что несмотря на более или менее определенную стереотипную форму дипломатических писем и универсалов, их композиция и язык всегда приспосаблились к содержанию данного документа. А это свидетельствует о

высоком уровне письменной культуры писарей Генеральной войсковой канцелярии и противоречит высказыванию некоторых исследователей о том, что украинской канцелярии с целью составления официальных документов и для ведения государственной переписки приходилось заимствовать форму у других народов.

Однако в языке исследованных памятников, в основе которого лежали юго-западное и юго-восточное наречия, в качестве стилистического наслоения наблюдаются и чужие, в частности, церковнославянские и польские элементы. Но наличие польских элементов объясняется именно влиянием юго-западного наречия, в котором, вследствие языковых контактов, таких полонизмов насчитывалось немало. Итак, эти особенности языка универсалов и дипломатических писем могут восприниматься как диалектизмы.

В следующей главе "Палеографико-орфографические особенности письма украинских деловых документов XVII в." /стр. 72-122/ детально говорится о сокращенных написаниях слов, о вынесении графем над строкой, об употреблении глухого знака и о надстрочных знаках. За описанием каждого явления следует его функциональный анализ. Из сделанных Ф.Е. Ткачем заключений здесь мы упоминаем следующие.

Автор рецензируемой книги убедительно доказывает, что надстрочная лигатура в словах типа бха^х не свидетельствует об отпадении конечного гласного инфинитива, а соответствует буквосочетанию -ти, написанному в строке /ср. робо^х - род. п. ед.ч./. В дальнейшем автор устанавливает, что мягкость согласных обозначалась преимущественно их вынесением над строкой /хотя в подобном положении иногда встречаются и твердые согласные/. В качестве доказательства он приводит собственно-ручные подписи Богдана Хмельницкого внизу шестидесяти универсалов и тридцати писем: в этих подписях надстрочными являются лишь буквы л и ц. Вынесение над строкой буквы ц, однако, зависело и от того, когда возник данный документ. В универсалах и письмах, написанных позднее 1654 г., т.е. после воссоедине-

ния Украины с Россией, по-видимому, под влиянием русской графической системы буква ц все чаще пишется в строке.

Вместо твердого и мягкого знаков автором книги употребляется термин "глухой знак". Это он объясняет тем, что в исследованных им памятниках буквы ѣ и ь /которые часто имеют неотличимую форму/ указывают не на мягкость или твердость предшествующих им согласных, а на конец морфемы. Итак, было бы бессмысленно говорить о кириллических твердом и мягком знаках, а расхождения в их употреблении с древнерусскими типами написания объяснять различными неорфографическими причинами.

Из надстрочных знаков автор выдвигает комбинацию "вария" /\ / и точка или "дасия" /с/ - и их варианты -, стоящую над графемой и и обозначающую звукосочетание ji. Отметим, что в Украинском гомилярии 1588 г., хранящемся в будапештской Национальной библиотеке им. Сечени под шифром "Церковнославянские рукописи на листе № 9", нами наблюдалась подобная особенность употребления надстрочных знаков: так, в этом памятнике формы ед. и мн. чисел имен прилагательных и местоимений мужского рода в именительном падеже, как правило, различаются лишь отсутствием или наличием комбинации надстрочных знаков "псилия" + полукруг над конечной графемой и: которыи, стыи - ед.ч.; которыи̑, стыи̑ - мн.ч.

Последняя, пятая глава /"Общие выводы", стр. 123-139/ содержит не только компендиум изложенных на предыдущих страницах вопросов о палеографико-орфографических, фонетико-морфологических, синтаксических, лексических и стилистических особенностях универсалов и дипломатических писем, но и задачи на будущее, решение которых необходимо для дальнейшего изучения староукраинского литературного языка. К числу таких задач относится и научное издание текстов памятников разных жанров, которое неосуществимо без знания правописания староукраинского периода. В противном случае, вследствие автоматического внесения в строку написанных в рукописях над строкой букв, на-

пример, может привести к уничтожению имеющегося в оригинале различения согласных по твердости/мягкости.

Настоящая работа Ф.Е. Ткача оказывает нам значительную помощь в правильной языковой интерпретации староукраинских текстов. Вся книга проникнута страстным тоном исследователя, полемизирующего с представителями других точек зрения, основываясь на многочисленных фактах. /Возможно, этой страстностью объясняются и встречающиеся по ходу изложения повторения некоторых авторских высказываний./ Книгу Ф.Е. Ткача мы считаем серьезной работой и с радостью приняли бы известие о ее переиздании большим тиражом.

М. Кочиш

РУМЯНА ПАВЛОВА: БОЛГАРСКО-РУССКИЕ И РУССКО-
БОЛГАРСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ.

София, 1979, 223 стр.

О болгарско-русских языковых контактах много написано в разных статьях, сообщениях, посвященных этой проблематике. Болгарское влияние на русский язык особенно интенсивно начинает интересовать русских ученых, начиная с деятельности А.Х. Востокова, одного из основоположников научной славистики. В работах русских славяноведов красной нитью проходит проблематика влияния древнеболгарского языка на русский. Усилиями таких замечательных деятелей русского славяноведения, как В.И. Григорович, М.А. Максимович, И.И. Срезневский, Б.С. Биллярский и др. к 60-м годам XIX в. вырисовывается сложный процесс проникновения древнеболгарских элементов в русский язык. Но ученые первой половины XIX в. подняли вопрос и о других аспектах болгарско-русских языковых контактов. По всей вероятности, В.И. Григорович был первым, который обратил внимание специалистов на обратный процесс болгарско-русских языковых контактов, указывая на постепенное обрушение древнеболгарского языка на Руси. Важным шагом вперед явилось высказывание М. Максимовича о том, что русификация древнеболгарских памятников зависела от характера и назначения конкретного древнеболгарского текста. Эти положения М.А. Максимовича и В.И. Григоровича были дальше развиты И.И. Срезневым, который в процессе обрушения видел сложное явление: отчасти сознательное и отчасти - несознательное.

Сделанный нами беглый экскурс в изучение болгарско-русских языковых контактов показывает, что основные моменты взаимовлияния болгарского и русского языков на Руси наметились в науке уже в XIX в. Исследования продолжались и продолжают и в наши дни. Однако имеются некоторые особенности изысканий в области изучения болгарско-русских языковых контактов. Важней-

шими из них являются следующие.

1. Несмотря на собранный огромный материал до последнего времени не появился обобщающий труд по этим вопросам. Такая книга, которая освещала бы важнейшие моменты возникновения русского церковнославянского языка, еще не вышла в свет. В этом отношении намного лучше обстоит дело с изучением чешско-моравского церковнославянского языка, о котором имеется монография М. Вейнгарта. Пробел такого обобщающего труда в науке довольно ощутим, если учесть то обстоятельство - по словам автора рецензируемой книги - "по своему богатству, силе, значению, охвату и продолжительности культурные и языковые взаимоотношения между болгарским и русским народами не имеют себе равных" /стр. 3/.

Все-таки за последнее время были сделаны попытки создать обобщающие работы в области изучения болгарско-русских языковых контактов. В этом отношении следует упомянуть статьи П. Христовой-Филковой и ее книгу под заглавием "Из историята на руско-българските езикови връзки" /София, 1963/.

2. Анализируя болгарско-русские языковые контакты, исследователи обращались главным образом к раннему периоду этих контактов. Более поздние моменты болгарского влияния на русский язык остались почти не исследованными. Особенно видны недостатки этого подхода, если учесть, как мало было сделано в изучении второго южнославянского влияния. Этот процесс далеко не изучен полностью, хотя за последнее время были предприняты попытки более конкретного изучения явлений, связанных со вторым южнославянским влиянием.

Рассматривая некоторые вопросы болгарско-русских языковых контактов, мы не касались проблематики русского влияния на болгарский язык, хотя этот процесс также, по мнению автора рецензируемой книги, начался уже в XII в. /стр. 151/. В этом отношении положение является не лучшим: несмотря на высказы-

вания отдельных специалистов не было обобщающего труда, самостоятельной монографии и по этим вопросам.

Рецензируемая нами книга проф. Р. Павловой полностью охватывает вопросы болгарско-русских и русско-болгарских языковых контактов, рассматривая этот сложный и длительный процесс с древнейших времен до оформления новоболгарского литературного языка. Только такой подход может правильно и удовлетворительно осветить своеобразие языковых контактов среди болгар и русских, при котором изучаются и учитываются обе стороны направления процессов, т.е. указывается на то, чем обогатили древнеболгарский и среднеболгарский языки фонетику, морфологию, синтаксис и лексику русского языка, с одной стороны, и что вернул из полученного богатства русский язык болгарскому - с другой. Последний процесс, т.е. влияние русского языка, как на это правильно указывает автор книги, означает, что русский литературный язык вернул болгарскому языку часть того, что он сам заимствовал у болгарского языка.

Насколько комплексно рассматриваются автором вопросы взаимовлияния болгарского и русского языков, видно из содержания книги, которое делится на следующие части: Предисловие, I. Становление древнеболгарской письменной культуры /стр. 5-19/, II. Культурно-исторические связи между болгарскими и восточными славянами в IX-XI вв. /стр. 20-41/, III. Древнеболгарская книжность и развитие книжности древнего восточного славянства /стр. 42-48/, IV. Второе южнославянское влияние /стр. 49-65/, V. Роль болгарского языка в возникновении и развитии русского литературного языка /стр. 66-142/. VI. Начальный период возникновения русской книжности в Болгарии /стр. 143-151/, VII. Русско-болгарские культурные связи XV-XVIII вв. /стр. 152-165/, VIII. Сильное проникновение русской культуры в Болгарию /стр. 166-178/, IX. Роль русского языка в формировании и обогащении современного болгарского литературного языка /стр. 179-223/.

Ознакомление с содержанием книги проф. Р. Павловой показывает, что при рассмотрении отдельных вопросов, она, исходя из конкретных культурно-исторических условий, на их фоне изучает отдельные явления взаимосвязи болгарского и русского языков.

Не вдаваясь в подробности трактовки отдельных вопросов, по поводу книги проф. Р. Павловой выскажем только несколько соображений.

1. К сожалению, об истоках болгарско-русских культурных и языковых контактов мы не располагаем никакими конкретными историческими данными. Единственный наш источник - т. наз. Якимовская летопись дает такую информацию, которую трудно верно оценить. Ее проблематичность, несмотря на попытки таких ученых, как П.А. Лавровский и Ив. Снегаров, осталась и по сей день. Ввиду отсутствия конкретных исторических сведений целесообразным представляется обращаться к самим памятникам и попытаться извлечь из них все, что они могут нам дать для представления об истоках болгарско-русских языковых контактов. В этом отношении - как на это в свое время указал Н. Дурново - многообещающим является изучение графико-орфографической системы ранних памятников русского языка.

2. Необходимо учесть то, что на русской почве очень рано появляются изменения, отклонения от нормы древнеболгарского языка. Сначала эти отклонения оказываются только "обмолвками", позднее, однако, в русских летописях они становятся более или менее регулярными. Процесс обрусения был длительным и сложным и имел определенные фазы. Нам кажется вероятным, что при Ярославе Мудром значительно ускоряется процесс обрусения древнеболгарских текстов на Руси. Если рассмотрим русизмы, попавшие в древнерусские рукописи, то сразу бросается в глаза тот факт, что имеются такие черты древнерусского языка, которые с трудом пробивают себе путь в письменность. Таким является, как на это указано и проф. Р. Павловой /стр. 86/, пол-

ногласие, окончание им.-вин.п. ед.ч. м. и ср.р. причастия наст.вр. действ.з. на -а, пока имеются особенности языка, которые встречаются на каждом листе, как, например, утрата носовых гласных.

3. Рассматривая вопросы возникновения русского литературного языка и влияние болгарского языка на его развитие, нам представляется целесообразным изучать этот вопрос в другом плане, отделяя возникновение древнерусского литературного языка от возникновения русского литературного языка. Характер литературного языка в Древней Руси был иным, чем в начале XIX в. Такой подход обеспечивает более правильное понимание явлений, возникающих в русском языке, ведь - как на это было указано А.А. Шахматовым - церковнославянские элементы русского литературного языка имеют два слоя: древнейший, восходящий к концу XI в., и позднейший, проникший в русский язык не раньше конца XIV в. В первом случае мы имеем дело с действительно древнеболгарскими элементами, а во втором - с церковнославянскими, и между ними нельзя поставить знак равенства.

Нельзя забывать о том, что за исключением нескольких случаев /истоки болгарско-русских контактов, начало второго южнославянского влияния/ древнеболгарские или среднеболгарские элементы были внесены в русский литературный язык самими русскими писцами, переписчиками, проповедниками, писателями, поскольку эти элементы они считали более подходящими для литературы, чем особенности своей живой речи, которые в силу этого оставались вне рамок "священного языка".

4. Рассматривая вопросы литературного языка Древней Руси, надо учесть и то, что в этот период мы имеем дело с характерной для средних веков диглоссией. Однако в отличие от известных на Западе случаев диглоссии древнерусскую диглоссию мы называем функциональной потому, что соотношение древнерусских элементов и заимствований из древнеболгарского языка

определяется прежде всего функцией того текста, который выходит из-под пера древнерусского автора /в широком значении этого слова/. Именно эта функциональность дает возможность элементам живой речи проникнуть в сферу литературного языка.

5. Начало влияния древнерусского языка на болгарский язык и на болгарскую письменность датируется автором XII веком. Однако мы можем заявить, что древнерусское влияние на болгарский язык восходит к более раннему периоду, уже к моменту возникновения первых рукописей, списанных на Руси. Оно проявляется в пределах древнерусского государства и только несколько позже переходит границы исторической Болгарии. Проникшие в рукописи древнерусские элементы, получив "кодификацию", легче могли повлиять на язык болгарских рукописей, поскольку они находились уже в рамках "священного" языка.

Подводя итоги нашим наблюдениям над рецензируемой книгой, мы можем отметить, что ее тематика является чрезвычайно актуальной. Решение вопросов, выдвинутых автором, оказывается верным и приемлемым. Несомненно, что книга проф. Р. Павловой восполняя существенный пробел в изучении болгарско-русских взаимовлияний, послужит важным источником для тех, кто занимается сложной проблематикой болгарско-русских языковых контактов.

И.Х. Тот

С.М. КУЗЬМИНА: ТЕОРИЯ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

/Орфография в ее отношении к фонетике и
фонологии/¹

Рецензируемая книга посвящена вопросам разработки русской орфографии в сопоставлении и взаимодействии ее с фонологией и фонетикой. Монография включает в себя введение, четыре главы, заключение и обширную литературу /106 наименований/ по данной проблематике. Целью этой монографии является определение и решение важных задач при разработке полного свода правил перехода "от звука к фонеме" и "от фонемы к букве", т.е.:

звук ---> фонема ---> буква.

Прежде чем познакомить читателя с этими задачами, автор в Введении /см. подглавы "Дофонологический и фонологический этапы в изучении русского письма" и "Некоторые исходные положения", стр. 7-13/ показывает значение фонологии, послужившей стимулом для разработки проблем орфографии: "До появления фонологии письмо рассматривалось как средство передачи произношения, описывались отношения между буквами и кратчайшими единицами звучащей речи - звуками /или звукотипами/... Фонологическая теория ввела в лингвистическое описание мельчайшие частицы языка - фонемы, и это позволило описывать письмо в его непосредственных связях с языком" /стр. 7-8/. Опираясь на теорию фонемы, выработанную представителями Московской фонологической школы, автор книги считает, что, поскольку буквы - мельчайшие единицы письменной речи - непосредственно соотносены с мельчайшими незнакомыми единицами языка - фо-

¹ Изд. "Наука". М., 1981, 265 стр.

немами, то правилами орфографии /термины "орфография" и "правописание" здесь - полные синонимы/ будут правила, "устанавливающие соответствия между фонемами и буквами" /стр. 12/.

Вернемся к 4 главным задачам данного исследования.

1-ая задача - разработка полного перечня правил перехода "от фонемы к букве", т.е. получение сведений о том, что необходимо знать пишущему для передачи правильной буквенной записи словоформы. Этой проблеме, т.е. правилам перехода от фонетической транскрипции к фонемной, автор посвящает четвертую главу рецензируемой книги /стр. 179-254/. Следует отметить, что при истолковании особенностей этих правил, по мнению автора, необходимо исходить из предпосылок, касающихся некоторых важных вопросов, например, вопрос о назначении правил: "должны ли они обеспечивать получение всех разрешенных системой фонемных и буквенных сочетаний, или же только сочетаний, реально встречающихся?" /стр. 182/. Таблица, содержащая правила перехода "от фонемы к букве" /см. стр. 185-219/, составлена для следующих фонем и гиперфонем:

1. Твердые парные согласные фонемы.
2. Мягкие парные согласные фонемы.
3. Непарные по твердости-мягкости согласные фонемы.
4. Гласные фонемы.
5. Сочетание фонем <j> + гласная.
6. Согласные гиперфонемы.
7. Гласные гиперфонемы.

Несколько слов о строении таблицы. Наряду с указанием собственно правила автор в отдельных графах перечисляет для каждого случая 1/ фонологические условия, которые определяют букву для фонемы; 2/ морфологические условия,

которые определяют передачу фонемы буквой; в этой графе указываются и те правила, которые применимы для отдельных конкретных морфем; 3/ в последней графе приводятся примеры.

Второй задачей монографии "является разработка полного перечня правил получения фонемной записи русской словоформы по ее фонетической записи /правил "от звука к фонеме", стр. 17/. Другими словами, применяя эти правила, мы можем перейти от фонетической транскрипции к буквенной записи русского текста. Сводную таблицу этих правил мы находим на стр. 80-139. Автор в отдельных графах помещает: 1/ фонетические условия, при которых определяется выбор для звука фонемы; 2/ альтернативные условия, где рассматриваются позиционные чередования звуков, находящихся в слабой позиции со звуками в сильной позиции; 3/ морфологические условия, указывающие конкретные морфемы, в которых или в соседстве с которыми данный звук представляет соответствующую фонему. В отдельной графе на каждое условие к правилу приводятся примеры.

1. Твердые парные согласные звуки.
2. Мягкие парные согласные звуки.
3. Непарные по твердости-мягкости согласные звуки.
4. Гласные звуки.

В качестве третьей задачи автор затрагивает чрезвычайно сложный вопрос о способах определения фонемного состава основ. Этой проблеме посвящена третья глава /стр. 151-178/. Нахождение оптимальных способов проверки для словоформы имеет также большое практическое значение, так как для обучающихся разрабатываются основные типы проверки для звуков, находящихся в слабой позиции.

В четвертой главе даются правила русской орфографии, при составлении которых автор опирался на разработки в области фонологии и морфологии.

Монография С.М. Кузьминой вносит ценный теоретический вклад в область разработки и применения орфографических правил в русском языке и имеет большое практическое значение в обучении правописанию. Думается, что книга привлечет внимание специалистов по фонетике, фонологии, морфологии.

О. Сеги

АКСИНИЯ ДЖУРОВА: 1000 ГОДИНИ БЪЛГАРСКА
РЪКОПИСНА КНИГА, София, 1981.

Интерес к орнаменту болгарских рукописей зародился в 70-ые и 80-ые годы прошлого века, когда В. Стасов и Ф. Буслаев начали изучать болгарские рукописи как источники, первообразы орнамента древнерусских книг.

Этот интерес за последнее время все более возрастает: в наши дни вновь "открывается" художественное богатство древних славянских кодексов. Наряду с иконами внимание любителей искусства все чаще останавливается на художественных и эстетических ценностях славянских рукописей. Об этом возрастающем интересе к орнаменту глаголических и кирилловских рукописей свидетельствует растущее число научных публикаций, выходящих как в СССР, так и в Болгарии. Из публикаций последних лет упомянем книгу О. Поповой о древнерусских миниатюрах XI-XV вв. /О. Popova. Les miniatures russes du XIe au XVe siècle. Leningrad, 1975/, и книгу Т.В. Ильиной о декоративном оформлении древнерусских книг /Т.В. Ильина. Декоративное оформление древнерусских книг. Ленинград, 1978/.

Изучение художественного оформления болгарских и славянских рукописей в Болгарии также значительно продвинулось вперед. В этом отношении следует указать на книгу М. Стоянова, написанную о декоративном искусстве славянских рукописей /М. Стоянов. Украса на славянски ръкописи в България, София, 1973/. Л. Живкова не только издала знаменитое Лондонское евангелие Ивана Александра, но и детально изучила и описала художественные ценности этой замечательной болгарской рукописи /Людмила Живкова. Четроевангелие на цар Иван Александър, София, 1980/. Вопросами орнамента древнеболгарских рукописей занимаются и статьи В.И. Мавродиновой и В. Мавродиновой, не анализируя детально статьи автора рецензируемой книги, посвященные изучению художественных ценностей болгарских рукописей.

Оживленный интерес к декоративному искусству, к орнаменту рукописей обусловлен и тем фактом, что - как об этом пишет И. Дуйчев - древние славянские рукописи чаще всего описываются с палеографической, лингвистической и литературно-исторической точек зрения и только редко изучаются как памятники искусства /стр. 5/.

Рецензируемая книга известного болгарского специалиста филолога и историка искусства А. Джуровой посвящается изучению орнамента болгарских рукописей. За почти тысячулетний период своей истории болгарские рукописи пережили очень важные изменения. Несмотря на тяжелые моменты истории болгарского народа эти рукописи, свидетельствующие о вечном стремлении человека к красоте, обогатили и мировое искусство. А. Джурова после краткого введения рассматривает основные тенденции развития орнамента болгарских рукописей с X в. /куда она относит древнейшую рукопись - Ассеманиево евангелие/ до возникновения "Истории славяноболгарской" знаменитого отца болгарского возрождения - Паисия Хилендарского /1762/. Автором рассмотрены и многосторонне проанализированы все стили оформления рукописей: геометрический, неовизантийский, тератологический, балканский. А. Джуровой унаследованы как процесс издания кодекса, так и инструменты письма и украшения рукописей. Рассматривая отдельные памятники, автор указывает на своеобразие каждого из них. Она изучает каждый стиль, каждый памятник с двух точек зрения: показывает, что связывает данное явление с византийским /или очень часто с восточным/ искусством и одновременно подчеркивает то новое, что было внесено в художественное оформление рукописи болгарским писцом-художником.

Конечно, изучение орнамента рукописей не является самоцелью. Оно проливает свет на многие стороны психики средневекового человека: рукописи служат ценной информацией об эстетических взглядах заказчиков или исполнителей рукописей. Кодексами отражаются изменения, происшедшие в политической и

социальной истории их издателей и владельцев. В этом отношении заслуживает внимание смена заказчиков, ктиторов, которая произошла после падения Второго болгарского царства, когда место крупных феодалов занимают новые заказчики из среды зажиточных ремесленников, купцов. Одновременно с этим процессом центры "производства книг" перемещаются в новые монастыри, доселе неизвестные или малоизвестные в этом отношении. Конечно, появление новых ктиторов повлекло за собой и изменения в художественном оформлении кодексов.

Как приложение к книге автором составлено 317 черно-белых иллюстраций из важнейших рукописей и 83 таблицы, содержащие 1118 инициалов по разным рукописям.

Цветные и черно-белые копии с рукописей не только доказывают, иллюстрируют высказывания автора, но и оказывают исследователям рукописей большую практическую помощь в определении стиля, локализации и датировки конкретной рукописи.

В этом отношении - имея в виду хранящиеся в венгерских книгохранилищах славянские рукописи - особенное значение имеют копии, выполненные с рукописей неовизантийского и балканского стиля. Подобным образом инициалы, взятые из этих рукописей, значительно облегчат труд тех, кто изучает или описывает рукописи, находящиеся в венгерских книгохранилищах, так как большинство этих рукописей выполнено неовизантийским или балканским стилем или их комбинацией /заставка в одном, инициал в другом стиле/.

Детально составленные список литературы и список использованных рукописей облегчают работу читателя.

Прежде чем закончить анализ рецензируемой книги, мы считаем целесообразным перечислить некоторые положения автора, которые имеют важное значение для тех, кто интересуется орнаментом болгарских рукописей.

1. Орнамент славянских рукописей должен изучаться в его связи с византийским и западным искусством.

2. Орнамент славянских рукописей должен изучаться с той стороны, что новое вносит каждый исполнитель рукописи в традиционную, унаследованную /византийскую/ схему.

3. Надо учитывать, что до конца XIV в. в Болгарии уже существовали все стили украшения рукописей. В XV-XVIII вв. не рождается новый орнаментальный стиль.

4. Автор считает доказанным болгарское происхождение тератологии.

5. Внутри каждого стиля имеются и своеобразные варианты, изучению которых автор придает большое значение.

6. Каждая рукопись служит определенной эстетической информацией для исследователей.

7. Несмотря на тот факт, что после XVIII в. не оформляется новый орнаментальный стиль, поздние рукописи заслуживают большее внимание, чем оно было уделено исследователями раньше.

Следует указать и на то, что книга А. Джуровой написана на высоком научном уровне, учитывая не только результаты старого поколения специалистов, но и излагая и новейшие достижения в изучении отдельных вопросов. Широко использованная литература с учетом ее достижений является несомненно положительной стороной рецензируемой книги. Выводы автора послужат стимулом к дальнейшим исследованиям. Приложения к книге окажут большую помощь в практике, т.е. в описании отдельного конкретного памятника.

Книга А. Джуровой оформлена со вкусом, красиво и стоит на высоком техническом уровне, за это необходимо отблагодарить болгарское книжное издательство "Септември".

Подводя итоги нашим наблюдениям, мы можем сказать, что рецензируемая книга является нужным настольным пособием для каждого любителя славянских древностей и для каждого специалиста. Выход книги А. Джуровой является подлинно радостным событием славянской филологии.

И.Х. Тот

СОДЕРЖАНИЕ

Пете, И.	Объектные отношения в русском и венгерском языках	5
Саламин, Э.	Эпистемическая модальность в современном русском языке в сопоставлении с венгерским	47
Фабриц, К.	К вопросу об отграничении частицы <u>и</u> от союза <u>и</u>	65
Фонт, М.	Геза II и Изяслав Киевский	79
Велчева, Б.	К правописной классификации древнеболгарских памятников	89
Харалампиев, И.	Некоторые фонетические особенности реформированного болгарского литературного языка второй половины XIV - начала XV века	95
Балаж, Г.	Иконичность в истории русского склонения	107
Хоргоши, Э.	Некоторые особенности предлогов древнерусского языка /по материалам памятников XI-XII вв./	117
Кациба, А.	Употребление родительного-винительного падежа в Саввиной книге	127
Кочиш, М.	Украинский гомилиарий 1588 года. I. Предварительные сведения	141
Тот, И.Х.	Слуцкая псалтырь	147
Тот, И.Х.	Русская часть Саввиной книги	193

Рецензии

Шуйок, Х.	Славянское языкознание. Библиографический указатель под ред. Н.П. Дебец и С.И. Коткова	247
Тот, И.Х.	Papp Ferenc: Könyv az orosz nyelvről /Ференц Папп. Книга о русском языке/	251

Хоргоши, Э.	Б. Шклифов. Долнопреспанският говор. Принос към изучаването на югозападните български говори	255
Сеги, О.В.	М.И. Матусевич. Современный русский язык. Фонетика	258
Кочиш, М.	Ф.Б. Ткач. Палеографічно-правописні та фонетико-морфологічні особливості мови українських ділових документів XVII ст..	261
Тот, И.Х.	Румяна Павлова. Болгарско-русские и русско-болгарские языковые связи	266
Сеги, О.В.	С.М. Кузьмина. Теория русской орфографии. /Орфография в ее отношении к фонетике и фонологии/	272
Тот И.Х.	Аксиния Джурова. 1000 години българска ръкописна книга	276
	Содержание	281